Махарадзе
Советы и
борьба за
сов. власть
в Грузии...
Тифлис,
1928.

ИML — Библиотека
ГК 545
М 364 2

Ф. МАХАРАДЗЕ

СОВЕТЫ И БОРЬБА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В ГРУЗИИ

ГКБИ
М36И2

ГОСИЗДАТ С.С.Р.Г.
ТИФЛИС

Типография газ. „Заря Востока“.

Главл. № 2327. Заказ 160. Тираж 2000

XII Б 442

Ф. И. МАХАРАДЗЕ

СОВЕТЫ И БОРЬБА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В ГРУЗИИ 1917-1927

ГОСИЗДАТ С.С.Р.Г.
ТИФЛИС

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГК545
М364 Р

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
18692

3020
30

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Введение		9
Гл. I.	Февральская революция 1917 года и борьба за советскую власть в России	15
„ II.	Первое время Советов в Грузии	63
„ III.	Борьба за советскую власть у нас с Октябрьской революции 1917 г. до роспуска Сейма	129
„ IV.	Меньшевистский Национальный Совет, Учредительное Собрание и об'единенная нация	172
„ V.	Крестьянские восстания против меньшевистской власти (1918-1921 г. г.)	227
„ VI.	1920-й год	291
„ VII.	Падение меньшевистской власти и утверждение власти Советов	342

Памяти борцов,
погибших за пролетарскую
революцию.

ВВЕДЕНИЕ.

Исполнилось десять лет Великой Октябрьской Революции, исполнилось первое десятилетие со дня утверждения в одном из величайших государств мира Советской Власти. Это минувшее десятилетие по значительности своей и по богатству охватываемого им содержания соответствует не только нескольким десятилетиям, даже целому столетию.

Несомненно—Октябрьской Революцией началась совершенно новая эра в мировой истории, новая эпоха в жизни человечества.

Враги рабочих и крестьян—капиталисты, помещики и подлевающие им меньшевики, эсеры и прочая их братья, определяли срок существования советской власти недели в две, много-много в несколько месяцев. Они все верили сами и убеждали всех окружающих в том, что власть Советов в самом ближайшем времени падет. Сегодня, конечно, ясно, насколько ошибочны были прогнозы врагов трудового народа. В течение этих десяти лет Советская Власть сумела преодолеть и осилить неисчислимые трудности; перед ней и на путях ее вставали тысячи преград и затруднений. Но Советская Власть все это преодолела, выйдя из всех испытаний победительницей.

За эти десять лет своего существования и борьбы она сумела еще больше окрепнуть в

своей непоколебимости. Вполне понятно, что победа эта потребовала со стороны рабочего класса самоотверженной борьбы, величайшего напряжения, сознательно—творческой работы и неисчислимого ряда жертв. Если, вообще, когда нибудь в исторической жизни народов какой нибудь народ или общественный класс проявляли героизм, смело можно сказать, что наибольшее проявление такого героизма дали, именно, российские рабочие и крестьяне, своею кровью и самоотверженностью спасшие и охранившие Советы и Советскую Власть от натиска и вторжений сильнейшего врага. И в борьбе этой российские крестьяне и рабочие проявили беспримерную храбрость и стойкость. Но всего этого было далеко еще недостаточно для полной победы. Необходима была для завершения начатого дела величайшая созидательная работа по реконструкции и установлению форм новой жизни и нового быта, другими словами—необходимы были улучшения и победа в культурно-экономических областях. И тут мы являемся свидетелями все того же самоотвержения и редкого мужества. Октябрьская Революция и Советская Власть гигантскими шагами продвинули вперед самосознание и политическое развитие всех слоев трудового народа. История не запомнит большего под'ема в области интереса к знанию, проявленного за минувшее десятилетие в Советской Республике во всех слоях населения, в особенности в слоях, бывших наиболее угнетенными и отсталыми.

Но наиболее ценной является заслуга Советов в отношении порабощенных и угнетенных народностей, бывших, благодаря заботам

старой власти, уже на пути полного вырождения и вымирания. По отношению ко всем этим народностям Советская Власть выполнила положительно роль спасительницы: был не только приостановлен процесс вырождения этих народностей, но в жизни их наступила, в условиях Советской Власти и диктатуры пролетариата, пора нового расцвета и национального под'ема.

Можно, пожалуй, подумать—да многие так и думали—что Октябрьская Революция есть явление совершенно случайное, что она—просто результат чьего то каприза, и Советская Власть никаких корней в рабочем классе не имеет. И полагали, что Октябрьская Революция искусственно создана какой нибудь отдельной личностью, группой или партией. Но взгляд этот не выдерживает решительно никакой критики.

Корней Октябрьской Революции прежде всего надо искать в условиях развития российской государственности; непосредственно же она явилась следствием, с одной стороны, двух предыдущих революций—1905 г. и февральской 1917 года, с другой—соотношения сил тогдашней российской империи. Что-же касается самой Советской Власти, то она полностью соответствовала, и сейчас продолжает отвечать чаяниям и стремлениям трудящихся масс, рабочих и крестьян. Во всяком случае для победившего пролетариата и крестьянства ни в коем случае не был приемлем двойственный характер управления государством, как не приемлем он и сейчас. Ясно, что в первое время существования Советской власти все эти вопросы не были в достаточной мере уяснены и разработаны, почему проводить в жизнь и осуществлять

власть советов приходилось нередко насильственным путем, мерами принудительными, но что было делать? Иного пути не было. В противном случае вновь могли бы восторжествовать враги рабочего класса, паразиты, капиталисты и помещики. Является необходимым в день исполнившегося десятилетия оглянуться на пройденный за это время нашими рабочими и крестьянами путь. Главным образом, имею я в виду рабочих и крестьян Грузии.

Как мы уже знаем — советизация Грузии прошла в совершенно иных условиях, чем, например, в России. Прежде всего надо отметить то обстоятельство, что в Грузии Советская Власть установилась почти на три с половиной года позже, чем в России. Среди республик Закавказья Советская Власть в Грузии установилась позже всех. Понятно— на это были свои причины. Но следует сказать, что за это время большая часть крестьян и рабочих Грузии далеко не бездействовала. В борьбе за установление Советской Власти они были все время охвачены непрестанными волнениями. Но условия, в которые ставила их жизнь, препятствовали им достичь желаемых целей исключительно своими силами. В конечном результате борьба их, все усиливаясь и расширяясь, завершилась в феврале 1921 года полной победой.

Нечего и говорить, что враги Советской власти все еще продолжали в последующие годы вести борьбу—то подпольную, то откурытую против Советов и за свержение рабоче-крестьянской власти, но борьба эта была уже совершенно безрезультатной, бесплодной.

Завершившееся десятилетие Советской Власти является величайшим торжеством для всех трудящихся, рабочих и крестьян, не одного только нашего Союза, но и всего мира. Этот праздник знаменует собой блестящую победу рабочих одной из величайших стран, занимающей шестую часть земного шара, победу, являющуюся, в то же время, залогом того, что в самом непродолжительном будущем такая же победа будет одержана и рабочими всего мира. Именно в десятую годовщину необходимо вспомнить нам вкратце историю рабочих и крестьянских Советов, необходимо рассказать о тех фактах и обстоятельствах, которые имели у нас место при установлении Советской власти. Само собой разумеется, что история Советов и Советской власти ведет свое начало с России, где впервые зародились Советы и где была установлена первая власть Советов. Поэтому-то истории Советов в Грузии, естественно, и должна предшествовать история установления в России первых Советов и Советской власти.

Таково вообще назначение настоящей книги: она задается целью осветить значение Советов и Советской власти, дать краткую историю их зарождения, с указанием результатов, которых достигли у нас рабочие и крестьяне, опираясь на Советскую власть.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года И БОРЬБА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В РОССИИ

„Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею".

ЛЕНИН.

1

Советы, как революционные органы восставшего народа, являются новейшим словом истории. В прежних революциях, восемнадцатого и первой половины девятнадцатого столетий — возникал обыкновенно вопрос лишь о «временном правительстве», или, в лучшем случае, о созыве «учредительного собрания». Большинство прежних революций завершалось составлением временных правительств, которые по существу своему отличались от старых правительств разве только по своему составу. Все продолжало оставаться на своем месте, и лишь в верхушках государства совершались некоторые изменения: взамен одного классового хищника становился другой хищник, например, феодалов (крупных помещиков и князей) сменяла

богатая и крупная буржуазия и наоборот. Во главе этих хищнических классов становились те или другие политические партии: консерваторы, аграрии, либералы, радикалы и др. Все они во дни больших народных волнений, восстаний и революций обманывали восставших при помощи различных обещаний в целях успокоения народа. После чего новое правительство принималось обирать и грабить народ совершенно так же, как и старое. В лучшем случае народу обещали созыв Учредительного собрания, на основе, якобы, свободных выборов. Народу обещали, что Учредительное собрание выработает основные государственные законы и разрешит вопрос о форме правления: быть монархии или республике? История еще не знает примеров, чтоб Учредительное собрание было созвано на таких именно основах. И если где либо Учредительное собрание и созывалось, оно являлось обычной формалистикой, ибо принималось им лишь то, что бывало заранее предрешено. Но самым характерным было то, что Учредительное собрание созывалось обычно уже в то время, когда революционный ураган либо уже затихал, либо бывал совершенно подавлен. Отсюда, естественно, вытекала излишняя умеренность в характере Учредительных собраний и стремление использовать революционные итоги исключительно в интересах хищнических классов. Таким образом, Учредительные собрания, по большей своей части, если не всегда, шли наперекор революции, другими словами—они служили целям больше контр-революционным и реакционным, нежели революционным.

И несмотря на это, учредительное собрание в мечтах большинства людей, в том числе и в мечтах социалистов, было облечено в какие то лучезарные одеяния. Стоило только в обществе, в народе подняться сколько нибудь серьезному движению революционного оттенка, не говоря уже о настоящих революционных выступлениях, тотчас-же вставало требование о созыве Учредительного собрания. Так было в России — как во время первой (1905 г.), так и второй (февраль—март 1917 г.) революций. Любопытно, что требования о созыве Учредительного собрания пред'являлось почти одинокаво как монархическими и реакционными партиями (кадетами и октябристами), т. е. представителями рупных к апиталистов и помещиков, так, равно, и социалистическими (соц.-демократами, эсерами и др.). Партии капиталистов и помещиков, стоило только вспыхнуть революции, тотчас-же прикрывались маской и начинали пускать в ход революционные фразы в целях введения в заблуждение народа. Когда буржуазно-монархический строй старой России очутился в положении критическом и стоял перед лицом испытаний, не только Милюковы и Родзянки стали вопить об учредительном собрании, но даже сам Михаил Романов в своем отречении от прав на царский престол указывал российским гражданам на Учредительное собрание, „которое-де — своим решением выскажет волю народа на форму правления". Что все это доказывало? Это говорило о том, что вся эта контр-революционная и реакционная клика, состоящая из фабрикантов, помещиков и членов романовской фамилии, последние свои надежды возлагала на учредительное собрание. И это не было пустыми

18692

мечтами. Все они прекрасно знали по опыту, каким путем обманывали в прежние революции народ при помощи всевозможных красивых и напыщенных фраз и прекрасных обещаний. И кто знает, поверь народ этим обманщикам и на этот раз, не осуществились ли бы надежды их если не полностью, то хоть отчасти?

Но, если это так, то спросим—почему социалистические партии верили в учредилку, почему требовали они созыва ее наряду с монархическими партиями. Ни для кого не секрет, что в одно время этого же требовали социал-демократы—как меньшевики, так и большевики. Созыв Учредительного собрания получил словно какой то общий характер. В него верили все, словно в какой то фетиш, словно в какую то сверхестественную силу. Нечего и говорить, что трезвей всех относилась к Учредительному собранию социал-демократия и, главным образом, левая ее часть — большевики. Но и тут сказывалось нечто безотчетное. И только после февральской революции 1917 года большевики переменили свой взгляд на Учредительное собрание, постепенно освобождаясь от прежних взглядов, в силу которых всякая революция должна была обязательно завершиться созывом учредительного собрания на основе всеобщей, равной и тайной подачи голосов. Громадная заслуга в этом принадлежит, главным образом, тов. Ленину, благодаря его беспримерно трезвой оценке исторических явлений и гениальной дальновидности и прозорливости. Еще через месяц после февральской революции 1917 года Ленин в своих «апрельских тезисах» выставил, между прочим, положение, легшее впоследствии в основу большевистской

программы во время Февральской революции 1917 года. Вот о чем говорит это положение:

„Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу до верху".

Таким образом, первенство принадлежало Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов, но отнюдь не парламенту, избранному на основах буржуазного принципа, парламенту, который — на словах должен был быть избран всеобщим и равным голосованием, а на самом то деле являлся бы органом порабощения и угнетения капиталистами и помещиками народных масс.

То же самое можно сказать и об учредительном собрании, которое, в лучшем случае, могло бы создать только парламентарную, т.-е буржуазную республику, способную, по словам Маркса, угнетать народ нисколько не меньше монархии-абсолютизма. Таким образом, партия большевиков под руководством тов. Ленина с апреля 1917 года держала уже линию на Советы и Советскую республику, а не на Учредительное собрание и парламентарную республику, ибо это последнее означало бы, по сравнению с Советами, движение назад, вспять. Учредительное собрание и вытекающая из него парламентарная республика — были последним словом буржуазии в области управления народом. Дальше этого она итти не могла. Вместе с буржуазией стали сторонниками Учредительного собрания и парламентарной республики также и меньшевики и прочие мелкие буржуазные партии (эсеры и др.).

Правда, большевики во дни Февральской 1917 г. и Октябрьской революций во время агитации часто требовали ускорения созыва Учредительного собрания, которое обещало населению Временное Правительство под главенством сначала Гучкова—Львова и затем Керенского. Но, это являлось лишь тактическим лозунгом, ибо большевики хорошо знали, что Временное Правительство, устраивавшее дело буржуазии и подготовлявшее контр-революцию, умышленно оттягивало созыв Учредительного собрания в надежде придушить предварительно революцию, пресечь революционные выступления рабочих и крестьян, и только тогда, когда все будет готово для выполнения его приказаний —собрать формально Учредительное собрание. Временное Правительство шло испытанным путем: сначала успокоение, затем реформы, сначала умиротворение революции и усмирение восставшего народа при помощи штыков и пушек, а уже потом созыв Учредительного собрания.

По пути буржуазии полностью пошли социал-демократы меньшевики (Чхеидзе, Церетели, Жордания и др.). Большевики, считаясь с этим обстоятельством, настоятельно требовали в период февраля-октября 1917 года ускорения созыва Учредительного собрания в целях разоблачения махинаций, открытой измены и предательства как самой буржуазии, так и ее приспешников и прихвостней—меньшевиков и эсеров. В конце концов, эти молодчики принуждены были назначить днем созыва Учредительного собрания 30 сентября 1917 года. Этого постановления они все-же не выполнили. Но обстоятельство это, наряду с другими контр-революцион-

ными шагами, способствовало утрате доверия к буржуазии и меньшевикам в глазах рабочих и крестьян. Что же касается Учредительного собрания, созыв его пал на долю большевиков и Советской Власти. Но в условиях российской революции оно оказалось совершенно излишним, даже больше: оно превратилось в тормаз российской пролетарской революции, почему оно и было во время убрано с глаз, постыдно закончило свои дни, не вызвав ни в ком к себе ни одной слезы сожаления. Мы, понятно, не берем в соображение воплей и жалоб меньшевиков по тому поводу, что в российской революции потерпела полное поражение буржуазия, а с нею, в ходе революции, и обожаемое ими Учредительное собрание, на которое они молились, оказалось совершенно безвременным, и место его заняли собрания Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. Это означало, что в российской революции верх взял именно рабочий класс.

2.

В революции побеждает тот класс, который защищает государственную власть. Во всех прежних революциях, как уже было упомянуто, рабочий класс терпел поражения, победителями его оказывались классы поработителей и хищников, хотя жертвы—то нес исключительно только один класс рабочих. Победа противных классов выражалась в том, что весь государственный аппарат управления нетронутым переходил из одних хищнических рук в другие, трудовой же народ оказывался обманутым и обойденным. Вот почему мы называем все

прошлые революции—буржуазными. Правда, во Франции в революции 1830 и, главным образом, 1848 года, пролетариат уже делал попытки противопоставить буржуазии свои собственные лозунги, но попытки эти бывали слишком слабы и недостаточны для захвата государственной власти. Как мы уже знаем—попытки самостоятельных выступлений пролетариата против буржуазии в этих революциях страшно взбудоражили и обозлили последнюю. Буржуазия решила в корне же пресечь и придушить самостоятельные революционные выступления пролетариата. Вспомним июньские дни 1848 года в Париже. Рабочие Парижа дважды произвели во Франции в первой половине 19 столетия революцию, и дважды сбросили представителей бурбонской династии с трона. Но, оба раза плодами этих побед воспользовалась одна лишь буржуазия: она не выполнила в отношении рабочих ни одного из своих обещаний. Буржуазия грубо и дико попирала интересы рабочих, бесстыдно обманывая их. Ни революция 1830 г., ни 1848 г. не внесли улучшений в положение рабочего класса. И это положение, наоборот, даже на много ухудшилось. Такое отношение буржуазии к рабочим вывело их из терпения, и они для защиты своих прав прибегли к помощи оружия. Но они были совершенно неподготовлены к такой борьбе с буржуазией, что прекрасно она и понимала. И она решила раз навсегда убить в рабочем классе всякое желание и попытки вооруженных выступлений против нее. И дорого обошлось парижским рабочим их июньское выступление. Июньские дни 1848 г. являются одной из ужаснейших страниц в истории рабочего класса. Буржуазия полагала,

что июньским кровопролитием она „научила рабочих уму-разуму“ и раз навсегда вытравила из них всякое желание вооруженных выступлений. Но достигла ли буржуазия своих целей? Ответом на этот вопрос являются последующие движения рабочего класса.

Основное значение июньской революции 1848 года заключалось в том, что отныне периоду буржуазных революций положен был конец. Буржуазия уже окончательно выдохлась. Она уже окончательно превратилась в контр-революционный и реакционный фактор. С другой же стороны наступал новый период, период пролетарских революций, т.-е. такой период, когда вождем и руководителем революций должен был выступить, и на самом деле выступал, единственно революционный пролетариат.

Как известно,—первыми, сорвавшими завесу с черносотенной и контр-революционной сущности буржуазии—были Маркс и Энгельс, принимавшие активное участие в революциях Западной Европы в 1848—49 годах и не переставшие уже с тех пор, с одной стороны, зорко следить за действиями буржуазии, и с другой—работать над политическим пробуждением рабочего класса.

После революционного под'ема 1848-49 годов во всей Западной Европе настала пора черной реакции, затянувшейся вплоть до 1870 года. Эта реакция несла с собой жестокую травлю рабочих и их организаций. Но, несмотря на это, рабочее движение не только не ослабевало, но все больше и больше росло и развивалось. И когда в 1870 году, во время вспыхнувшей между Пруссией и Францией войны третья

Французская Империя от одного толчка рушилась и французская буржуазия преклонилась перед Бисмарком, совершенно бросив дело защиты Парижа, парижские рабочие принуждены были взять в свои руки это дело. Но для этого необходимо было взять в свои руки всю государственную власть. И парижский пролетариат так именно и поступил. И эта новая власть известна под именем Парижской коммуны, которая должна была осуществить диктатуру пролетариата. Это было первым рабочим государством, в котором вся власть сосредоточивалась в руках рабочих, а не буржуазии. Это первое рабочее государство просуществовало всего два месяца и 10 дней (с 18 марта по 28 мая 1871 года). Но оно всколыхнуло весь буржуазный мир и заставило его глубоко задуматься,—французскую буржуазию охватила оторопь, и ей уже угрожала гибель. Но, с другой стороны, в то время ни в одной стране не существовало еще достаточных условий для создания рабочего государства. И первое рабочее государство геройски пало в неравной борьбе. Это было время, когда диктатура пролетариата являлась обреченной на верную гибель. И она погибла. Причиной ее гибели были следующие обстоятельства: 1) парижский пролетариат в 1871 году взял в свои руки государственное управление неподготовленным, что произошло стихийно и несознательно; 2) парижский пролетариат оказался совершенно отрезанным от остальных частей Франции, где ничего не знали о том, что происходит в Париже. Это давало возможность буржуазии распространять о парижской коммуне отвра-

тительные сплетни в целях восстановления народа (рабочих и, главным образом, крестьян) против парижского пролетариата; 3) среди главарей и руководителей Коммуны не было единодушия и единства. Наоборот, между ними царили нескончаемая борьба и несогласия по вопросам тех или иных течений в социализме того времени (сюда входили сторонники Первого Интернационала, т. е. марксисты, прудонисты, анархисты и д р.). Таким образом, Парижской Коммуне нехватало единого руководительства, и в том случае, когда являлось необходимым принятие самых неотложных и решительных мер, она выказывала недопустимое колебание и шатание.

Указанные причины ускорили поражение Парижской Коммуны и облегчили победу буржуазии. Но все же Парижская Коммуна доказала, что рабочий класс в состоянии как захватывать в руки государственную власть, так и использовывать ее в интересах трудящихся масс. Парижская Коммуна доказала еще и то, что рабочий класс не может захватить государственную власть без того, чтоб не разрушить старого государственного аппарата управления и не переделать его сообразно своим взглядам и потребностям. В старину это делалось не так: когда власть сменялась, аппарат управления продолжал оставаться неизменным. Но в случае, когда рабочий класс захватывал власть, этого быть не могло. И положение это прекрасно об'яснено и выражено Марксом и Энгельсом, а впоследствии—Лениным. Вслед за поражением Парижской Коммуны во всей Европе настала жесточайшая реакция. Мысль о новой пролетарской революции, а отныне в Европе

могла быть речь только о пролетарской революции—должна была быть оставлена на долгие годы. Но были еще страны, напр. Россия, где еще существовало самодержавие, опиравшееся отчасти на помещиков, отчасти—на капиталистов; и тут на первом плане стоял вопрос о буржуазной революции. Россия не могла бы избегнуть революции. Но возможно ли было повторить в России европейскую буржуазную революцию, в особенности после опыта Парижской Коммуны? Вопрос этот разрешался в разное время и на разные лады. Вначале, когда в России поднялось революционное движение, многие думали, что развитие России пойдет иными путями, чем в странах Западной Европы. Но это было в сущности противопоставлением славянско-православной России цивилизации Западной Европы, другими словами—повторением возрений славянофилов. В дальнейшем—по мере развития в России капиталистического производства, а также и проникновения в ее жизнь соц.-демократических доктрин, мало-по-малу устанавливается взгляд, что развитие России должно итти по западноевропейскому типу.

Конкретно это означало, что в России должна была произойти сначала буржуазная, а уже затем пролетарская революция. Внешне этот взгляд как будто бы даже согласовался с теорией Маркса, и российская соц.-демократия того времени, еще не расколотая на два лагеря (большевиков и меньшевиков) всецело разделяла этот взгляд. В то время соц.-демократия, в общем, не вполне ясно отдавала себе отчет ни в оценке революционных фактов, ни в учете наличных общественных сил. Дело было в том—выступит

ли в России буржуазия в качестве революционного знаменосца и руководителя революции, как это имело место в свое время в Англии, во Франции и в Германии? Вся российская действительность доказывала, что русская буржуазия стояла слишком далеко от возможности сделать этот шаг, что она в общем легко смогла бы примириться и договориться с царским самодержавием, и это тем более, что она прекрасно замечала вооруженные приготовления рабочего класса, пробуждение в нем политического сознания и начало революционных движений. Буржуазия инстинктивно чувствовала, что если в России, предположим, вспыхнет революция для свержения самодержавного строя и установления чисто буржуазного порядка, рабочий класс постарается использовать эту революцию в своих интересах. И потому она считала для себя гораздо более выгодным, с одной стороны, соглашение с самодержавием, а с другой, установление и ведение такой политики, которая избавила бы Россию от какой бы то ни было революции. И буржуазия, с точки зрения ее собственных интересов, конечно, не ошибалась. Но хотела этого буржуазия или нет, а в России революция была неизбежным делом. Это во первых. И во вторых—об'ективные условия действительности ясно говорили о том, что в грядущей российской революции главную роль сыграет именно рабочий класс.

Дело было в том, что в конце девятнадцатого и начале двадцатого века рабочее движение, в виде забастовок и демонстраций, делалось все более и более ощутительным. В то время, как в странах Западной Европы рабочее движение принимало оппортунистический оттенок,

и революционное движение среди рабочих либо было совершенно придавлено, либо постепенно потухало и замирало, в России оно все более и более усиливалось и разрасталось. Это обстоятельство указывало на большие перемены в революционном движении международного рабочего класса. Вот, что об этом писал в 1902 г. Карл Каутский, бывший в то время знаменосцем революционного марксизма, а не ренегатом, в статье своей «Славяне и революция»: «Революционный центр передвигается от запада к востоку. В первой половине девятнадцатого века он находился во Франции, временами—в Англии. В 1848 г. Германия вошла в число революционных наций. Новое столетие (т. е. двадцатое) наступает при таких событиях, что мы идем к новому перемещению революционного центра, т. е. к его перемещению в Россию... Россия, приобревшая столько революционной инициативы у Запада, сегодня сама готова сделаться источником революционной энергии для Востока. Революционное движение, которое сейчас разгорается в России, возможно станет сильнейшим средством для окончательного искоренения духа ослабшего филистерства и политиканства, который усиливается в наших рядах"... Так трезво и образно оценивал тогда Каутский начавшееся в России революционное движение. Впоследствии, в 1905-6 г., т. е. в эпоху революционную, на вопрос—какую революцию переживает Россия (буржуазную или пролетарскую?)—тот же Каутский, еще не ставший изменником рабочего класса и революции, ответил, что российская революция 1905 года не может быть названа ни буржу-

азной, ни пролетарской: она является революцией совершенно нового типа. Но, во всяком случае, заслуживает внимания то обстоятельство, что революцию 1905 года Каутский не считал чисто буржуазной революцией.

Таким образом, заслуживает большого внимания то обстоятельство, что пока К. Каутский мыслил подлинно по марксистски — он утверждал, что в начале двадцатого столетия революционный центр из Западной Европы переместился в Европу Восточную, т.-е. в Россию. В тоже время — российскую революцию 1905 года он считает революцией какого-то нового типа, а не чисто буржуазной. Он по существу держится тех же взглядов на российскую революцию, которых держалась в то время большевистская партия. Что же касается меньшевиков, они остались на старой шаблонной точке зрения, по которой в России должна совершиться сначала революция буржуазная, а уже потом пролетарская.

Согласно этому меньшевики явно отрицали решающую и руководящую роль пролетариата в российских революциях не только 1905 года, но даже февраль-мартовской 1917 года.

Отсюда — руководство и главенство во всех этих республиках, по мысли меньшевиков, должно было быть всецело оставлено за российской буржуазией и ее идеологами — Милюковыми, Маклаковыми и Гучковыми. Что касается пролетариата, он должен был итти в хвосте буржуазии. Таким образом, за все прошлые российские революции меньшевики ставили своей целью утверждение вместо царского самодержавия буржуазного государства, что по существу означало бы начало буржуазной

диктатуры. Они ни на минуту не задумывались над тем, что совершить подлинно буржуазную революцию в двадцатом веке, да еще в России, было уже немыслимо, прежде всего потому уже, что сама российская буржуазия, которая должна была бы стать во главе этой революции и руководить ею, была ярым противником всякой революции. Меньшевики хотели силой революционизировать русскую буржуазию, но это было немыслимо. Они же верили в такое чудо. К несчастью, народ этого не замечал, или не хотел замечать того бросающегося в глаза и неоспоримого явления, что во главе российского революционного движения стал рабочий класс. Буржуазия же в это время либо пряталась, либо явно боролась против революционного движения. Вот при каких условиях должна была совершиться и совершалась у нас буржуазная революция. Было ясно, что революционное движение, которое одухотворяло передовой отряд рабочего класса, которым руководила социал-демократическая рабочая партия, не могло завершиться полной победой буржуазии, т.-е. ее господством. Отсюда явствует, что меньшевики совершенно не отдавали себе отчета в реальном положении вещей; они повторяли затверженные наизусть общие лозунги относительно буржуазной революции. Они не замечали, что таким путем они уже отходят от позиции рабочего класса и становятся по существу на путь буржуазии. Это было уже началом их измены и предательства.

Совершенно иным был подход большевиков к вопросам грядущей революции. Они, под руководством Ленина, еще во время револю-

ции 1905 года пришли к выводу, что руководство революцией совершенно не под силу буржуазии, и даже больше — она изменяла революции — поскольку замечала активное участие в ней рабочего класса. Было ясно, что в революции 1905 года буржуазия могла одержать верх только при том условии, если б революционный пролетариат и крестьянство, свергнув царское самодержавие, поклонились в ноги ей — буржуазии. Но могли ли так поступить революционный пролетариат и крестьянство? Само собой разумеется, что ни в коем случае этого не могло бы случиться. Вот почему большевики в 1905 году, уже во время хода революции, выдвинули совершенно новый лозунг: революционная диктатура пролетариата и крестьянства. Этот лозунг означал, что после победы революции вся государственная власть должна перейти в руки представителей пролетариата и крестьянства.

Нечего и говорить, что этим уже революции 1905 года придавался не буржуазный, а социалистический характер. Об этом не было сказано подробно и определенно, но логически это должно было совершиться, в случае победы революции. Меньшевики категорически восставали как против самого лозунга, так и против придания революции социалистического характера. Так, в оценке русской революции 1905 года, выявилась разница между большевиками и меньшевиками. Революция 1905 года потерпела поражение, но поражение это было только временным.

Революция 1905 г. в последний период своего развития дала нам зачат поднять революционной власти рабочего класса, который в то вре-

мя не имел возможности еще получить своего отчетливого развития и вылиться в форму диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. С поражением революции 1905 года должны были побледнеть и эти слабые контуры, но с тем, однако, чтоб в лучших условиях, при новом взрыве революции, они могли вновь возродиться, вооруженные опытами прошлого.

Читатель легко догадается, что здесь идет речь о Советах Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Советы Рабочих Депутатов зародились впервые в революционном организме в 1905 году, подобно Парижской Коммуне 1871 года. По существу Своему и то и другое являлось одним и тем же органом. Мы здесь не станем повторять истории советов 1905 г., так как это может нас завести слишком далеко. Мы ограничимся лишь кратким словом.

Советы Рабочих Депутатов возникли в 1905 году в Петербурге, после манифеста 17-го октября, когда для всех выяснились уже два обстоятельства: 1) царское правительство этот манифест аннулировало и 2) буржуазия, на словах державшая, как будто, сторону революционного рабочего движения, мгновенно и явно повернула к революции свой тыл и стала рядом с царскими прислужниками. И снова охватила все черная реакция. В таких условиях российский пролетариат постановил прибегнуть, для борьбы с властью, к испытанному уже средству—политической забастовке. В этих целях Петербургские (Ленинградские) рабочие создали специальный орган, под именем Совета Рабочих Депутатов. Каждая фабрика, каждый завод посылали в этот совет своих

представителей (депутатов), пропорционально числу рабочих в данном производстве. Основным назначением и задачей Совета являлась организация и проведение всеобщей политической забастовки, направленной против ожесточившейся реакционной власти, начавшей уже вооруженные наступления на поднявшийся народ. Ни у Совета, ни у инициаторов его в то время не было иных целей. Но, невольно, они закладывали фундамент для организации совершенно новой власти. На подобие Петербургского Совета — образовались Советы Рабочих Депутатов и в других больших городах. Но наибольший интерес вызывал к себе Петербургский Совет, в который входили все представители революционного пролетариата. Весь рабочий класс России и большая часть крестьянства были охвачены волной восстания, и переживали глубокое возмущение по поводу бесстыдных поступков представителей царской власти. В этих условиях Советы Депутатов поневоле превращались в органы революции, в выразителей революционной власти. Это, главным образом, может быть отнесено к Петербургскому Совету Рабочих Депутатов.

Петербургский Совет, работавший явно и под боком царского правительства, и работавший против него, превращался в глазах рабочих во временное революционное правительство. Они подчинялись его постановлениям и выполняли их.

И сам Совет выносил такие постановления и делал такого рода распоряжения, которые носили характер постановлений и распоряжений настоящей власти. Поэтому, это и было по существу зачатком диктатуры проле-

тариата. Но ведь рядом существовало еще старое правительство, — в распоряжении которого была громадная армия, полиция, жандармерия, тюрьмы, судебные постановления и вообще — верный ему бюрократический аппарат. И у царского правительства была возможность в любую минуту привести в действие весь этот громадный аппарат, пустив его против восставших рабочих и крестьян и их органов — Советов Рабочих Депутатов.

На что же опирались Советы Рабочих Депутатов? Какою силой обладали они в борьбе с самодержавием? Советы опирались на восставших рабочих, но у этих последних не было оружия. А между тем в таких случаях все дело решает только оружие, только физическая сила. Царское правительство хорошо знало, что на стороне Советов стоит безоружный народ; но если пройдет еще некоторое время, можно ожидать, что у Советов, пожалуй, окажется и вооруженная сила. Поэтому, царское правительство, державшееся одно время политики уступок в отношении революционного движения и выказывавшее даже некоторую нерешительность, решило принять во время меры противодействия в отношении рабочего правительства,—т.-е. Совета Рабочих Депутатов. И, действительно, в скорости (в первых числах декабря 1905 г.) были подвергнуты аресту сначала Петербургский Совет, а вслед за ним и советы остальных городов. И только московский пролетариат дал царскому правительству свой ответ вооруженным восстанием. К сожалению, его не поддержали ни рабочие других городов, ни войска. Таким образом, царское правительство сумело раздавить как револю-

ционное движение, так и Советы Рабочих Депутатов. Главная причина разгона и поражения Советов Рабочих Депутатов в 1905 году коренится в том, что они возникли совершенно стихийно и в то время, когда самодержавное царское правительство и бюрократия, хотя и порядком потрясенные революционным движением, все еще стояли довольно крепко на ногах, опираясь на покорные им войска, полицию, суды и вообще на весь бюрократический аппарат. Значит—необходимо было первым делом, ниспровергнуть это правительство и вырвать у него из рук весь бюрократический аппарат, и только после этого—организовать революционную власть. В 1905 году революция не успела низложить старое правительство, которое осталось на своем месте; в таких условиях Советы Рабочих Депутатов, не будучи в состоянии схватиться со старым правительством, принуждены были потерпеть поражение.

Несмотря, однако, на это жестокое поражение, выпавшее в 1905 году на долю Советов Рабочих Депутатов, они все же имели для борющегося пролетариата громадное воспитательное и связующее значение. В лице Советов Рабочих Депутатов рабочий класс обрел орган, который мог ему понадобиться в грядущей борьбе. Несмотря на кратковременность существования Советов Рабочих Депутатов, они приобрели во всем рабочем классе громадное доверие и уважение. Кроме всего этого—Советы Рабочих Депутатов передали борющемуся пролетариату колоссальный опыт, необходимый для будущей революции, которая неизбежно должна была совершиться. И в этой грядущей революции пролетариату не нужно уже было думать о том,

какого типа орган должен быть немедленно создан. И это выявилось 12 лет спустя, когда в 1917 году вновь вспыхнула революция.

3.

Наполовину феодальное, наполовину буржуазное самодержавное правительство, поражением московского декабрьского вооруженного восстания, потопило в крови революцию 1905 года. Правда, в течение последующих двух лет (1906-1907 г.г.) в российской империи не переставали вспыхивать восстания рабочих и крестьян, партизанские выступления и нападения на правительственные учреждения, но первая большая революционная волна, сильно встряхнувшая в 1905 году царское самодержавие, временно пошла на убыль и затихла с тем, чтобы при назревших условиях, вновь забушевать и вновь подняться. Причины, вызвавшие революцию 1905 года, все еще продолжали существовать, и только победа революции была в состоянии их совершенно устранить. Почти все партии, принимавшие то или иное участие в революции 1905 года, и в числе их меньшевики, полностью примирились с положением вещей, и не только считали излишним повторение революции, но даже вредным. И только одна партия большевиков осталась до конца верной пролетарскому и революционному знамени. Во дни самой черной реакции, в период реакции Столыпина-Дурново, реакции, начавшейся тотчас же вслед за поражением революции, когда все партии, и в том числе даже меньшевики, потеряли всякие надежды на революцию, одни только большевики продолжали непре-

рывно работать по пропаганде, и будучи твердо уверены в том, что революция вновь вспыхнет, делали все необходимое, чтоб ускорить этот момент.

И, действительно, с 1912 года рабочее движение, в течении 6-7 лет затихнувшее, вновь начало оживать, и летом 1914 года, перед началом империалистической войны, забастовки рабочих в крупнейших промышленных центрах (Петербурге, Баку и др.) принимают до того острый характер, что вооруженные рабочие готовятся к бою и строят на улицах баррикады. Но, возобновлению революционной борьбы совершенно неожиданно помешала вспыхнувшая (4 августа 1914 года) мировая разбойничья война, вследствие чего новая революционная волна, будучи в своем развитии приостановлена, вновь пошла на убыль. В первый период империалистической войны, в условиях военного времени, рабочее движение внезапно затихло. Неудовольствия и тяготы рабочего класса, требовавшие выхода наружу, принуждены были притаиться, скопляясь в глубине народной души. К бедам и злоключениям русского народа прибавились еще новые беды и горести, возникшие на почве разбойной войны. Но, в наиболее нестерпимое положение попали городские рабочие и посланные на фронт войска. Нехватка у войск продовольствия, одежды, военных снарядов; среди рабочих начался голод. И в то же время среди членов царской фамилии и высшей аристократии роскошь и разврат достигли высшей точки. Среди рабочих и военных начался тихий вначале, ропот, постепенно вылившийся в волнения против правительства и существующего

строя. В начале 1917 года в Петербурге уже начинаются забастовки рабочих, носящие серьезный характер. Рабочие требуют принятия мер против дороговизны жизни, требуют хлеба. Сочувствие войск, расположенных лагерем в Петербурге, постепенно переходит на сторону рабочих. Все чувствовали приближение катастрофы, и что революционную вспышку можно ждать со дня на день. И свержение дома Романовых должно было быть первым делом. Ожидаемая катастрофа держала в ужасе и смятении все партии. Все они, начиная с монархистов и кончая либерально-буржуазными партиями или кадетами, принимали всяческие меры для отдаления революции. По существу, такой же политики держалась и партия меньшевиков. И только большевики держались действительно революционной политики. Остановить и успокоить рабочих стало уже немыслимым делом, революция была неизбежным фактом. И судьба ее зависела от того, поддержат ли ее войсковые части. Как только в последних числах февраля 1917 года на петербургских улицах начались столкновения рабочих с полицией, войсковые части стали постепенно переходить на сторону рабочих. И это решило вопрос в пользу революции: рабочие победили. Самодержавное правительство было одним ударом свержено. Но, это было лишь первым шагом революции. Это было лишь началом ее. Все реакционные и контр-революционные партии думали остановить революцию на этом первом ее шаге. Но это было бы, в таком случае, погребением революции, а этого именно только и жаждали реакционеры

и контр-революционеры. С ними полностью солидаризировались и меньшевики. Сейчас участь революции зависела от того, какой тактики будет держаться в дальнейшем рабочий класс в отношении тех классов и партий, которые по существу являлись противниками революции, но сейчас, для введения рабочих в заблуждение, прикрывались революционной фразеологией.

Петербургский пролетариат слишком хорошо знал, что такое буржуазная изворотливость и ненадежность, чтоб принять словесные обращения буржуазии к народу за чистую монету и поверить им. Но, помимо явно контр-революционных буржуазных партий (Гучковых, Милюковых и др.) были также неустойчивые мелкобуржуазные партии меньшевиков и социалистов-революционеров, которые на словах как будто были на стороне трудового народа и революции, на деле же оказывали помощь буржуазии и контр-революции.

У пролетариата еще не было достаточного опыта для проверки деятельности этих партий. Поэтому, не легко было разобраться в этом деле, и положение это тем более осложнялось, что в первое время февральской революции, большая часть трудящихся—как городские рабочие, так и крестьяне,—выражала доверие именно этим неустойчивым, мелкобуржуазным партиям. За большевиков-же в это время держалось только меньшинство. Но, победа революции возможна была лишь при той тактике, которой придерживалась партия большевиков. Чтоб было понятнее, скажем, что это случится, когда большинство трудящихся, на самом деле,

убедится в измене меньшевиков и эс-эров и в тоже время выразит доверие большевикам. Но, для этого необходимо было время.

Надо сказать, что петербургский пролетариат в февральские дни 1917 года инстинктивно взял совершенно правильный курс. Как только пролетариат в незабываемые дни февраля почувствовал сладость первой победы и рассадил по тюремным камерам царских министров, он тотчас-же приступил к организации управления. По существу вопрос шел об организации нового правительства взамен свергнутого царского. Откладывать это дело, хотя бы на несколько часов, было немыслимо. У нового правительства и новой власти не должно было быть ничего общего с правительством старым и со старою властью, которая «волей божьей» или именем царя правила страной. Отныне в России основу власти составляла только, и одна только, воля восставшего народа. Верховным законом управления должна была быть сама революция и воля победившего пролетариата. Словом, главой верховного правления была совершившаяся революция, которая свергнула с престола не только дом Романовых, но и все те группы и партии, которые укрепляли романовскую династию и в будущем готовы были ее поддерживать.

Во дни величайшего переворота, имевшего место в Петербурге в феврале 1917 года, пролетариат не растерялся и мгновенно приступил к организации управления на совершенно новых началах. Как мы знаем, у него уже имелся некоторый опыт в лице Совета Ра-

бочих Депутатов. Поэтому, не было надобности выдумывать форму, которая уже была найдена и испробована еще в революцию 1905 года. Петербургский пролетариат не долго медлил, и уже в первые же дни победы, т. е. 27 февраля старого стиля был созван, по его ближайшей инициативе, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, избранный таким образом: по одному депутату от каждой тысячи рабочих и от каждой роты, а также от всех социалистических и демократических партий, организаций и групп. На другой же день, т.-е. 28 февраля Петроградский Совет Рабочих Депутатов уже выпускает воззвание, в котором подробно говорит о своей цели и назначении. В воззвании этом, между прочим, говорилось, что „в целях желаемого окончания борьбы в интересах и для пользы народа, необходимо, чтоб он сам создал организацию, облеченную его собственною властью". Для осуществления этой мысли Совет принимает немедленно соответствующие меры, назначает в петербургские районы для утверждения народного управления районные Комиссии, обращается ко всему городскому населению с предложением немедленно об'единиться вокруг Совета, организовать по районам местные комитеты и взять в свои руки все управление местными делами. Это означало, что Совет петербургских Рабочих и Солдатских Депутатов признавал себя полновластным органом революционной власти. И, фактически, он уже превратился в верховный орган государственной власти.

Но, в тоже время, мы знаем, не дремали и враги народа и революции, группировавшиеся в Государственной Думе и Государственном

Совете, группы и организации, державшиеся мысли, что во главе государства всегда и при всех обстоятельствах должны стоять только они. Победа революции и установление Совета рабочих и солдатских депутатов, нечего и говорить, навела на этих господ немалый страх. Мысль, что отныне государственная власть ускользает из их рук, заставила их, в надежде остаться во главе управления государством, организовать все свои силы, знания и богатый опыт. Необходимо было, первым делом, с внешней стороны перекраситься, необходимо было этим явным контр-революционерам показаться в глазах рабочих республиканцами и революционерами. Достигнуть этой цели было для них тем легче, что в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, в это время, большинство принадлежало партиям, предпочитавшим борьбе с буржуазией и помещиками соглашение и примирение с ними. Это были меньшевики и соц.-революционеры. Эти последние, именно за революционные дни февраля—марта, расплодились подобно грибам, почему их и называли даже «мартовскими социалистами». Обе эти партии обнаруживали не только политическую зыбкость и неустойчивость, но даже явное тяготение к буржуазии и помещикам. Так или иначе, но в тоже самое время, когда петроградский пролетариат создал Совет Рабочих Депутатов, Совет Старейшин Государственной Думы избирает специальный временный Комитет, задача которого, по его же раз'яснению, состояла в «установлении в Петрограде правопорядка и связи с учреждениями и лицами». Но 28-го февраля этот Комитет уже об'являет, что он при-

нужден «взять в свои руки дело восстановления государственного и общественного порядка," и вместе с этим создание «нового правительства», «которое отвечало бы желаниям населения и могло оправдать их доверие». Как видите, из этих актов не явствует еще, чтоб Комитет этот формально обладал верховной властью в государстве, тем более, что все те меры, которые упомянутый Комитет принимал, он проводил в жизнь с позволения и согласия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Так, например, во время назначения, так называемого, первого общественного Кабинета министров, вышеупомянутый Комитет находит нужным указать на участие и сочувствие войск и жителей столицы в деле победы над темными силами. Больше даже: составление этого нового министерства и его программа были одобрены Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. После этого начинает уже работать Кабинет министров, который скоро присваивает себе функции верховной власти, так что нет уже и речи о Совете Рабочих Депутатов. Напр., в одном из актов 7 марта (манифесте об утверждении финской конституции) Кабинет министров о себе говорит: «облеченные полнотой власти». Тут, вероятно, предполагается верховная власть; далее в документе от 10 марта Совет министров сам себя возводит в звание «Временного Правительства»; притом все это предпринимается Советом министров безо всякого согласования с другими политическими партиями. Вы спросите -- что же, однако, за состав и ка-

ков был он во Временном Правительстве? Председателем его был князь Львов, члены: богатый купец и фабрикант—Гучков, глава конституционно-монархической партии—Милюков и их братья. И лишь для формы впустили сюда известного Керенского, который во Временном Правительстве слыл за самого левого, и который впоследствии приобрел славу контрреволюционера. Таким образом — состав Временного Правительства ясно показывал, что оно было по существу настоящим контрреволюционным правительством. Оно постепенно и неуклонно отмежевывалось от революции и того органа, т.-е. Совета Рабочих Депутатов, который был непосредственно создан революцией и благодаря которому оно само стало существовать. Главнейшим стремлением Временного Правительства было—задушить революцию, т.-е. победить рабочих и крестьян и восстановить господство буржуазии. Но главари Временного Правительства хорошо чувствовали, что достигнуть этой цели одним ударом, да к тому же, в первое время, было немыслимо. Требовалась сугубая осторожность и наличие громадного такта, чтобы не вызвать не во время и без надобности среди рабочих нового восстания.

Что делал в это время Совет Рабочих и солдатских Депутатов? Надо сказать, что Совет этот, в который, как мы уже отметили выше, входили в большинстве меньшевики и эсеры, и председателем которого был соц.-демократ Чхеидзе, особенного внимания деятельности Временного Правительства не уделял, деятельности, направленной, с одной стороны—к за-

щите старого буржуазного и на половину крепостнического порядка, а с другой дискредитированию и умалению значения и достоинства Советов. Вот характеристика Временного Правительства, данная ему в апреле 1917 года тов. Лениным: «Старая царская власть, представлявшая только кучку крепостных помещиков, командующую всей государственной машиной, разбита и устранена, но не добита»... «Поскольку государственная власть в России перешла в руки нового к л а с с а, именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков, постольку буржуазно-демократическая революция в России закончена. Оказавшаяся у власти буржуазия заключила блок с явно монархическими элементами, проявлявшими себя неслыханно-усердной поддержкой Николая-Кровавого и Столыпина-Вешателя. Новое буржуазное правительство (Львов и К°) пыталось и начало вести переговоры с Романовыми о восстановлении монархии в России. Это правительство, под шумок революционной фразы, назначает на командные места сторонников старого порядка. . Революционному почину массовх действий новое правительство оказывает всяческие препятствия... Срока созыва Учредительного Собрания это правительство до сих пор даже не назначило. Помещичьего землевладения, этой материальной основы крепостнического царизма, оно не трогает... «В области внешней политики, которая теперь, в силу об'ективных условий, выдвинута на первый план, новое правительство является правительством продолжения империалистической войны, войны в союзе с империалистскими державами, Англией, Францией и т. д. из-за дележа капиталистической добычи, из-за удуше-

ния мелких и слабых народов»... Вопреки высказанному самым определенным образом Советом Рабочих и Солдатских Депутатов по желанию, чтобы были приняты реальные меры к прекращению бойни народов, новое правительство не сделало ни одного шага для осуществления этого пожелания Совета; оно не только не опубликовало тайных договоров, заключенных Николаем Кровавым с империалистическими державами, но даже подтвердило эти договоры... Этим новое правительство, под главенством Львова и других, явно и определенным образом шло против революции. Оно действовало против большей части русского народа, оно определенно растаптывало под ногами постановления Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Таким образом, новое правительство явно изменяло как революции, так и народу. Поэтому, оно не только не было достойно доверия революционного пролетариата и крестьянства, но его следовало бы изгнать. Все несчастье состояло в том, что этому правительству высказывал доверие Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, или, вернее—доверие ему оказывали партии меньшевиков и эсеров, составлявших громадное большинство в тогдашних Советах. Рабочие массы не доверяли Львовым, Гучковым и Милюковым, они высказывали возмущение против них, но руководители этих масс, в лице Советов, оказывали доверие неусыпному врагу рабочих и крестьян — Временному Правительству капиталистов и помещиков. Петроградские выступления в апреле и июле месяцах с лозунгами: «Долой Временное Правительство», «Вся власть Советам» были вызваны именно крайним воз-

мущением рабочих масс изменой Временного Правительства революции и предательством интересов трудовых масс. И, действительно—положение было крайне сложным. Тот орган, который должен был быть полным выразителем воли масс, шел как раз в разрез с желаниями этих масс, всеми силами препятствуя переходу государственной власти в руки Совета и с усердием защищая в глазах рабочих масс Временное Правительство.

Таким то образом, Временное Правительство превратилось в фактического хозяина страны, причем его влияние и сила постепенно выростали. Но, рядом с ним существовало революционное правительство в лице Советов, олицетворявшее в себе волю громадного большинства народа и настоящим правительством должны были быть Советы. Но, политика меньшевиков и эсеров постепенно превратила Советы в ничто. Во всяком случае, после февральской революции в России оказалось две власти.

Как вам известно, в этом двоевластии тов. Ленин видел главную особенность российской революций, требующую к себе вдумчивого внимания. «Коренной вопрос всякой революции—писал Ленин в апреле 1917 г.—есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею. В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции—продолжает Ленин в той же статье—состоит в том, что она создала двоевластие. Этот факт надо уяснить себе прежде всего. Не поняв его, нельзя итти вперед. „В чем-же состоит это двое-

властие?"— спрашивает Ленин и дает такой ответ: «В том, что рядом с Временным Правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее, другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетые в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это—революционная диктатура, т.е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, а не на закон, изданный централизованной государственной властью... Эта власть—власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года... «К сожалению, не хотят видеть очевидной истины, что поскольку существуют эти Советы, поскольку они--власть, постольку в России существует государство типа Парижской Коммуны» (Статья «О двоевластии»). Ленин возвращается к этому же вопросу в другой статье, где говорит: «Следующей, в высшей степени важной, особенностью русской революции является то, что Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, пользующийся, судя по всему, доверием большинства местных советов, добровольно передает государственную власть буржуазии и ее Временному Правительству, добровольно уступает ему первенство, заключив с ним соглашение о поддержке его, ограничивается ролью наблюдателя, контролера». И дальше: «Это чрезвычайно своеобразное, невиданное в такой форме в истории, обстоятельство соз-

дало переплетение вместе, воедино двух диктатур—диктатуры буржуазии (ибо правительство Львова и К° есть диктатура, т.-е. власть, опирающаяся не на закон, а на захват силой) и диктатуры пролетариата и крестьянства (Совет Рабочих и Солдатских Депутатов)". И Ленин совершенно естественно делал из такого положения вещей следующий вывод: «Не подлежит ни мелейшему сомнению, что долго продержаться такой «переплет» не в состоянии. Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил всяческими способами повсюду над устранением и обессилением, сведением на-нет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, над созданием единовластия буржуазии».

Такая контр-революционная работа русской буржуазии и ее Временного Правительства была возможна только с благословения и согласия Советов. Меньшевики и эсеры все значение и роль Советов свели только к роли наблюдателя за Временным Правительством вместо предоставления Советам всей государственной власти.

После Февральской революции Советы являлись главнейшей организацией рабочих и крестьян. Такими Советами скоро покрылась вся Россия. Их избирали совершенно свободно. Таким образом Советы было организациями громадного большинства российского населения. Поэтому, было вполне естественно, что Советы не только могли, но и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Только в этом случае революция могла бы достигнуть полной победы над капиталистами и помещи-

ками. Но тут, на пути осуществления воли народа встали меньшевики и эсеры. Старанием этих господ правительство сумело успокоить и приручить революционные Советы.

Ответственность за действия правительства перед рабочими и крестьянами лежала на Советах, но фактически у них на это не было ни прав, ни силы. И то и другое присвоило себе Временное Правительство. Для обмана рабочих руководители Совета Рабочих и Солдатских Депутатов создали какую-то «контактную комиссию». В этой комиссии происходили переговоры вождей меньшевиков и эсеров с правительственными министрами. Но из этих переговоров ничего полезного для рабочих и крестьян не получалось. Все делалось по указке правительства капиталистов и помещиков. Меньшевики и эсеры играли в «контактной комиссии» «роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками» (Ленин).

Несмотря на существование комиссии соглашений, или контактной комиссии, недовольство и возмущение среди рабочих и крестьян Временным Правительством не только не уменьшалось, но все больше и больше росло. Контактная комиссия делу не помогла.

Выступление петроградского пролетариата 21-го апреля против Временного Правительства вызвало первый кризис правительства. Первое правительство было чисто буржуазным. Рабочие требовали смены его и передачи государственной власти в руки рабочих и солдат. Но большевики, выставлявшие сами этот лозунг, считали осуществление его пока еще невозможным. Для того, чтоб уладить дело, буржуазия и помещики прибегли к некоторой уловке: они выставили мысль о составлении коали-

ционного правительства, т. е. в состав Временного правительства должны были войти, вместе с представителями буржуазии и землевладельцев, и социалисты из большинства, составляющего партии Советов, другими словами —меньшевики и эсеры. Это означало, что отныне буржуазия будет обделывать свои делишки при помощи и через социалистов-министров. Буржуазия таким путем подготовляла капкан как для Советов, так и для меньшевиков и эсеров. После долгих обсуждений Петроградский Совет дал разрешение меньшевикам и эсерам войти в буржуазное министерство (6-го мая).

В буржуазное министерство вошли в качестве настоящих лакеев и пешек буржуазии меньшевики—Церетели, Никитин и Скобелев; из соц.-революционеров Чернов и Авксентьев. Первым министром был избран Керенский. Роль их была вполне постыдной. Все гнусности и ошибки буржуазии эти господа должны были оправдывать и покрывать в глазах народа своими подписями и последующей агитацией среди рабочих, солдат и крестьян.

Так было, например, в вопросе о новом переходе в наступление на германском фронте, что являлось преступной авантюрой, заранее обреченной на неудачу. Так же было, впоследствии, и с введением вновь смертной казни для военных, что было аннулировано революцией.

Но делу не помогло и коалиционное правительство*). Петроградский пролетариат отве-

*) Надо заметить, что вожди грузинских меньшевиков, -под главенством Жордания, были против составления с буржуазией коалиционного правительства. По каким соображениям делалось это, об этом будет сказано в своем месте. Ф. М.

тил на это новым, еще более серьезным выступлением, чем выступление 21 апреля.

Многие тогда обвиняли партию большевиков, но она не хотела этого выступления. Она, напротив, пока этого требовала необходимость, предостерегала рабочих и солдат от каких бы то ни было выступлений против Временного Правительства. Хотя лозунгом большевиков было низвержение Временного Правительства, но для приведения в исполнение этого дела еще не было подходящих условий, ибо в Советах еще господствовали меньшевики и эсеры. Но возмущение рабочих и солдат против буржуазии и их правительства было так велико, что сдерживать их сделалось уже немыслимым.

Большевистская партия постаралась лишь придать выступлению более или менее сознательный характер, И это выступление носило еще характер демонстрации; оно имело место в первых числах июля (3—5). Это выступление превратилось, некоторым образом, в поворотный пункт русской революции.

В этом выступлении контр-революционная сущность окрашенной в красный защитный цвет буржуазии и ее союзников-меньшевиков и эсеров — вполне выяснилась. Коалиционное, почти на половину «социалистическое», правительство по соглашению с Петроградским Советом (Чхеидзе, Церетели, Дан, Скоболев и прочая братия) ответило на демонстрацию петроградского революционного пролетариата, требующего передачи государственной власти в руки Советов рабочих и Солдатских Депутатов, разгромом рабочих и партийных большевист-

ских организаций и арестом видных их вождей. Что же касается Ленина, его разыскивали с целью убийства буржуазные ищейки и лакеи, юнкера и др. Тов. Ленину удалось скрыться, и начиная с этого времени и вплоть до Октябрьской революции он скрывался в подполье.

После июльских дней наступило некоторое затишье, похожее больше на тишину, которая предшествует обычно наступлению урагана. И после этого процесс революционного развития пошел вперед более быстрым темпом. Но процесс этот имел две стороны, с одной стороны среди рабочих масс быстрее развивалось чувство недоверия по отношению к меньшевикам и эсерам. Рабочие изгоняют их из советов, заменяя изгнанных большевиками. С другой стороны, Временное Правительство под председательством Керенского уже открыто порывает связь с революционными организациями и готовится в последний раз всадить в спину революции нож.

Буржуазия и вообще весь контр-революционный лагерь, в особенности царское офицерство, начинают выказывать в отношении пролетариата и революции все большую и большую наглость и бесстыдство. Совершается подготовительная мобилизация контр-революционных организаций и групп с целью похоронить революцию. Сам „социалист“ и глава Временного Правительства Керенский устраивает тайное совещание с царским генералом, контр-революционером Корниловым для организации контр-революционного переворота, т.-е. разгона Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и разгрома всех рабочих организаций. Все это не остается в тайне. Было достойно вни-

мания то обстоятельство, что вся эта черная контр-революционная работа Временного Правительства происходила с ведома «социалистических» министров и при их ближайшем участии. Но что касается участия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в этом темном деле, то Совет, пока в нем властвовали меньшевики и эсеры, хранил молчание, что говорило о солидарности его с деятельностью контр-революционных сотен. Все это до последней степени волновало и возмущало как пролетариат, так и войсковые части. Но высшего предела достигло возмущение рабочего класса в так-называемые «корниловские дни» (в августе 1917 года), когда этот черносотенный генерал, оставив фронт, направился на Петроград для разгона Совета. Действовал он по соглашению—с одной стороны, с партией кадетов (Милюковым и др.) и с другой—с самим министром-президентом Керенским. И заговор этот скоро открылся. Приведение в исполнение этого кровавого заговора было расстроено в самом начале единодушным выступлением рабочего класса. Но все виновники его остались не наказанными.

Коалиционное правительство с меньшевиками и эсерами окончательно распалось. Борьба с революцией оказалась очень трудной. Противники решили отыскать вне пролетариата и демократической части войск какую либо точку опоры, ибо опоры этой они не могли бы уже иметь ни в пролетариате, ни в демократических частях войск. Контр-революционная буржуазия с союзниками своими—меньшевиками и эсерами—действовали в этом случае совершенно также, как это делало само-

державное правительство в случаях затруднительных. Они собирают первым делом Московское Совещание (в августе), а затем в Петрограде, якобы «Демократическое» Совещание. Этот несчастный, жалкий и отпетый народ обходит стороной органы и организации, созданные непосредственно революцией и пользовавшиеся в массах авторитетом. Вместо того, чтоб собрать Советы, они, по примеру Николая Кровавого, созывают совершенно беспочвенные и неавторитетные совещания из представителей городских самоуправлений и кооперативных организаций. С ними было то же, что с утопающим, который хватается за соломинку.

Таким образом, контр-революционная буржуазия и ее коалиционное правительство делали уже наступления на Советы. Кризис, порожденный двоевластием и развивавшийся в первое время довольно медленным ходом, сейчас приближался к своему концу. Для окончательного разрешения вопроса необходимы были не одна только физическая сила и оружие: первенствующее значение имели сами Советы и их состав. Совершилась ли в них какая либо перемена по сравнению с первым временем революции?

Надо сказать, что урок, который был преподан пролетариату февральско-мартовской революцией, не прошел для него без результата. Массы рабочих и солдат, в течение 5—6 месяцев следовавших за февральской революцией, постепенно убеждаются не только в полной никчемности меньшевиков и эсеров, но и в их измене. Последствием этого было то, что во время перевыборов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (тут речь идет главным образом

о Петроградском и Московском Советах) большинство рабочих оказалось на стороне большевиков; кандидаты меньшевиков и эсеров были один за другим провалены, и, таким образом, в Советах большинство состояло уже из большевистских депутатов. Сам Чхеидзе, пользовавшийся в одно время почти безграничным доверием петроградского пролетариата, потерпел поражение в кандидатуре на председателя Петроградского Совета и должен был бежать в Грузию. Тоже самое случилось с другим грузинским меньшевиком, другом буржуазии, Церетели, который в одно время тоже пользовался большим доверием среди рабочих. Говорят, что крысы, всегда заранее чувствуя гибель корабля, первым спасаются с него вплавь. Тоже случилось и с вождями меньшевизма перед наступлением Октябрьской Революции, когда факт полного банкротства этих господ должен был сделаться всеобщим достоянием.

Меньшевики и эсеры в продолжении 5—6 месяцев занимались болтовней и непрестанным повторением напыщенных революционных фраз. Но между словами их и делом, не соответствовавшими одно другому, была громадная разница. Они были, как говорил Ленин, революционерами и социалистами лишь на словах, работая, на самом деле, для контр-революции. Сделав полшага в сторону рабочих, они делали целый шаг в сторону буржуазии. Они пожали то, что было ими посеяно. Рабочие с презрением проводили своих некогда окруженных ореолом вождей, теперь собственными глазами убедившихся в своем банкротстве и смерти.

Относительно Октябрьской Революции в одно время было распространено мнение, будто

она, как переворот, была тайно подготовлена, и ее совершенно неожиданно навязали народу.

Мысль эту высказывали, и до сих пор продолжают высказывать враги Советской власти. Но взгляд этот на Октябрьскую Революцию совершенно не соответствует действительному положению вещей. Октябрьская Революция, т.-е. переход всей государственной власти в руки рабочих и солдатских Советов,— подготовлялась со дня февральской революции, когда рядом с петроградским Советом возникло Временное Правительство, обманным образом и хитростью захватившее в свои руки государственную власть. Октябрьская Революция подготовлялась после того, как было подавлено корниловское «восстание» единодушным натиском Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Правда, буржуазное Временное Правительство, с одной стороны, и с другой—во всех отношениях гибельная политика и тактика меньшевиков и эсеров чуть было не погубили совершенно эти Советы, но в конечном результате Советы все же настояли на своем.

Новый период подготовки Октябрьской Революции начинается с перевыборов Советов, когда на заводах и фабриках петроградских, московских и других промышленных центров рабочие забаллотировали кандидатов меньшевиков и эсеров, взамен которых избрали большевиков, истинных сторонников Советов. Все это подготовляло наступление Октябрьской Революции, все это ни для кого не было тайной. Но у нас имеются еще постановления Петроградского и Московского Советов, которые явно осуждают губительную политику Временного Правительства и требуют принятия решитель-

ных мер против него. Так, например, Петроградский Совет 31-го августа и Московский — 6-го сентября выносят резолюции, в которых выражено порицание особым правам и безответственности Временного Правительства, и есть требование вернуть революционную власть к первому источнику ее, и обращение к широким массам с призывом к решительной борьбе за ту власть, которая у них была выхвачена из рук Временным Правительством. Далее—Петроградский Совет в одной из своих резолюций от 11 сентября требует организации власти из представителей рабочих, крестьянских и солдатских организаций, и наконец об'являет, что оказать сопротивление контр-революции сумеют только Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, т.-е. об'единенные центры революционной демократии; только те сумеют спасти революцию, кто раздавил корниловское восстание: поэтому, органы эти тотчас же должны произвести мобилизацию всех своих сил, не должны попадаться в руки врагов, и там, где вся власть сосредоточена в их руках, ни при каких обстоятельствах ее не сдавать никому, но для об'единения действий необходим созыв всероссийского собрания советов. 25 сентября было вынесено постановление о созыве этого собрания, которому было поставлено в обязанность «создать настоящую революционную власть». Что все это означало? Где была во всем этом тайна и заговор? Напротив —все делалось на виду у всех и, в то же время, в строгих рамках революционной законности. И все эти приготовления делались органами революционного пролетариата и солдат — Советами. Мы, наоборот, могли бы им поста-

вить в упрек излишнюю откровенность в этом отношении. Нечего и говорить о том, что эти приготовления не укрылись от внимания Временного Правительства и его союзников — меньшевиков и эсеров. Они обо всем этом хорошо знали, но они были бессильны отвратить катастрофу, которая ждала их каждое мгновение. Они бросались то в одну сторону, то в другую,—то созывали всевозможные совещания, то вспоминали о так называемом «Предпарламенте» и находили там укрытие. Но все это было уже с их стороны тщетным самообманом. С первых чисел Октября все видели, что готовится новое выступление большевиков, но уже в совершенно иных условиях. Но когда за несколько дней до 25-го октября (ст. стиля) было назначено Второе всероссийское собрание Советов и Петроградский Совет создал Военно-Революционный Комитет, для всех стало ясно, что уже приблизился последний час господства буржуазии. Основным назначением этого Комитета была техническая подготовка восстания; в виду того обстоятельства, что у правительства Керенского в некоторых воинских частях были свои сторонники, было необходимо заранее принять меры, чтоб свержение Временного Правительства и захват Советами государственной власти были совершены без кровопролития. И все это так именно и совершилось, ибо Петроградским Советом все было в техническом отношении прекрасно оборудовано и предусмотрено. И только при взятии Зимнего Дворца, где находились министры Временного Правительства за исключением Керенского, успевшего спастись бегством из Петрограда,

имело место небольшое столкновение. Дело несколько осложнилось лишь в Москве, где защиту Временного Правительства принял на себя Комитет Общественной Безопасности, состоявший, главным образом, из эсеров, но при участии меньшевиков.

25 октября (7 ноября по нов. ст.) вечером, когда Временное Правительство было уже свергнуто, созвано было Всероссийское второе собрание Советов. *)

Большевики, левые эсеры и соц.-демократы интернационалисты вместе составляли громадное большинство собрания, почти 90%. Только большевики составляли 60%, левые эсеры—27%. Собрание констатировало уничтожение, в лице временного Правительства, диктатуры буржуазии и переход государственной власти в руки рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, что, с своей стороны, означало установление диктатуры пролетариата. На другой день Собранием был принят декрет о земле и о заключении мира. Далее им был избран состоящий из 102 членов Центральный Исполнительный Комитет, в который из большевиков входило 62 чел., из левых эсеров —20. Центральный Исполнительный Комитет избрал Совет Народных Комисаров под председательством тов. Ленина. Вот вкратце весь тот путь, при посредстве которого

*) Любопытен партийный состав 2-го Всероссийского Собрания Советов. Всего на собрание явилось 670 депутатов. Среди них: большевиков 390 (приблиз. 60%), левых эсеров—179 (27%), соц.-дем. интернационалистов—35, украинцев—21; кроме того, имелись мандаты правых эсеров, бундовцев, анархистов, меньшевиков, беспартийных.

М. Ф.

назрела и осуществилась Великая Октябрьская Революция. Грузинские меньшевики прозвали ее «Ночным переворотом»: —большевики, мол, воровски захватили власть. И многие на самом деле верили этой гнусной сплетне. На самом деле Октябрьская Революция подготовлялась почти в течение восьми месяцев (март —октябрь). Тот затянувшийся кризис, который образовался в России после Февральской революции в виде двоевластия (с одной стороны буржуазное Временное Правительство и, с другой,—Советы Рабочих и Солдатских депутатов) и который очень часто вызывал конфликты между пролетариатом и буржуазией, был разрешен Октябрьской Революцей в пользу Советов.

После февральского переворота российская революция остановилась на одном месте. Ведь дело было вовсе не в ниспровержении царской власти. Весь вопрос был в том, кто и какой класс станет во главе государства, каков будет правопорядок, каким образом разрешатся вопросы рабочий и крестьянский, в чьих руках останутся с одной стороны фабрики и Заводы, железные дороги и рудники, а с другой—земли,—как разрешится вопрос войны и мира, ибо русский народ был уже не в состоянии продолжать войну. Временное Правительство не сумело разрешить всех этих вопросов. Оно не только не было способно разрешить их в пользу народа, но даже и не желало их касаться. Временное Правительство не только не желало заключения мира, но оно, наоборот, было заинтересовано в доведении войны до победного конца вместе с союзными империалистическими державами. Временное Правительство вовсе и не думало об

отобрании у помещиков земель, а тем более об отобрании фабрик и заводов у капиталистов. Но, даже больше—оно проявляло нерешительность даже в вопросах замены монархии республиканским строем. Все эти неотложные вопросы оно запутывало и хранило молчание вплоть до Учредительного собрания, созыв которого оно хотя и обещало народу, но на деле обещания своего не приводило в исполнение.

Громадное большинство народа, главным образом пролетариат и крестьянство, лишь только подлинный голос Октябрьской Революции достиг его слуха, встретил ее с непередаваемым под'емом. Этот под'ем и энтузиазм были настолько велики, что дали российскому пролетариату и крестьянству возможность и силы геройски встретить и перенести те громадные испытания, которые впоследствии обрушились на их головы. Без активной помощи народных масс власть Советов не смогла бы противостоять этим испытаниям не только в продолжение трех лет, но даже в течение очень короткого срока.

4.

Несколько слов об Учредительном Собрании. Как известно, в обязанность Учредительного Собрания входила выработка и принятие формы управления и основных законов. Поэтому, самый созыв Учредительного Собрания имел смысл и значение лишь постольку, поскольку всему этому препятствовало созданное буржуазией Временное Правительство. Но после того, как 25 октября 1917 года господство буржуазии навсегда пало, и государственная власть пере-

шла в руки рабочего класса, а вместе с этим были приняты основные законы о земле, о заключении мира, о рабочем контроле, о национализации банков и пр., Учредительное Собрание, как таковое, утратило уже всякое значение и смысл. В свое время большевики устами Ленина настоятельно требовали ускорения созыва Учредительного Собрания. В своих тезисах (об Учредительном Собрании), опубликованных 26-го декабря 1917 года, тов. Ленин говорит: „Требование созыва Учредительного собрания входило вполне законно в программу революционной социал-демократии (не большевиков), так как в буржуазной республике Учредительное Собрание является высшей формой демократизма..., но в то же время, когда „революционная демократия выставляла требование созыва Учредительного Собрания, она с самого начала революции 1917 г. неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием"*).

Далее, Ленин об'ясняет, что Советы рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов являются единственной формой, обеспечивающей наиболее безболезненный переход буржуазного строя к социалистическому. Ленин отмечает также и то обстоятельство, что „созыв Учреди-

*) Эту же мысль, но с большей еще остротой, повторяет Ленин в брошюре „Пролетарская революция и ренегат Каутский". Там он в одном месте говорит: „Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии,—власть советов в миллион раз демократичнее буржуазной демократии" (См. Ленина—том 16 в русском издании). Ф. М.

тельного Собрания происходил по спискам, пред'явленным в половине октября 1917 года, что исключало возможность правильного выражения воли народа, но что после Октябрьской революции совершенно изменилось положение дел. В таких условиях созыв Учредительного Собрания создает неизбежный кризис или конфликт, и для безболезненной ликвидации которого, необходимы новые перевыборы членов Учредительного Собрания, присоединение самого Учредительного Собрания к закону Центрального Исполнительного Комитета об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного Собрания о признании Советской власти, Советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного Собрания к стану противников кадетско-калединской контр-революции. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным Собранием может быть разрешен только революционным путем". И вот, как раз этот революционный путь, принятие революционных мер, направленных против Учредительного Собрания сделалось настоятельною необходимостью.

Российское Учредительное Собрание открыл 5 января председатель Центрального Исполнительного Комитета Всероссийских Советов тов. Свердлов, который тогда же огласил „Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа", составленную Лениным. Первые два пункта декларации гласили: 1) „Россия провозглашена республикой Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам. 2) „Российская Советская Республика основывается на свободном союзе свободных национальностей. Содержание остальных пяти пунктов было следующее: 1) уничтожение частной собственности на землю, об'явление всех земель принадлежностью государственного фонда и передача этих земель в безвозмездное пользование трудящихся; 2) рабочий контроль над производством и потреблением и создание Высшего Совета Народного Хозяйства; 3) переход всех банков в руки рабоче-крестьянского государства, как одно из условий, долженствующих обеспечить освобождение трудящегося от капиталистического ярма; 4) в целях освобождения общества от паразитических элементов, введение всеобщей трудовой повинности и 5) в целях обеспечения за трудовым народом полноты власти и лишения всякой возможности эксплоататоров вновь восстановить свою власть— всеобщее вооружение трудящихся, организация красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов". Таковы были основные положения „декларации", обнародованной в заседании Учредительного Собрания высшим органом советской власти, уже положенные в основу советской власти в России. Учредительное Собрание, которое должно было дать свое согласие и положить в основу своей деятельности эти положения, отказалось разбирать пункты „декларации", чем отвергло все завоевания Октябрьской Революции.

Учредительное Собрание предполагало превратить себя в контр-революционный орган русской буржуазии и помещиков и вести борьбу

с властью Советов. Могла ли власть советов допустить что нибудь подобное? Имела ли она право на оказание такой помощи российской контр-революции? Приблизительно нечто подобное случилось в первые дни Февральской революции, когда рядом с Советом рабочих и солдатских депутатов оформилось и усилилось Временное Правительство буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Но случилось это в то время, когда в советах господствовали враги и изменники рабочего класса и крестьян—партии меньшевиков и эсеров. Но сейчас этого быть не могло.

Таким образом первое и последнее российское Учредительное Собрание, как и следовало этого ожидать и на что большевики заранее указывали,—в своем большинстве*) оказалось явно контр-революционным, почему против него необходимо было немедленно принять самые решительные меры. Вследствие этого Центральный Исполнительный Комитет 6-7 января постановил распустить Учредительное Собрание, что тотчас же и было приведено в исполнение. И этот роспуск контр-революционного Учредительного Собрания произошел, мо-

*) Приводим здесь партийный состав Учредительного Собрания. Эти данные обработаны заинтересованным лицом правым эсером Святником, и трудно предположить, чтоб тут имело место пристрастие. По его вычислениям эсеры всех окрасок получили всех голосов 58% и провели 338 депутатов, из которых 239 принадлежало правым эсерам, 69—украинским эсерам и 39—левым эсерам. Меньшевики получили 2% (сюда не входят Зак). и дали одного делегата. Нар. социалисты получили 1% голосов и дали двух депутатов; кадеты 5% голосов и 14 депутатов. Большевики получили 25% голосов и дали 156 депутатов. Об остальных партиях говорить не стоит.

Ф. М.

жно сказать, совершенно незаметно. Правда—контр-революционные партии, группы и организации попытались было вначале организовать демонстрацию протеста, затем подумывали даже о подготовке „народного восстания" в Москве и Петрограде, но убедившись в том, что на их стороне одни только буржуи, офицеры и вообще интеллигенты, широкие же слои народа, в особенности рабочие, им не только что не сочувствуют, но шлют им проклятия, эсеры и меньшевики сами отказались от приведения в исполнение своего плана. Но впоследствии они не раз тщетно пытались созвать распущенное Учредительное Собрание. Любопытно, что больше всех подняли шум вокруг разгона буржуазного Учредительного Собрания все те же грузинские меньшевики; донкихотство этих господ в этом случае дошло до того, что они попробовали организовать в Грузии особый легион, с целью посылки его в Петроград для защиты Учредительного Собрания. Это была препотешная история!

Таким образом Учредительное Собрание, как говорится, отцвело, не успевши расцвесть. Сейчас об нем все уже забыли, да и есть ли о чем вспоминать?

* * *

С роспуском Учредительного Собрания окончательно был разрешен в России вопрос о государственной власти. Конечно, борьба против советской власти этим не завершилась. Напротив—самая отчаянная борьба против советов буржуазии и помещиков, при активной помощи меньшевиков и эсеров, фактически

начинается только именно с этого времени. Приблизительно борьба эта протянулась до трех лет (1918-1920 г.г.)—эта величайшая из гражданских войн, которых только помнит человечество, если только, конечно, мы не примем в соображение гражданской войны, имевшей место в Китае. С властью Советов в России вели войну не только домашние враги, но международная империалистическая буржуазия Англии, Франции, Америки и Италии. Против российских обобранных, голодных, полуголых и босых рабочих и крестьян стояли мировые империалистические силы во всеоружии своих коллосальных богатств, культуры и военной техники. К стыду нашему надо сказать, что за все это же время русских рабочих и крестьян, кроме того, уничтожали и наши грузинские меньшевики. Но голодные и обобранные российские рабочие и крестьяне сумели одолеть сильнейшего и озлобленного врага и заставить его отступить.

В задачу нашу не входит история гражданской войны. Мы, в виде сведения, попробовали дать основные и главнейшие моменты и обстоятельства зарождения и утверждения Советской власти в историческом их освещении, чтоб сделать более понятным существование в Грузии Советов и советской власти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ СОВЕТОВ В ГРУЗИИ.

СОВЕТЫ ПРИ МЕНЬШЕВИКАХ.

В частном разговоре с одним ответственным коммунистом, который был плохо знаком с грузинскою действительностью, я, между прочим, упомянул о существовании при меньшевиках и под руководством их Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Товарища это крайне удивило: неужели при меньшевиках существовали Советы—спросил он. Возможно многих сейчас поразит это странное обстоятельство. Но удивительного в этом нет ничего. Дело в том, кто как понимал и понимает слово Советы. И действительно, если было возможным и, в то же время, неизбежным существование советов в России в период февральско-мартовской республики, где в то время господствовали меньшевики и эсеры, почему нельзя было и в Грузии, во время господства меньшевиков, существовать Советам? Нам известны примеры таких же неестественных сочетаний, напр., в Австрии, где под охраной и покровительством местных (австрийских) меньшевиков, после революции 1918 года некоторое время существовали Советы рабочих депутатов. Но это еще ничего. В последнее время за границей даже заброшенные туда белогвардейцы заявили, что они при-

знают Советы, но только без большевиков, а еще раньше в газетах даже сообщалось, что один из Романовых, избегнувший народного гнева и мечтающий об императорской короне, об'явил о том, что в случае если ему вернут царскую корону, он готов признать власть Советов и оставить Калинина председателем ЦИК'а. Вот до какой степени можно извратить понятие Советов. Поэтому-то вопрос о Советах должен быть освещен особенно ясно и определенно—какие Советы и каких именно классов. Советы, как выразители пролетарской власти или Советы, которые по существу своему являются носителями власти буржуазной? Какая именно партия должна являться руководительницей Советов? Вот как мы должны подходить к вопросу о Советах, в особенности когда речь идет о Советах, существовавших в Грузии при меньшевиках. Как меньшевики, так и эсеры нераз заявляли, в особенности в то время, когда они вели борьбу с большевиками, что их Советы осуществляют государственную власть, и надо сказать, что в этом случае они не ошибались. Но какова была власть, которую осуществляли у нас Советы меньшевиков?

Чьи интересы они защищали? Защищали ли они интересы рабочего класса. И вот, подойдя с этой стороны к меньшевистским Советам, мы увидим, что они помогали буржуазии и помещикам в целях погашения революции. Отсюда ясно, что Советы меньшевиков, как и сами они, были насквозь пропитаны буржуазным духом, буржуазным миропониманием и буржуазными взглядами на государство и государственную власть. Меньшевики и эсеры были убеждены в том, что рабочий класс не в силах стать во

главе государственного управления. Крайне характерным в этом отношении является одно место из речи сказанной известным вождем меньшевиков—Н. С. Чхеидзе в заседании Тифлисского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в 1918 году (вопрос касается организации власти в Грузии) *). „Государственная власть,—заявил он,—существует даже в странах, в которых рабочий класс более сознателен, более силен и более об'единен, чем у нас. И не было случая, чтоб рабочим классом был издан закон, обязательный для всей страны; функция эта принадлежит исключительно законодательной власти". **) В словах этих Чхеидзе раскрывает взгляд меньшевиков на диктатуру пролетариата. Но прежде всего он обнаруживает прямо таки недопустимую забывчивость. Разве Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов еще в то время, когда председателем его был сам Чхеидзе, не издал закона, бывшего обязательным для всей Петроградской губернии, а, может быть, и для всей России? А разве в самой Грузии, и Закавказьи, как Тифлисским Советом, так и об'единенными центрами других Советов, которые народились после февральской революции 1917 года, в разное время не издавались такие постановления и законы, которые являлись обязательными для всего народа и всей страны? Ясно, что в данном случае Чхеидзе умышленно извращал историю Советов, хотя бы даже и меньшевистских. Он изменял как истории, так и логике. Но если даже

*) См. газету „Борьба", 1918 г. № 91, от 12 июня.
**) Курсив наш.

не прибегать к примеру России, разве в истории других стран не бывало случаев, когда рабочий класс являлся законодателем для всей страны? Как мог забыть Чхеидзе Парижскую Коммуну 1871 года? Как мог запамятовать он „Гражданскую Войну во Франции" Маркса, в которой этот последний говорит о власти рабочего класса, т. е. о диктатуре пролетариата, как о неизбежном этапе в деле созидания революции, и в которой он диктатуру пролетариата в лице Парижской Коммуны сравнивает с диктатурой буржуазии? И затем—какие выводы делаются Марксом из этого сравнения? Какую диктатуру и законодательство ставит он выше, с точки зрения, если хотите, гуманной или человеческой? Все, решительно все забыл Чхеидзе, обо всем забыли вожди меньшевизма. Когда революция поставила перед ними практически вопрос о том, какую диктатуру необходимо провести в жизнь, пролетарскую или буржуазную, — они отвергли революционный марксизм и пролетарской диктатуре предпочли диктатуру буржуазии. К. Чхеидзе лгал и передергивал, когда утверждал, что „законодательная функция принадлежит законодательной власти". Чхеидзе умалчивал о том, в руках какого класса должна быть эта власть. Азбука марксизма гласит, что в обществе, разделенном на два противоположных класса, законодательные функции не могут в одно и то же время быть в руках того и другого класса. И поэтому, когда Чхеидзе отвергал законодательные функции рабочего класса, ясно, что он держался таковых же функций какого либо другого класса; в данном случае, понятно, он всеми силами стоял за законодательные функции буржуазии, или за ее диктатуру.

Вот такие господа руководили в то время у нас Советами Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов. На этом основании мы можем уже иметь некоторое представление о тогдашних Советах. Нельзя представить себе, чтоб такие Советы могли быть защитниками интересов рабочих и крестьян. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

I.

После поражения революции 1905 года революционное движение в Грузии стало постепенно замирать. Правда, в первое время это можно было об'яснить теми многочисленными жертвами, которые понесли рабочие и крестьяне Грузии за время первой революции 1905 г., обошедшейся им очень дорого. Но чем же об'яснить то обстоятельство, что в то время как в России, начиная приблизительно с 1911 года, рабочее движение вновь начинает оживать, (забастовки и демонстрации) в Грузии это движение не находит себе никаких откликов? Причин этому было не мало, но главную надо искать в том факте, что в то время в масштабе Грузии руководительство рабочим движением почти целиком было в руках меньшевиков. Правда, кое где были и большевики, но после революции 1905 года организации их, по тем или иным причинам, очень ослабли, а кое где и совершенно разрушились. Надо сказать, что после поражения революции 1905 года, вожди грузинского меньшевизма (Жорданиа, Рамишвили, Эрадзе, Девдариани и др.) стали держаться тактики уничтожения нелегальных организаций и нелегальной работы. В россий-

ской партии меньшевиков грузинские меньшевики были крайним правым крылом. Столыпинско-черносотенную Государственную Думу грузинские меньшевики об'явили истинно-законодательным учреждением, буржуазным парламентом, поставили главной своей целью проведение в Думу своих представителей и сосредоточение на ней главного внимания как населения, так и всей партии. Таким образом, Государственная Дума сделалась основным стержнем работы меньшевистской партии. Вожди меньшевиков и говорить не хотели о новой революции в России. Они утверждали, что пора революции уже миновала, и отныне мы можем вести разговоры о реформах, и стараться проводить при помощи столыпинской Думы необходимые для народа реформы. Взгляд этот меньшевики проводили как устной проповедью, так и помощью прессы. Выпуск их газет не прекращался и во время реакции. Правда—им не удалось уничтожить нелегальных организаций и и работы, так как массы инстинктивно избегали легальной работы, не доверяя полиции и жандармерии, но тактика меньшевистских вождей достигла все-же своих результатов в том отношении, что, не говоря уже о крестьянах, революционное движение заглохло даже и среди рабочих.

Как нам известно, в русских городах за 1910—14 годы мы наблюдаем участившиеся забастовки рабочих и демонстрации. И это время напоминает нам время, предшествовавшее революции 1905 года, когда рабочее движение росло и усиливалось. В Грузии же в это время полная тишина; ничего не слышно ни о забастовках рабочих, ни о демонстрациях. Это об'-

яснялось влиянием меньшевиков, которые при создавшихся условиях считали организацию забастовок совершенно недостигающей цели. Меньшевистским вождям вовсе не хотелось обострять отношений с правительством. Они желали жить с этим правительством тихо и мирно. Они же добивались легализации партии. Масса терпела как террор реакционного правительства, так и притеснения со стороны капиталистов, и верило своим вождям. Такая примиренчески-соглашательная политика и тактика меньшевиков еще более усилилась после начала империалистической войны. Всем известно, какой тактики стала держаться вообще российская партия меньшевиков во время этой войны. Но в это же время существует, или существовала мысль, что вожди грузинских меньшевиков якобы не разделяют тактики российских меньшевиков относительно империалистической войны в том отношении, что будто грузинские меньшевики не стояли за победу русского правительства и буржуазии. Это не так. Прежде всего известный вождь грузинских меньшевиков Н. Жордания, вскоре после начала военных действий—подобно Плеханову,—поместил в меньшевистской газете большую статью, в которой доказывал, что интересы человечества и цивилизации требуют, чтобы в этой войне победителями были государства антанты, т.-е. Франция Англия и Россия.

Правда, говорили, что часть грузинских меньшевиков этого взгляда Жордания не разделяет и является сторонницей разгрома России, но на деле этого не было видно, вся тактика Тифлисских меньшевиков ни в чем не разни-

лась от тактики петроградских и московских меньшевиков. Во всяком случае у нас имеются такие неопровержимые факты. В целях охраны во время войны на фабриках, заводах и железных дорогах спокойствия, и чтоб работа не прерывалась—грузинскими меньшевиками приняты были следующие меры: 1) ими были запрещены какие бы то ни было первомайские забастовки и демонстрации. Ими запрещались даже обычные майские воззвания, и когда большевистские организации выпускали подобные прокламации, меньшевики принимали строжайшие меры против распространения таковых, как это имело место, между прочим, в 1916 году в Кутаисе; 2) были вообще запрещены какие бы то ни было рабочие забастовки; 3) грузинские меньшевики находили возможным не только участие представителей рабочих в так-называемых военно-производственных комитетах, созданных буржуазией в целях победы в империалистической войне буржуазии России и Антанты, но и проводили это практически в жизнь. Нам известно, что тактику меньшевистских руководителей в этих вопросах не разделяли ни рабочие, ни, представьте себе, партийная масса меньшевиков, что вносило в среду рабочих деморализацию, но партийная дисциплина принуждала их поступать так. Еще большую дезорганизацию и разврат вносили меньшевики в среду крестьянских масс. Крестьян убеждали в том, что соц.-демократическая фракция Государственной Думы может облегчить их тяжелое положение и удовлетворить все их нужды. Крестьянам внушалось, что для удовлетворения всяких крестьянских нужд они должны обращаться к членам Государственной

Думы (Чхеидзе, Чхенкели и Гегечкори), которые, мол, и примут соотвествующие меры, сами же крестьяне не должны предпринимать никаких шагов, не спросясь разрешения меньшевистских вождей. Такими поучениями меньшевики бесстыдно обманывали крестьян, ибо господа эти прекрасно знали, что черносотенная Дума, самоотверженно защищающая как монархический строй (царское самодержавие), так и интересы капиталистов, никогда не удовлетворит насущных нужд крестьян. Но несмотря на это, они продолжали все кормить крестьян иллюзиями. Но крестьяне этим иллюзиям не верили.

II.

В результате такой деятельности меньшевиков было почти полное ослабление в Грузии, в годы, предшествовавшие Февральской революции 1917 г., начиная с 1907-8 г. г., революционного движения. В годы эти рабочие и крестьяне Грузии не только не подготовлялись к новой революции, но они не считали даже ее вообще нужной, и не ждали наступления ее. Так отравили меньшевики трудовые массы Грузии, в течение целого десятилетия обрабатываемые путем устной и печатной пропаганды. Дело дошло до того, что рабочие Грузии были в полном неведении всего того, что происходило в российских центрах в январе и феврале 1917 года. А в это время большевики находились либо в ссылке, либо сидели по тюрьмам. Вожди меньшевиков все сидели по своим местам, и даже не знали о том, что петроградские рабочие уже в продолжение нескольких дней проливают свою кровь, что там произошла уже

большая революция, что рабочие и солдаты низвергли трон Романовых, а палачей—министров арестовали. Словно ничего такого не произошло, словно незабываемые дни февраля и самоотверженная борьба петроградских рабочих не имеют решительно никакого значения—так прошли эти события, по милости меньшевиков, для рабочих Тифлиса и других городов, которые, в прежние годы, с теми же рабочими России прошли вместе большую борьбу.

В то время, когда первый этап Февральской революции был уже победно завершен, в Тифлисе получается телеграфное сообщение довольно туманного характера: «Скончался Мтавробадзе»*). Но даже и это известие в течение нескольких дней скрывают от рабочих. Рабочие Тифлиса находились в то время в полном неведении, не говоря уже о провинциальных рабочих; это видно хотя бы из следующего: в Тифлисе в это время выходила ежедневная меньшевистская газета «Танамедрове Азри» («Современная мысль»). На страницах ее ни в № от 27, ни от 28 февраля нет никаких известий о петроградских событиях.

В номере от 1-го марта имеются из Петрограда следующие известия, без указания источника: 1) «26-го февраля в Петрограде вышли только «Земщина», «Свет», «Правительственные Известия» и «Торгово-Промышленная газета». Из остальных газет не вышла ни одна. 2) «26-го февр. вечером ни в одном из Петроградских театров не было спектаклей. В императорском театре спектакль состоялся,

*) Мтавроба—по грузински значит правительство.

но публики не было». 3) «Вчера одна из депутатских групп обратилась с просьбой к председателю Государственной Думы Родзянко немедленно возбудить перед правительством ходатайство о том, чтоб по отношению мирного населения не принималось никаких чрезвычайных мер, и чтоб правительство вторично этого не допускало». Вот и все: никаких комментарий к этим глухо переданным сообщениям. А в то-же время весь город уже знал о совершившейся в Петрограде революции. Проходит еще несколько дней, а «Танамедрове Азри» почти ни слова не говорит о событиях в Петрограде. И только 5-го марта газета выходит не в обычном виде.

На первой странице большой аншлаг: «Великая революция» и лозунги: «Поддержите Временное правительство в борьбе с реакцией» (неизменный лозунг меньшевиков). «Необходимо образовать по городам Советы рабочих депутатов и Исполнительный Комитет граждан, которые будут иметь целью уничтожение с корнем реакции и охрану порядка».

Обратите внимание на отмеченное нами курсивом «Исполнительный Комитет граждан» —тут речь идет о буржуазных органах. Далее, очень странным является то обстоятельство, что меньшевики с самого начала выставили лозунг охраны «порядка», не революционного порядка, а просто и вообще—«порядка», что всегда было и есть лозунгом контр-революции и всех реакционных классов. Но принимая во внимание тактику меньшевиков, которая состояла в том, чтоб избегать всяких трений с правительством,—это все же было большим шагом

вперед по направлению к революции, хотя и революции, уже совершившейся, против которой они в продолжении десяти лет так усердно работали. Но сейчас они стояли уже перед совершившимся фактом, и, волей неволей, им приходилось считаться с ним. Чем же можно было об'яснить их, во всяком случае, такой смелый шаг? Разгадку мы находим в том-же номере газ. «Танамедрове Дзри». Вот дословно помещенное там известие. «Представители соц.-демократической партии у наместника. Вчера в 3 часа пополудни Кавказский наместник Великий князь Николай Николаевич пригласил представителей соц.-демократической партии Ноя Жордания и Ноя Рамишвили. Наместник об'явил им, что жандармерия снята со своих постов, некоторые чины старой администрации сменены. Кроме того, сказал наместник, я получил от министра юстиции Керенского распоряжение об освобождении политических заключенных. Лично я назначен правительством главнокомандующим армией, но в течение этих двух — трех дней я не сумею отправиться туда, пока тут не будет урегулирован вопрос о местном правительстве. Я также заинтересован очень в деле войны.

Мы должны победить врага. Я полагаю, что таково и ваше желание. Что касается формы управления Государством, это будет разрешено будущим Учредительным Собранием, в котором будет место и мне, как одному из граждан. Вообще я должен сказать, что очень доволен сейчас Кавказом, так как

здесь нет никаких беспорядков. В Баку и Тифлисе прекрасно соблюден порядок. Это, по моему мнению. можно об'яснить тем, что соц.-демократия, которая пользуется на Кавказе большим влиянием, сама является поборницей порядка. Я надеюсь, что это и впредь будет именно так (газ. «Тан. азри» № 52 5/III) *).

Думаем, что приведенное выше сообщение не требует особенно пространных комментарий. Вожди соц.-демократии (меньшевиков) после больших ожиданий получили благословление и совет от лица, являющегося одним из главных столпов старого и павшего режима и бывшего палачом революции. Меньшевики могли уже смело вести о Великой Революции свои фарисейские речи, так как они получили уже от самого „наместника", от самого „великого князя" позволение и право на это. Основной смысл меньшевистских лозунгов, вместе с этим, вполне соответсвовал «советам и наставлениям» самого «наместника», в особенности в деле установления „порядка". Кто же не знает, что порядок по мнению этих господ заключается в подчинении рабочих и крестьян эксплоататорам, в господстве имущих классов над трудящимися, а восстание этих последних против эксплоататоров и народная революция—это уже является нарушением порядка и анархией. Как видите—вожди соц.-демократов—меньшевиков с палачом народа обрели во многом общий язык, удостоившись больших похвал от него за прошлые и

*) Курсив всюду наш.

Ф. М.

настоящие услуги. Романов не скрывал того обстоятельства, что местные рабочие более чем спокойно и хладнокровно встретили февральскую революцию, и это обстоятельство он всецело приписывал влиянию местных меньшевиков. И он нисколько не ошибался. Мы только не знаем, что ответили наместнику на его похвалы Жордания и Рамишвили. Нам известно только, что слово «наместник» совершенно очаровало этих господ, и вместо того, чтобы дать приказ о его аресте, они дали ему время устроить свои дела, скрыть или уничтожить важные документы и присвоить большие ценности и, наконец, в собственном поезде бежать отсюда. Все это делалось вождями меньшевиков за спиной народа, рабочих и крестьян, которых они кормили одной лишь напыщенной революционной фразеологией. Вот такой то народ стоял во главе государственного управления во время Великой Революции. На словах он был другом и защитником рабочих и крестьян, на деле-же их предателем. Если б дело зависело от одних только меньшевиков, они никогда не приступили бы к организации Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, но они были принуждены к тому настоянием рабоче-крестьянских масс. По этому можно было бы заранее сказать, каким путем поведут меньшевики Советы Рабочих и Крестьянских депутатов.

III.

Еще в то время, когда вожди меньшевиков с недоверием прислушивались к изредка и обрывками получаемым из Петрограда известиям

о падении царского правительства, среди тифлисских рабочих, под руководством двух-трех большевиков, организовывались первые собрания и совещания для выборов Тифлисского Совета Рабочих Депутатов. Первое такое собрание состоялось в одном из переулков Плехановского проспекта (быв. Михайловская улица); на собрание явилось более 50 рабочих из разных заводов и мастерских; тут был выработан порядок и норма выборов депутатов. Второе собрание было назначено в этом же доме на другой день. На собрании состоялось оформление первого Тифлисского Совета Рабочих Депутатов. Было уже 12 часов ночи, когда неожиданно явились на собрание Н. Жордания и Н. Рамишвили.И мне понравилось, что Совет образовался без их участия. Они тотчас-же приступили к исправлению допущенной ошибки, и потребовали перенесения собрания тогда-же в Народный Дом. Но тут эти господа почувствовали себя уже совершенными хозяевами. Первым запросом Жордания было: мандаты рабочих депутатов были ли предварительно пред'явлены в городской Совет для регистрации? Таким образом, выходило, что Тифлисскому Совету Рабочих Депутатов, отныне настоящему хозяину города и, в то же время, родному детищу революции, нужно было получать разрешение на существование от такого буржуазного учреждения, каким являлся Городской Совет. Это было бы профанацией Совета Рабочих Депутатов и умалением его престижа.

Сущность Жорданиевского запроса заключалась в том, чтоб подчинить Совет Рабочих Депутатов буржуазному контролю. Поэтому, за-

прос этот вовсе не являлся случайным. Последующая история выяснила, что как сам Ной Жордания, так и вся партия меньшевиков, вместе с эсерами, проводили в жизнь, как раз, эту мысль и взгляд, который был проведен в вышеупомянутом запросе Жордания. Предложение его о регистрации депутатских мандатов в городском управлении было отвергнуто. Этим актом Жордания думал узаконить существование Совета Рабочих Депутатов. Этим он отвергал революцию, как источник и основание новой власти, и искал этого основания, как раз, в том, именно, старом строе, который был разрушен революцией. Это не обещало в грядущем ничего хорошего.

При таких дурных предзнаменованиях начал свою деятельность Тифлисский Совет Рабочих Депутатов. У него, пока, не было еще никакого представления о том, каково его назначение, что нужно было ему сделать и как повести свою работу. По существу он являлся высшей властью в Тифлисе и его окрестностях, но властью революционной, которой необходимо было принять неотложные меры, напр., свержение старой власти, арест некоторых из ее главных представителей (каким был наместник и главари некоторых ведомств) и отдача их под следствие. Тифлисский Совет, бывший под управлением меньшевиков, обо всем этом даже и не думал. Он заботился, главным образом, о создании всевозможных совершенно бесполезных и излишних органов, как напр. Городской Исполнительный Комитет. Но, именно, подобные органы требовались тактикой меньшевиков для примирения и соглашения с буржуазией. В этих, именно, целях Жордания уже в

первом заседании Тифлисского Исполнительного Комитета выставил следующее положение, которое им повторялось, затем, почти на всех собраниях и во всех заседаниях. Вот это положение, или, вернее, лозунг: движущими силами революции являются 1) пролетариат, 2) войско и 3) либеральная буржуазия*).

Таким то образом, Жордания приписывал пролетариату и либеральной буржуазии одинаковую роль в российской революции. Выходило так, что капиталисты и буржуи также проливали свою кровь за революцию, как рабочие и крестьяне. И в то же время, относительно крестьянства, которое, как это показала революция 1905 года, являлось вместе с пролетариатом главной движущей силой революции, Жордания хранит полное молчание. И это вовсе не об'яснялось простой случайностью, ибо меньшевики всегда в крестьянах видели не движущую силу революции, а задерживающий ее фактор, контр-революцию, Вандею и пр.

В связи с этим крайне интересно привести здесь одно постановление Тифлисского Исполнительного Комитета, касающееся рабочего вопроса. В заседании 9 марта был поставлен вопрос об экономической борьбе рабочих, и постановление по этому поводу гласило: «В целях сохранения гражданского мира не поднимать этого вопроса, и все недоразумения, возникающие между предпринимателями и рабочими, улаживать посредством третейских судов и примирительных камер»*).

*) Как здесь, так и всюду мы основываемся на официальных данных—„Протоколах Закавк. рев. сов. организаций".

*) Там же.

Таким образом, линия установления полного согласия и мира между рабочими и капиталистами была взята с самого начала.

Постановлением этим меньшевики думали приобрести расположение либеральной буржуазии.

После организации Совета Рабочих Депутатов был создан отдельно Тифлисский Совет Солдатских Депутатов.

В первое время оба эти Совета работали в Тифлисе совершенно отдельно один от другого. Это было явлением ненормальным. Необходимо было их об'единить, почему впоследствии и было принято соответствующее постановление, оставшееся, впрочем, невыполненным по существу, ибо спайка двух этих органов в одно целое не получила своего жизненного осуществления. Каждый из них сохранил за собой некоторую самостоятельность, и хотя Совета Рабочих Депутатов и Совета Солдатских Депутатов в отдельности не существовало, но вместо Советов они носили название секций: с одной стороны работала рабочая секция, с другой—секция солдат. Обе имели по своему председателю и по своему президиуму. В первой большинство принадлежало меньшевикам, во второй—эсерам. Обе эти партии действовали в полном согласии; в особенности большое единодушие и солидарность проявляли они в борьбе с большевиками.

IV.

Для нас, во всяком случае, представляет интерес, какую роль играли тогда Советы меньшевиков и эсеров как в государственном

управлении, так и в законодательстве, и какие услуги оказывали они революции? Из знакомства и анализа протоколов и постановлений этих Советов мы убеждаемся, что упоминаемые аппараты имели довольно туманное представление об этих вопросах. Но одно для всех ясно, что меньшевики и эсеры на Советы не смотрели, как на верховные органы народной воли. Напротив, они видели в Советах административные органы, а выше этих органов, по их мнению, непременно, должен был стоять особый орган, приемлемый для буржуазии. Советы же они считали лишь временными органами, которые с созывом Учредительного Собрания должны были сами собой уничтожиться. И на самом деле, это так и случилось у нас, как в Армении при дашнаках, и в Азербайджане при муссаватистах. Как понимали роль Советов вдохновители Тифлисского Совета (меньшевики и эсеры) — это ясно видно из постановления, принятого для Тифлисского Совета. Мы приводили два пункта этого постановления: «§ 1. Тифлисский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов ставит своею целью способствовать установлению в России демократической республики и вести решительную борьбу со всеми контр-революционными силами.

§ 2. Тифл. Сов. Р. и С. Деп. вмешивается во все проявления общественной и политической жизни, способствует организации новой власти на местах, следит за действиями ее представителей и, в интересах установления полной демократизации, оказывает ре-

волюционное давление как на местную, так и центральную власть, во всех тех случаях, когда ее действия являются недостаточно революционными и идут вразрез с интересами демократии*).

Как мы видим, тут нет и тени какой бы-то ни было власти. Тифлисский Совет словно учрежден только для того, чтоб способствовать или помогать власти, следить за действиями ее представителей и оказывать некоторое революционное давление на власть.

Таким образом, меньшевистский Совет совершенно не являлся выразителем революционной власти пролетариата и крестьянства. Он являлся просто «бесплатным приложением» к той власти, которая должна была находиться в руках буржуазии.

Правда, Советы Рабочих и Солдатских Депутатов выносили те или иные постановления, но согласно § третьему того же постановления, постановления эти являлись обязательными лишь для гарнизона и рабочих Тифлиса и его районных организаций.

Значит, в чьих руках должна была быть сосредоточена, по мысли меньшевиков, вся власть — скажем в гор. Тифлисе? На этот вопрос дает ответ заседание Тифлисского Совета Рабочих Депутатов от 6 мая 1917 г., на котором разбирался вопрос о реорганизации городского самоуправления. Меньшевик Арсенидзе, в своем докладе по этому вопросу, между прочим, заявил:

«Тифлисское городское самоуправление должно сделаться центром всей мест-

*) См. протоколы, стр. 42. Курсив всюду наш. *Ф. М.*

ной общественно-политической жизни». Совет своим постановлением эту мысль одобрил.

Но, как мы уже знаем, уже с начала революции 1917 года, всю власть в г. Тифлисе, с разрешения меньшевиков присвоил себе не Тифлисский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, которому эта власть по закону принадлежала, а Городской Исполнительный Комитет. Вот что говорит по этому вопросу издатель протоколов Тифлисского Совета Солдатских Депутатов: «8-го марта во время заседания Исп. Ком. Сов. Солдатских Депутатов явился президиум Городского Исполнительного Комитета с председателем Хатисовым...

„.«Городской Исполн. Комитет представлял собой революционный (?!) орган, взявший в городе все полноту власти и заменивший старую администрацию».*). Молитвами меньшевиков и с их благословения выбраннное при царской власти реакционное городское самоуправление, под главенством известного Хатисова, оказалось настоящим хозяином — главарем города, что же касается Совета Рабочих и Солдатских депутатов — оно, фактически, сделалось придатком лишь к нему.

В то же время, состав этих Городских Исполнительных Комитетов был совершенно недопустимым с точки зрения революционного развития. 18-го марта 1917 года в Тифлисе собрались представители Исполнительных Комитетов городов Закавказья. Вот как характеризует эти Комитеты сам Н. Жордания: «собрание—

*) „Протоколы“, стр. 235.

говорил он в заседании Тифлисского Совета Рабочих Депутатов 23-го марта, — представляло из себя достаточно печальную картину. В нем принимали участие такие лица, которые всегда выступали против демократии. Власть захватили в свои руки наиболее смелые и энергичные лица».

Жордания, по обыкновению, конечно, не говорил всей правды. Он умышленно прикрывал эту правду. Дело было в том, что именно в этих комитетах сгруппировались контр-революционные элементы, да иначе и быть не могло, ибо главарями тут сделались представители буржуазии. Кроме этого — меньшевики подчинили самые эти Городские Комитеты так называемому Особому Закавказскому Комитету, который являлся отделением тогдашнего Временного Правительства у нас.

При этом комитете создали Краевой Совет, состоящий из 38 членов; из них 5 представителей должны были входить от Совета Рабочих Депутатов, остальные — из губернских и уездных Городских Исполнительных Комитетов. Каков должен был быть Краевой Совет, составленный таким путем, легко догадаться.

А теперь несколько слов об официальном органе Закавказской власти, т.-е. Особом Закавказском Комитете («Озаком»).

Комитет этот был назначен Временным Правительством в первые дни Февральской революции и состоял из следующих лиц: кадета Харламова (русский), кадета — армянина Пападжанова, тюрка Джафарова—муссаватиста, Абашидзе (грузина-федералиста) и меньшевика грузина Чхенкели. Состав совершенно никуда

не годный и не пользовавшийся никаким влиянием. Можно сказать, что все члены Комитета были контр-революционерами. Исключением был пожалуй Чхенкели: в качестве меньшевика он определенно держался буржуазии, но и в защите интересов земледельцев не отставал от своих коллег — Харламова и К°*). Комитет этот с самого начала не пользовался никаким влиянием как в Советах Рабочих, так и Солдатских Депутатов; ему явно не доверяли. Но, несмотря на это, как меньшевики. так и эсеры, а значит и Советы—держали сторону Особого Закавк. Комитета постольку, поскольку этот Комитет представлял собой Временное Правительство. Комитет явно защищал интересы капиталистов и помещиков; он стоял на стороне контр-революционных генералов, напр; известного Юденича, который после от'езда быв. великого князя Николая Романова был назначен главнокомандующим войсками Кавказского фронта, и ген. Болховитинова. Словом, деятельность Озакома сделалась вообще до того невыносимой, что даже местные господствующие партии (меньшевики и эсеры), державшиеся всецело на стороне Временного Правительства, выведенные из терпения, вынуждены были, после выступления Корнилова, восстать против Комитета. Вообще, конец этого Комитета был, можно сказать, еще более постыдным, чем конец пославшего его Временного Правительства.

*) Есть несколько фактов, из которых видно, что не только Озаком в общем, но в частности и сам меньшевик Чхенкели брал на себя защиту интересов помещиков против крестьян,

Но, несмотря на это, местные Советы сравнительно долго подчинялись ему и проводили при его помощи всевозможные акты законодательного характера. «Просить» или «возбудить ходатайство перед Особым Закавказским Комитетом» для получения согласия на тот или иной акт или утверждение того или другого распоряжения, — такова была обычная формула постановлений или резолюций, которые выносились зачастую Советами Рабочих и Солдатских Депутатов и их об'единенными центрами. Это являлось полным уничтожением революции, оскорблением пролетариата и его коленопреклонением перед классом капиталистов и помещиков. Закавказский Комитет по милости меньшевиков и эсеров, все же, продолжал свою деятельность даже после того, как в последних числах августа 1917 года вполне выяснилась измена Временного правительства революции, и партии местных меньшевиков и эсеров были вынуждены рядом с Озакомом, которому уже они не доверяли, создать Временный Центральный Революционный Комитет для борьбы с контр-революцией. Надо знать, что в это время Временное Правительство в Петрограде существовало в лице одного Керенского, который был явно на стороне контр-революции и вел переговоры с крупной контр-революционной буржуазией об организации правительства. Но, как действовал этот вновь учрежденный Временный Революционный Комитет по отношению к Особому Комитету? Первый признавал первенство второго и обращался к нему с просьбой утверждения того или другого проекта (напр. о национализации школ). Но это еще ничего. Кав-

казский Революционный Комитет, который должен был упразднить контр-революционный Особый Закавказский Комитет, выносит следующее постановление о реорганизации этого последнего:

1) В Особый Комитет должны входить социалистические и демократические элементы.

2) Состав членов Комитета должен быть утверждаем Временным Правительством.

3) Взаимоотношения Особого Комитета и Кавказского Центра будут таковы: условие доверия Кавказского Центра к Особому Комитету, вся власть по управлению Особому Комитету.

4) Специальный Комитет должен быть составлен из семи человек.

5) Членам Комитета даются помощники, обладающие полными правами.

6) Члены Особого Комитета получают из государственной казны трудовые награды (см. меньшевистская газета «Эргоба» 1917 г. № 141].

Мы видим здесь признаки полной растерянности меньшевиков, попавших в омут противоречий. Начиная с того, что в состав Особого Комитета должны входить социалистические и демократические элементы,и в то же время,меньшевики и эсеры требуют, чтоб такой состав утверждался Временным Правительством, не признававшим вовсе его. Затем, революционный центр обязательно высказывает доверие Особому Комитету, назначенному контр-революционным Временным Правительством, и которому заранее даруют полную власть по управлению.

Это положительно могло бы вызвать смех, еслиб не было до слез печально. После всего

этого неудивительно, что этот пресловутый Временный Революционный Комитет в своем бюллетене, между прочим, помещает известия»: Временный Революционный Комитет получает изо всех углов Кавказа телеграммы, в которых высказывают готовность бороться с контр-революцией и выражают преданность Временному Правительству!» Другими словами—готовы бороться с контр-революцией, но стоим за контр-революционное правительство! Доходить до такой несуразности могли только меньшевики, которые умышленно закрывали глаза на действительность, и сами не хотели видеть контр-революционной деятельности Временного Правительства, и населению не давали в этом убедиться.

Как мы уже упомянули выше—Особый Закавказский Комитет (Озаком) закончил совершенно незаметно свое постыдное существование после того, как в России Октябрьская Революция свергла контр-революционное Временное Правительство Керенского. После этого существовать Комитету было уже нельзя: немыслимо уже было играть роль представительства. Поэтому, местным меньшевикам и эсерам уже не было надобности в Закавказском Особом Комитете. Взамен его они создают Закавказский Комиссариат, который, формально, является закавказским новым, независимым правительством. К Закавказскому Комиссариату мы ниже еще вернемся. Тут мы вкратце остановимся на характеристике власти и ее органов вообще в Закавказьи, и в частности в Грузии за период февральско-октябрьской революции.

V.

Присматриваясь близко к этому периоду, мы убеждаемся в том, что меньшевики и эсеры, которые здесь без спроса хозяйничали, не сумели создать сильной власти. Обе эти партии после февральской революции оказались наследниками старой власти. Но они не сумели создать не только истинно-революционной пролетарской власти—что было вполне естественно, —но, даже, не смогли сорганизовать сколько нибудь твердой и желанной для них буржуазной власти. Пролетарской и революционной власти не создали они по той простой причине, что были против нее, но для создания твердой буржуазной власти у них не хватало сил, ибо у нас буржуазных партий (кадетов, октябристов и пр.) или совсем не существовало, или они были у нас крайне слабы для того, чтобы лицом к лицу с меньшевиками и эсерами бороться за захват власти. Совершенно иное положение было в России. Меньшевикам же и эсерам не удавалось создать настоящей, твердой организации; они прекрасно чувствовали, и не раз сознавались в том, что в то время у нас не было твердой, авторитетной власти. Поэтому меньшевики не находили себе покоя, бросались то в одну, то в другую сторону, создавая, в то же время, все новые и новые организации и центры; словом все дело было в этих центрах. В отдельности стояли рабочий центр, крестьянский центр, солдатский центр. Но, в то же время, существовал об'единенный центр, в который входили представители всех этих отдельных центров. Организации и центры того времени, которые выполняли функции органов власти, перечислены в одном постановлении одного из

центров от 26-го октября 1917 г., где речь идет о создании Закавказского Центрального Комитета общественной безопасности. Вот представителей каких организаций вводили в этот новый орган: 1) из Особого Закавказского Комитета и военных организаций —4 представителя; 2) по три представителя из Краевого Центра, Армии и Исполнительного Комитета Тифлисского Совета Рабочих и Солдат; 3) по два представителя от Рабоче-Крестьянского Краевого Центра и Тифлисского Городского Самоуправления; 4) один представитель Об'единенного Краевого Центра; 5) один—от Закавказского Железнодорожного Центра и 6) по одному представителю от соц.-демократов меньшевиков, большевиков, соц.-федералистов, дашнаков и мусульманских организаций. Ко всем этим организациям присоединялся еще один новый орган под названием „Комитета общественной безопасности". Если не считать двух последних групп перечисленных организаций (5 и 6), в Тифлисе насчитывалось до десяти различных организаций или органов власти, функции которых ни чем не были ограничены. Всюду велась безконечная болтовня на одну и ту же тему, и в большинстве случаев довольствовались вынесением резолюций такого содержания: „доклад принять к сведению", или, „принятые меры утвердить". Когда надоедало вести болтовню в одном месте, ее переносили в другое место, и так до безконечности; и что мешало им поступать так? Всюду у них были свои люди. Власть была распылена по всем этим бесчисленным органам, но не существовало на самом деле единого органа единой и твердой власти.

С самого начала в политике меньшевистско-эсеровской замечалось две основных линии: 1) установление с буржуазией хороших отношений и 2) решительная борьба с большевиками. Первая линия выразилась, между прочим, в отношении к бакинскому пролетариату, когда этот последний об'явил нефтепромышленникам войну. После Февральской революции бакинские рабочие потребовали от капиталистов заключения коллективных договоров. Капиталисты на это требование ответили отказом. На этой почве между обоими сторонами возник серьезный конфликт, в который вмешались меньшевики с целью установления между сторонами мира. Но, установление мира между рабочими и капиталистами по такому кардинальному вопросу сделалось невозможным. Меньшевики в течение нескольких месяцев (май—сентябрь) обманывали рабочих. В конце концов рабочие были вынуждены прибегнуть к своему испытанному оружию, т. е. к об'явлению забастовки, что, само собой ясно, доказывало полное банкротство и вред меньшевистской политики соглашательства с крупной буржуазией. Такая политика ничего полезного не могла бы принести рабочим. Но быть может меньшевики в отношении к крестьянам проводили более подходящую политику? Из многочисленных фактов приведем здесь наиболее характерный: на заседании Центрального Совета Крестьянских Депутатов 22-го августа была доложена депеша, полученная из ахалкалакского уезда и подписанная всеми политическими партиями. В этой депеше сообщалось: Закавказский Особый Комитет приостановил приведение

в исполнение постановления ахалкалакского Уездного Комитета, касающегося уменьшения взысканий (повинностей), которыми обложены крестьяне в пользу помещиков, с одной четверти на одну десятую. В результате такого решения Закавказского Комитета были приостановлены, почти по всему уезду, все сельско-хозяйственные работы. Какой же ответ дал на эту депешу Центральный Совет Крестьянских Депутатов, т. е. тот орган, который, казалось, был призван к защите интересов крестьян? Совет выслушал вышеизложенное сообщение и на этом успокоился *). Чем же об'яснялось такое невнимание и пренебрежение со стороны Центрального Совета Крестьянских Депутатов кинтересам крестьян? Тот факт, что Закавказский Особый Комитет, как непосредственный агент капиталистов и помещиков, не считался с интересами крестьян, это было само собой понятно; но как мог поступать точно так же Совет Крестьянских Депутатов? Для нас будет интересно знать, кто руководил этим Советом. Им руководили меньшевики и эсеры, которые были решительными противниками перехода, до созыва учредительного собрания, частных помещичьих земель в руки угнетаемого крестьянства. Но эти господа были не только противниками такого перехода земель, но и сокращения крестьянских повинностей, поступавших в пользу помещиков. Таким образом, местные меньшевики и эсеры фактически почти совершенно подчинились Временному Правительству,

*) Отчет об этом заседании был помещен в официальном органе правительства—газ. „Кавказ" (№ 189).

т. е. стали буржуазными агентами, изменниками и предателями рабочего класса—совершенно так же, как и в России.

Были два, лишь, вопроса, в разрешении которых местные меньшевики были иных воззрений, чем российские меньшевики вместе с Церетели—Чхеидзе. Один вопрос касается вхождения социалистов во Временное Правительство, другой же—образования единого правительства, после усмирения корниловского «мятежа», лишь из социалистически-демократических элементов, без участия цензовой буржуазии. Грузинские меньшевики были решительными противниками вхождения социалистов в состав Временного Правительства. Они предпочитали стоять вне его, критикуя его действия в целях оказания на него влияния. Они прекрасно знали, что от вхождения социалистов в состав Временного Правительства его политика не изменятся, оставаясь все тою же буржуазной, а ответственность за эту буржуазную политику должны будут взять на себя и социалисты. Грузинские меньшевики боялись очутиться перед рабочими и крестьянством с открытыми лицами и без масок, а вхождение в буржуазное правительство социалистов было именно таким срыванием маски. Надо сказать, что грузинские меньшевики выказывали здесь гораздо больше мудрости, чем меньшевики России. И действительно, является неоспоримым фактом, что вхождение в коалиционное правитеьство социалистов заметно ускорило банкротство как меньшевистской, так и эсеровской партии в глазах рабочих и крестьян. Политика русских меньшевиков в вопросе о коалиционном правительстве

очень способствовала пробуждению рабочего класса в России. Грузинские меньшевики в этом вопросе словно защищали чистоту своей партии, на самом же деле—оказывая хорошую услугу буржуазии, они сами выходили сухими из воды.

Теперь о втором вопросе. После разгрома корниловского заговора, когда выявилось, что коалиционное правительство явно работает на контр-революцию, и в рядах российского пролетариата стали постепенно раздаваться, все громче и громче, голоса недовольства и возмущения этим правительством неизбежною необходимостью явилось обновление состава Временного Правительства. Для разрешения этого вопроса в сентябре было созвано в Петрограде так называемое Демократическое Совещание, которое в вопросе образования правительства не пришло к единому выводу. Как буржуазные, так и меньшевистско-эсеровские партии попали в тупик, и не находили из него выхода. В это самое время грузинские меньшевики выставили предложение об образовании единого демократического правительства без участия цензовой буржуазии.

Нам известно, что меньшевики в этом демократическом правительстве предоставляли места и большевикам. Но, предложение грузинских меньшевиков не прошло, и коалиционное правительство было образовано при участии буржуазии и социалистов.

Предложение грузинских меньшевиков многим казалось крупным революционным шагом, на самом же деле оно являлось лишь новым рецептом, новым средством спасения контр-революционного и буржуазно-

то порядка. Грузинские меньшевики видели, что для успокоения взволнованного пролетариата было крайне необходимо сменить непосредственное руководство буржуазии на более приемлемое для пролетариата руководство. Но разве они предлагали переменить буржуазное руководительство на пролетарское, или давали обещание заменить диктатуру буржуазии пролетарской диктатурой? Нечего и говорить о том, что ничего подобного не было. По существу— единое демократическое правительство грузинских меньшевиков явилось бы все тем же буржуазным правительством, совершенно таким же, какое они создали впоследствии в Грузии. Но для буржуазии такое правительство было бы гораздо удобнее, чтобы лучше обманывать рабочих и крестьян. Но голос меньшевиков не был услышан в Демократическом Совещании. Процесс пробуждения среди рабочих проходил вперед еще более ускоренным темпом, что, в свою очередь, ускорило наступление Октябрьской Революции. Местные меньшевики, в конце концов, не даром хвастали: предложения нашего не приняли, и этим раздразнили пролетариат, в результате чего в нем усилился большевизм, и вот, в итоге, мы получили октябрьский переворот.

VI.

Местные меньшевики и эсеры встретили октябрьскую революцию и переход государственной власти, под руководительством и главенством большевиков, в руки рабочих с большим возмущением и ненавистью, хотя для вождей меньшевизма (Жордания и прочих) это и не яви-

лось неожиданностью. Правда, с внешней стороны они, в первое, по крайней мере, время, воздерживались от обычной ругани по адресу большевиков. Главной причиной этого было то обстоятельство, что меньшевики, как и все буржуазные партии у нас, был убежден в том, что Октябрьская революция будет в самом непродолжительном времени подавлена. Вообще отношение местных меньшевиков к Октябрьской Революции было чисто иезуитским и фарисейским. Они не осмеливались открыто выступить против петроградского пролетариата, руководящего как Февральской, так и Октябрьской революциями. Свои истинно черносотенные мысли по адресу Октябрьской Революции они прикрывали двусмысленными, малопонятными и туманными фразами. Вот классическая формула их иезуитства: «Как победа большевиков, так и их поражение неизбежно приведут к торжеству контр-революции» (из речи Н. Жордания в заседании Исполнительного Комитета Тифлисского Совета 25 окт. 1917 г.). И слова эти повторялись впоследствии всеми меньшевистскими ораторами на всех собраниях. Приводим здесь резолюцию, принятую 26 окт. в заседании Кав. Центр. Совета Раб. Солд. и Крест. Депутатов и в заседании Тифл. Исп. Ком. Рабочих и Солдатских Депутатов: «Выступление большевиков в Петрограде, в случае-ли временной неудачи, или немедленного его подавления силой оружия, неизбежно приведет к торжеству контр-революции и гибели завоеванных свобод. Интересы революции диктуют необходимость мирной ликвидации восстания на основе соглашения всей революционной демократии, с условием созыва Учредительного Собрания в на-

значенный срок. Сообщая об этом, Кавказский Центр. Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов призывает к соблюдению революционного единства и порядка». Резолюция принята 145 голосами против 13 голосов и 10 воздержавшихся.

Все резолюции, касавшиеся Октябрьской революции, были проникнуты таким же духом иезуитизма. «Интересы революции диктуют необходимость мирной ликвидации восстания»*).

Так пели меньшевики. И сколько было в словах их иезуитизма и фарисейской неискренности! И в то же время меньшевики не скрывали чуства радости по поводу известий, что Керенский двинул большие воинские силы к Петрограду для подавления Октябрьской Революции. Но разве возможна была мирная ликвидация петроградского революционного пролетариата и революционной армии? Меньшевики прекрасно знали, что такая ликвидация немыслима. Они фразами этими вводили рабочих в обман.

Местные меньшевики со дня на день ждали поражения петроградского пролетариата и разгона правительства Советов. В этом смысле они обрабатывали общественное мнение и в то же время упрямо нашептывали рабочим, что это поражение принесет революции настоящее спасение и верную победу.

Для характеристики нахальства меньшевиков приводим некоторые выписки из тогдашних меньшевистских газет: от 28 октября в газете «Тифл. Известия» (№ 175) помещена телеграмма из Москвы: «Войска ген. Краснова из Цар-

*) Т.-е. Октябрьской Революции. *Ф. М.*

ского села идут на Петроград. Ночью получена депеша, подписанная Керенским, о бескровном разоружении большевистских войск войсками Временного Правительства, которым также сдался Военно-революционный Комитет». Далее в той же газете от 31-го октября читаем: «Войсками Временного Правительства взята Гатчина без пролития крови. Кронштадтские, измайловские и морские роты послушно сдали оружие и подчинились правительственным (читай: Правительства Керенского. Ф. М.) войскам».

Ободряемый такими радостными вестями, лакей правительства Керенского — меньшевик Чхенкели шлет своему барину, министру председателю Керенскому следующую телеграмму: «В Закавказьи порядок не был нарушен ни на одну минуту. Население, как и следовало ожидать, сознательно отнеслось к текущему моменту. Ни одного бестактного шага. Закавказский Особый Комитет работает в полном контакте с Краевым Центром Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, который выделил из себя Особый Комитет общественной безопасности.

Закавказский Особый Комитет вместе с Революционным центром придерживались того мнения, что ликвидация большевистского восстания должна быть совершена мирным путем. Губернским и областным комиссарам даны соответствующие инструкции в целях защиты порядка. За председателя Закавказского Особого Комитета Чхенкели».

Приводим передовицу меньшевистского органа «Эртоба» от 31-го октября. Она начиналась так: «Накануне ликвидации большевистского восстания. Согласно последним изве-

стиям, большевики освободили государственные учреждения и передали их правительству. Ликвидация восстания идет быстрым темпом.

Случилось то, чего мы ждали с самого начала. Заговор всегда оканчивается поражением, тем более, если он не опирается на сочувствие и поддержку широких масс. Как раз в такое положение попали большевики. Большая часть революционной демократии отделилась от них и судьба восстания была с самого начала решена. Представьте себе, даже меньшевики-интернационалисты отвернулись от восстания, осудив большевистское решение. Меньшинство бессильно навязать большинству свои желания.

Большевики потерпели поражение, но это еще не доказывает, что кризис изжит. Наоборот, самый острый кризис революции начинается теперь. Нам неизвестно, какими путями совершилась в Петрограде ликвидация большевистского выступления — путями мирного разрешения конфликта, или с пролитием крови». (Газ. «Эртоба» 1917 г., № 184). Вся статья эта ясно доказывала наличие в меньшевиках черных мыслей, скрываемых ими под революционной фразой.

Когда же надежды местных меньшевиков и эсеров не осуществились, и они должны были убедиться в том, что победить Октябрьскую Революцию не так легко, как им это казалось, —когда они увидели, что переворот 25-го октября, который они называли ночным заговором, стоит на твердом основании, — они решили отделить Закавказье от центра и здесь образовать независимую власть.

Это было нечто — в высокой степени любопытное: пока в России существовало контрреволюционное господство буржуазии под именем Временного Правительства, меньшевики считали своей обязанностью подчинение ему, и им в голову даже не приходило откалываться от России и создавать свое независимое правительство.

Но достаточно было в России образоваться революционному правительству под именем диктатуры пролетариата, чтоб меньшевики стали на путь отделения от России Закавказья. Этот шаг был ими сделан 11 ноября. В истории измен и предательств местных меньшевиков и эсеров эта дата представляет собой начало нового этапа. В этот день они устроили обычное об'единенное совещание Краевых центров, Исполнительного Комитета Тифлисского Совета, Городского Управления и других еще организаций. Прежде всего, председатель совещания меньшевик Евг. Гегечкори об'явил, что край попал в тяжелое положение, уже десять дней, как Закавказье совершенно отрезано от центра, нет денежных знаков, нет продовольствия; мир переживает катастрофическое положение, и, как видно, правительственный кризис в центре может еще долгое время продлиться. Поэтому, необходимо позаботиться о создании местной власти, пока центр не организует власть, которую бы все могли признать. Из этого вытекало вот что: 1) Октябрьская революция, свергнувшая диктатуру буржуазии и взамен создавшая диктатуру пролетариата, представляла собой словно правительственный только кризис и больше ничего; 2) меньшевики все еще не теряли надежд на поражение

Октябрьской Революции и возвращение вновь господства буржуазии; 3) эти господа решительно препятствовали переходу государственной власти в руки пролетариата.

На этом совещании характерным было выступление Н. Жордания, заявившего следующее: «в продолжении ста лет Закавказье работало с Россией рука-об-руку. Закавказью казалось, что оно неразрывно связано с ней. Сейчас над нами стряслось несчастье: оборвалась связь с Россией, и Закавказье осталось в полном одиночестве. Поэтому мы или должны встать на собственные ноги, или погибнуть в водовороте анархии». Как видите, тут все было извращено и представлено в фальшивом виде. Правды тут не было ни на одну иоту. Если правда, что в течении одного столетия Россия с Закавказьем работали рука-об-руку и сообща при господстве царей, капиталистов и помещиков, что же вызвало их разрыв сейчас? Но, этого вопроса они умышленно избегали, чтоб скрыть правду от взоров народа. Измена меньшевиков, в данном случае, состояла в их отрыве от единого революционного фронта и в том, что политика их была направлена в сторону разобщения трудового народа, рабочих и крестьян и их ослабления, что помогало контр-революции и усиливало ее. Большевики (Цхакая, Махарадзе) окончательно сорвали покров с меньшевистско-эсеровских махинаций и жонглерства, и в виде протеста покинули собрание. После этого, совещание вынесло резолюцию, приводимую нами почти дословно: «В виду отсутствия всеми признаваемой центральной власти и роста анархии, которая может распространиться и на За-

кавказье, а также наличия множества неразрешенных общественных, экономических и финансовых вопросов, от разрешения которых зависит судьба нашего края, совещание постановляет: 1) пока закончатся в Закавказьи выборы в Учредительное Собрание, дело управления должно быть передано Комитету общественной безопасности, составленному из представителей революционно-демократических партий и Закавказских общественных и национальных организаций; 2) после окончания выборов в Учредительное Собрание, организация местной власти, ее состав, характер и пределы полномочий поручаются выбранным делегатам; 3) в деятельности своей власть должна опираться на краевой и местные Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и на органы местного самоуправления». Резолюция эта была вынесена 11 ноября, но через четыре дня, 15 ноября 1917 года, был опубликован приказ Закавказского комиссариата следующего содержания: «В виду необычных обстоятельств, вызванных политическим моментом и отсутствием всеми признаваемой центральной власти, с настоящего числа мы, члены Закавказского Комиссариата, приступили к выполнению нашего долга, взяв в свои руки всю власть в пределах Закавказья с непосредственным подчинением Закавказскому Комиссариату всех правительственных учреждений и должностных лиц. Предлагаем всем подлежащим учреждениям и лицам, по всем делам служебного характера обращаться в Закавказский Комиссариат». Приказ этот был подписан: председателем и комиссаром труда Е. П. Гегечкори

(меньшев.), комиссаром внутр. дел А. Н. Чхенкели (меньшев.), военно-морским комиссаром Д. Д. Донским (эсер), комиссаром финансов Карчикианом (дашнак), комиссаром нар. просвещения Хан-Хойским (муссават.), комиссаром юстиции Ш. Месхишвили (груз. федералист), комиссаром торговли и промышленности Джафаровым (кадет), комиссаром дорог Мелик-Асланов ым (кадет), комиссаром земледелия Нерутчевым (эсер), комиссаром продовольствия Тер-Габаряном (меньшев. или дашнак), комиссаром соц. обеспечения Оганджаниаком (дашнак), комиссаром госуд. контроля Хас-Мамедовым (муссават).

Этот приказ был интересен в некоторых отношениях: 1) вместо Комитета общественной безопасности, о чем совещание 11 ноября вынесло постановление, мы тут имеем уже дело с Закавказским Комиссариатом, облеченным всею полнотой власти. 2) В приказе нет никакого указания на то, откуда взялось это новое правительство, где получило свое начало, на основании какого закона взяло оно в свои руки всю полноту власти, получили ли эти господа согласие на это от революционного народа — рабочих и крестьян? Ничего этого в приказе не видно. Там лишь сказано: мы, такие то и такие то господа, приступили к исполнению своих обязанностей и взяли в свои руки всю власть! Это было как раз тем, что называют узурпацией. Это было настоящим насилием, подлинной узурпацией народных прав. И в то же время, эти господа упрекали большевиков, обвиняя их в узурпаторстве прав народа и в насилиях над ним,

тогда как большевики действовали, опираясь на волю революционного пролетариата и крестьянства. Правда, большевики в этих случаях прибегали к насилию, но насилие это применялось к контр-революционной буржуазии и помещикам. Меньшевики-же и эсеры производили насилие над рабочими и крестьянами. 3] Каков был партийный состав Закавказского Комиссариата и обеспечивал ли этот состав соблюдение интересов рабочих и крестьян?

Как нам известно, грузинские меньшевики одно время были решительными противниками коалиции с буржуазией; Закавказский же Комиссариат являлся наихудшим образчиком коалиции; можно сказать, что в нем преобладающим элементом были буржуазия и контр-революция. Поэтому, наличие у нас Закавказского Комиссариата, как правительственного органа, говорило о том, что в Закавказьи словно только сейчас начинался тот период, который Россия уже изжила.

VII.

Закавказский Комиссариат отметил свое появление большой помпой, но есть пословица —не так много дождя, как грома; Комиссариат с самого начала оказался учреждением совершенно беспочвенным. Он остался висящим в воздухе, у него не было силы, на которую он мог бы опираться, Закавказье было уже в достаточной мере охвачено расстройством, а сам Комиссариат не обладал никаким авторитетом, чтоб влиянием своим его об'единить. В то же время Закавказскому Комиссариату хотелось воскресить российские буржуазные традиции Временного Правительства и побороться с революций.

Не об'ясняется случайностью и полное умалчивание в декларации Закавказского Комиссариата о Революции. Все это предсказывало Закавказскому Комиссариату такой же позорный конец, какой постиг его предшественника — Закавказский Особый комитет.

Это так и случилось.

Одним из соображений, которыми меньшевики оправдывали отделение Закавказья от России и образование местного, независимого от центра, правительства, было желание их избегнуть у себя анархии. Но анархия являлась простым предлогом. На самом же деле они просто боролись против революции, боясь выразить это открыто. И на самом деле — меньшевикам и эсерам удалось, кое как, задержать рост революции, но они оказались бессильными остановить рост анархии. Напротив, вследствие их нерадивости, беспечности и отсутствия твердой авторитетной власти — как раз в это время начинает усиливаться настоящая анархия.

Это об'яснялось различными причинами. Прежде всего, как мы уже говорили выше у Закавказского Комисариата в широких массах населения не было авторитета, не было доверия, рабочие революционные круги и Кавказская Армия смотрели на него с особенным презрением и не желали ему подчиняться, считая Закавказский Комитет правительством контр-революционным. В армии стало расти недовольство, что выражалось в самовольном уходе войсковых частей с фронта. Что же касается крестьян, то Закавказский Комисариат никогда среди них не смог бы завоевать к себе доверия. Мы уже знаем, как меньшевик Чхенкели защищал, еще во времена Особого

Закавказского Комитета, интересы частных землевладельцев. Комиссар земледелия эсер Нерутчев был противником отобрания земель у частных землевладельцев. К тому-же, участие в комиссариате таких лиц, как Хан-Хойский, Хас-Мамедов, Джафаров и др., не могло не вызвать среди крестьян иных чувств, кроме недовольства и возмущения. В это время у нас выявилось еще одно движение—под именем националистически-шовинистического. В результате этого движения было появление национальных советов и образование национальных воинских частей (полков). Так, напр., возник сначала армянский национальный Совет, затем—Грузинский, Азербайджанский, Осетинский и др. Первое время существование их было незаметным, или не привлекало к себе общественного внимания. Но постепенно, в виду ослабления революции, дух шовинизма развивался и рос. И нет ничего удевительного в том, что в националистически-шовинистическом хороводе оказались и грузинские меньшевики. Более подробно мы остановимся на этом в дальнейшем. У национальных Советов выявилась с самого начала тенденция превратить чисто буржуазные учреждения в Национальное Правительство. И этому обстоятельству помогло образование национальных воинских частей. Образование национальных воинских частей счел необходимым еще Закавказский Особый Комитет. В этом случае имелось в виду сосредоточение в национальных частях дезертиров. Но впоследствии национальным воинским частям придан был совершенно иной характер. Они постепенно превратились в силу, на которую стали

опираться национальные Советы. В последних числах октября 1917 года начали образовываться и формироваться национальные части армии. Так, напр., приступили к формированию Грузинского Корпуса. На 1-ое ноября 1917 года в Гяндже было назначено краевое собрание кавказских солдат мусульман, и на 15 ноября в г. Эривани такое же собрание солдат-армян. Все имеет свою логику: образование национальных воинских частей вызвало организацию национально-военных Советов, а эти последние, в свою очередь, должны были неизбежно создать межнациональный военный центр. Таким образом, с одной стороны – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, их центры и об'единения, Тифлисский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и их Исполнительный Комитет, которые отказывались добровольно от власти, уступив ее Закавказскому Комиссариату и городским самоуправлениям, сами же играли, главным образом, роли наблюдателей,—и с другой—Закавказский Комиссариат, по существу лишенный всякого влияния и с самого дня своего рождения обреченный на небытие, и ряд национальных Советов, фактическая сила и число которых все росло и росло. В таких условиях вопрос о власти постепенно и все более и более осложнялся и обострялся. Фактически властью распоряжались национальные Советы, которым подчинялись национальные войска,— единственная реальная сила в то время, ибо русские части были либо уже распущены, либо переживали процесс разложения.

Таким образом создалось такое положение, что орган,—в данном случае Закавказский Ко-

миссариат,—который должен был выполнять функции Правительства, показал себя совершенно бессильным. Это принужден был признать сам председатель этого правительства—Евг. Гегечкори, который впоследствии, на одном из заседаний Закавказского Сейма в своем докладе о деятельности Закавказского Комиссариата, напрямик заявил об этом и прибавил, что происходило это потому, что в распоряжении Закавказского Комиссариата не было никакой военной силы, на которую можно было бы в нужную минуту опереться, так как военные части подчинялись своим национальным советам и Закавказскому Комиссариату приходилось в нужных случаях обращаться к соответствующему национальному совету и с большим трудом получать от него нужную воинскую часть. Это было полным банкротством. Но это создавало в населении настоящую анархию. Меньшевики говорили, что в России не существует всеми признаваемой власти, и потому-де там царит анархия. Но в таком случае каково было положение в Закавказьи, в часности в Грузии? Газеты того времени переполнены известиями, получаемыми изо всех почти городов, местечек и деревень об участившихся разбоях, нападениях, убийствах и грабежах. Это говорило весьма красноречиво о слабости власти или о ее полном отсутствии. Было множество органов власти, но ни один из них не являлся всеми признаной властью. Даже в самом Тифлисе (конец 1917-го и начало 1918-го года) в каждом почти участке города существовала своя власть. Тут было несколько национальных советов: грузинский, армянский, тюркский, осетинский и др. Каждый из них в своем распоряжении имел

национальные воинские части. Между этими национальными советами вечно происходили распри и ссоры. Все это только было на руку контрреволюции и способствовало развитию анархии. Это замечали и видели все, но правительство было бессильно устранить все эти явления. Часто жалобы и обсуждения всех этих вопросов вызывали серьезные столкновения. Так напр., в одном из заседаний Центра Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—26-го января 1918 года разбирался вопрос о Национальных Советах и о их об'единении в Межнациональный Военный Совет. Выяснилось что этот последний был виновником Шамхорской трагедии, во время которой турецкие толпы уничтожили несколько тысяч возвращавшихся домой русских солдат на почве разоружения. Обвиняли самого Н. Рамишвили, отдавшего приказ Гянджинскому Совету о разоружении возвращавшихся на родину русских воинских частей. На этой почве столкнулись два меньшевистских «героя» Рамишвили и В. Джугели, обозвавших друг друга клеветниками и лжецами. Правым в этом деле оказался Джугели, который раскрыл крайне некрасивую и постыдную роль Рамишвили в ужсающей шамхорской истории. Самым интересным на этом заседании было выступление дашнака Арзуманова, который отметил, что все органы, которые не опираются на краевой центр, являются контр-революционными органами. Далее он заявил— „Национальное самоопределение не должно выливаться в форму создания национальных Советов. Также самоопределение является националистическим принципом и приведет нас к погромам и убийствам. Межнациональный Военный Совет при-

своил себе все права Краевого Центра. Это— орган контр-революционный и Краевой Центр обязан отозвать из него своих представителей". В этом случае дашнак Арзуманов говорил истинную правду, но он срывал таким образом маску с своей собственной партии, которая вместе с меньшевиками и муссаватистами проводила настоящую шовинистическую и человеконенавистническую политику. Что же касается убийств и резни на националной почве (армяно-тюркская и др.), то они уже начались.

VIII.

Тут мы отметим особенно заслуживающие внимания случаи, имевшие место за время существования Закавказского Комиссариата.

19-го ноября было созвано первое националлное собрание грузинского народа. Это было сделано под руководством и главенством меньшевиков. Более подробно об этом мы скажем ниже. К последним числам ноября положение в Тифлисе слишком обострилось. Это было вызвано тем обстоятельством, что меньшевики и эсеры усилили клеветническую кампанию против большевиков, которые, будто бы, решили организовать открытые выступления, направленные против местных Советов с целью захвата власти. Меньшевики прибегли к различным провокационным мерам. 27-го ноября по постановлению Исполнительного Комитета Тифлисского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с согласия Закавказского Комиссариата в Тифлисе об'явлено было военное положение. Это было вызовом большевикам для вовлечения их в борьбу. Большевики к

этому не подготовлялись, и у них не было намерений выступать против местных Советов, хотя силы у них было достаточно для одержания победы. Дело в том, что меньшевикам и эсерам не давало покоя то обстоятельство, что Тифлисский арсенал, являющийся для военных всего Кавказа громадным складом всевозможных военных снаряжений и припасов, охранялся отрядом, составленным из солдат - большевиков, державшим непосредственную связь с большевистским центром и получавшим от него директивы. Меньшевики постановили захватить арсенал в свои руки, во что бы то ни стало. В этих целях они спешно организовали отряд из рабочих, под именем «Красной Гвардии», который пополнялся солдатами грузинского полка. Этот отряд 29-го ноября ночью подошел к арсеналу и именем Совета Рабочих и Солдатских Депутатов потребовал от караульного батальона сдачи арсенала. Рота, державшая караул, растерялась и не знала, как ей быть. В конце концов, она уже соглашалась на сдачу. Столкновение и кровопролитие были неизбежны, еслиб сам большевистский центр, в целях ликвидации конфликта, не принял соответствующих мер. Меньшевики же впоследствии хвалились своей победой при взятии арсенала. Но это было, на самом деле, воровским нападением. Помимо этого вероломного набега, меньшевики по разбойничьи разгромили большевистские редакции, избили газетных сотрудников, нескольких из них арестовали. Это было подлинным повторением июльских дней в Тифлисе. В течение нескольких дней толпа, составленная из меньшевиков, эсеров и дашнаков, рыскала по городу и охотилась за большевиками. Резуль-

татом этого было то обстоятельство, что большевистская партия, которая до сих пор могла, хотя и с большим трудом, работать легально, принуждена была на половину, по крайней мере, перейти на положение нелегальное. Такое положение длилось, приблизительно, до февраля 1918 года, когда большевики перешли уже совершенно на нелегальное положение (расстрел 10 февраля 1918 года в бывш. Александровском саду большевистского митинга—в день открытия Закавказского Контр-революционного Сейма). И положение это длилось целых три года, вплоть до Советизации Грузии. Одним из больших вопросов, вставших перед Закавказским Комиссариатом и требовавших решительного ответа, был вопрос о войне и заключении мира с Турцией. Вопрос о заключении мира был возбужден перед Закавказским Комиссариатом самим турецким командованием, 21-го ноября 1917 года. Закавказский Комиссариат не мог не согласиться на это предложение под условием, чтобы турецкое командование не предпринимало никаких перегруппировок войск, могущих принести вред английским войскам Мессопотамии. Таким образом, в одном из наиболее важных вопросов Закавказский Комиссариат сделал совершенно независимый шаг, не запросив даже российского правительства в лице ее Совета Народных Комиссаров. Это означало, что он действовал уже как Независимое Правительство. Но, дальнейшие действия Комиссариата по тому-же вопросу свидетельствуют о том, что как у Комиссариата, как и у его наследника—Закавказского Сейма и предста-

влявших его партий, крайне туманные и более чем двусмысленные представления о закавказской независимости. В течении целых месяцев они не смогли дать ясного и определенного ответа на вопрос—что из себя представляет Закавказье и его правительство: часть России, или независимое государство? В то же время когда Турецкое Правительство категорически запросило Закавказский Комиссариат, а затем и Сейм—признают ли они Брест-Литовский Договор, заключенный между Германией и Советской Россией,—сначала Комиссариат, а затем и Сейм, отвечают отрицательно:—мы не считаем для себя обязательным этот договор. После этого только ребенок мог отрицать независимость Закавказья. Но, у этих господ, главным образом, у меньшевиков, в действиях не было никакой логики. Они (Жордания, Гегечкори, Церетели, Чхеидзе) всенародно заявляли—под таким постыдным договором, как Брест-Литовский—мы подписей не дадим. «Я должен сказать—говорил Жордания в заседании Закавказского Сейма 26-го февраля 1918 года,—что для демократии не всякий мир приемлем. Мы не большевики, чтоб на словах осчастливливать народ, а на деле предавать его. Мы и не толстовцы, чтобы непротивляться злу». Так именно на словах выказывали эти господа хвастовство, когда же дошло до дела, они признали и независимость Закавказья, — хотя по этому случаю пролили не мало крокодиловых слез,—а затем, признали для себя обязательным и постыдный Брест-Литовский договор. Но это еще ничего. В вопросе заключения с Турцией мира меньшевики и эсеры пошли на уступки,

которые превращали независимость Грузии в настоящую фикцию, т. е. заключили договор, в сравнении с которым Брест-Литовский договор стоял несравненно выше.

До какого унижения и позора довели эти господа дело, видно, между прочим, из доклада, сделанного самим Ираклием Церетели Краевому Центру Рабочих и Солдатских Депутатов 7-го июня 1918 года. По словам докладчика—наиболее существенным пунктом этого договора является пункт, по которому Турция получает право полностью использовать наши железные дороги для передвижения своих войск во время войны. Кроме того—Турция получает право иметь на наших железных дорогах свои органы для закупки продовольствия; наше правительство обязуется оказывать этим органам всяческое содействие. Кроме того,—такое же право дается на грузинских дорогах и Германскому Правительству для передвижения его войск. Далее, в мирном договоре был еще один пункт, который содержал вопрос о частичной мобилизации грузинских войск, хотя тут имелась в виду демобилизация войск обоих государств. Во время прений, возникших по поводу и вокруг этого договора, ораторы не скрывали того, что договор этот являлся оскорблением независимости Грузии, и что Турция предпринимала уже шаги в этом направлении, напр.: требовала уничтожения на Черном море маленького грузинского флота, германцы не разрешали петь марсельезу и т. д. и т. д. В силу

этого договора на территории Грузии безнаказанно распоряжались турецкие и германские чиновники, офицеры и генералы. Грузинское Правительство являлось лишь исполнителем их приказов или, в лучшем случае, могли писать протесты. Вожди грузинских меньшевиков без зазрения совести слизали языками свои же плевки и, пренебрегши союзом с Советской Россией, сделались лакеями германских и турецких империалистов. К такому унижению привела их политика измен революции и трудовому народу.

IX.

В нескольких словах нужно нам упомянуть о Закавказском Сейме. Как нам известно—меньшевики и эсеры наибольшие надежды возлагали именно на Сейм. В нем они видели образ обожаемого ими Учредительного Собрания, хотя лишь и в масштабе Закавказья; они видели в нем полное торжество «демократии», венценосную победу четырехформульной выборной системы: выборы на основе прямой, равной, тайной и пропорциональной подачи голосов были их обожаемым идеалом, богом, блистательным торжеством демократизма. Сейм должен был быть составлен из делегатов, выбранных во Всероссийском Учредительном Собрании, которого не пощадили эти проклятые большевики и разогнали! И кто попал в этот Сейм? Еслиб вам понадобилось для коллекции—вы там не смогли бы найти ни одного рабочего, ни одного крестьянина. Напротив, это было сборищем самых неусыпных врагов рабочих и крестьян, представителей

контр революционной буржуазии и помещиков. И против этого вы ничего не могли бы сделать, ибо это было законом «демократии», это было торжеством демократизма. Меньшевистские златоусты (Чхеидзе, Церетели, Жордания и К°) от радости, по поводу открытия Сейма, едва касались ногами земли, а руками словно упирались прямо в небеса. Закавказская демократия, в лице Сейма, выбранного на основе прямой, равной и т. д. подачи голосов, являет-де всем пример силы и единодушия «демократии». Шире дорогу демократии! Мы не большевики, которые разбрасывают и раз'единяют демократию, которые создают анархию и изменяют стране и народу! Что же получили эти господа в результате такого бахвальства и фанфаронства? После трех месяцев совершенно непроизводительного существования своего, Закавказский контр-революционный Сейм сам об'явил себя распущенным. Первое его заседание было 10 го февраля 1918 года, и ознаменовалось кровопролитием в б. Александровском саду. Последнее заседание состоялось 26-го мая того же года. Таким образом, Сейм существовал ровно три с половиной месяца и его не разгоняли проклятые большевики: он как существо безвременное и никчемное, умер своей естественной смертью и так, что смерть эта не вызвала ни в одном глазу ни одной слезинки.

„Как жизнь его была постыдным рядом дней,
Такою же была постыдной и кончина!“

В действительности Закавказский Сейм с первого же дня был мертворожденным, и лишь меньшевистские златоусты старались своей бес-

содержательной фразеологией продлить его дни. Но, он был уже обречен. И подобное учреждение думало о государственном руководительстве, об укреплении демократии! Какую прочность, силу и единодушие мог создать Сейм, когда в нем самом не было и признака ни силы, ни прочности, ни единодушия, когда сами собравшиеся в нем партии и группы рыли друг другу ямы? Меньшевики прекрасно замечали, что у Сейма не было способностей к продуктивному труду, но, все же, продолжали кадить ему ладаном. Можно сказать, что единственным законодательным или дипломатическим актом, которым ознаменовалось существование Закавказского Сейма, был акт о независимости Закавказья 22-го февраля ст. ст. Но, это случилось по настоянию турок, без чего они не желали и разговаривать с Закавказским Правительством. Кроме этого, Сейм касался некоторых сложных и больных вопросов, главным образом анархии, которая постепенно разрасталась в Закавказьи. Но, Сейм лишен был всяких возможностей принять какие либо решительные меры против распространения анархии. Если его предшественник—Закавказский Комиссариат—был лишен всякого авторитета, то таким же неавторитетным был в глазах народа и Сейм. В Закавказском Сейме были совершенно механически собраны грузинские меньшевики, армяне-дашнаки и тюркские муссаватисты. В лице их вовсе не было единого Закавказья. В действительности эти три партии представляли уже три отдельные территории: Грузию, Азербайджан и Армению. Каждая из этих партий защищала только лишь свои «участковые» инте-

ресы, но отнюдь не интересы всего Закавказья. И никто уже не сомневался в том, что Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, фактически, уже не являлись руководителями органов власти, что Советы только тогда оповещались о положении дел, когда вопрос бывал уже разрешен. Это обстоятельство, между прочим, было отмечено в заседании Краевого Центра Советов 13 апреля 1918 года некиим Петросяном, заявившим, что он не видит никакого контроля Сейма со стороны Краевого Центра, который о деятельности Правительства и Сейма узнает уже post-factum. Меньшевики предоставили Советам лишь наблюдательные и контрольные функции, но с течением времени эти Советы фактически утрачивали право контроля и его не производили. По обыкновению к Совету обращались лишь тогда, когда решение Правительства и Сейма уже проводилось в жизнь. Это решение непременно должно было быть одобрено Советом, иного исхода у него не было. Обсуждали, говорили, обменивались мнениями, но, в конце концов, выносили постановление: «принять к сведению» или «одобрить» те или иные меры. Конечно, после этого никакого уважения и доверия к Советам и быть не могло.

Когда мы говорили о Закавказском Комиссариате,—мы упустили из виду и не упомянули о нескольких, изданных им и более достойных внимания законодательных актах. Нам известно, что по предложению меньшевиков Закавказский Комиссариат в последних месяцах 1917 года (ноябре—декабре), издал декреты о конфискации земель, об отмене званий, о введении земства и пр. Нечего и го-

ворить о том, что наиболее значительным был декрет о конфискации частно - владельческих земель. Но, в силу этой реформы частным владельцам, в большинстве случаев, фактически, давалась возможность оставить в свою собственность почти все те земли, которыми они раньше владели. Но главным было то, что декрет этот остался лишь на бумаге, так как у Закавказского Комиссариата не было никаких средств провести его в жизнь, тем более, что громадное большинство в Комиссариате не только не сочувствовало земельной реформе, даже в том извращенном и изуродованном ее виде, который она получила в декрете, но положительно противодействовало.

Таким образом, меньшевистская политика, начиная с Февральской революции 1917 года, падала все ниже и ниже, опускаясь со ступеньки на ступеньку. Один этап этого процесса падения и вырождения завершился актом 26-го мая 1918 года, который на языке националистов и шовинистов всех народов носит название «акта о независимости Грузии», и который, в действительности, втягивал Грузию и грузинский народ в Германо-Турецкий империалистический хоровод. Это называлось освобождением Грузии и грузинского народа от большевистской анархии и истребления. Но от этой «анархии» меньшевики все же не спаслись. Большевистское движение, под видом крестьянских восстаний, уже охватило всю Грузию.

В заключение необходимо в двух словах коснуться здесь митинга, организованного большевиками 10 февраля; нужно сказать, что меньшевики и эсеры по этому поводу создали и распространили множество провокационных

сплетен о том, что большевики будто бы организовали вооруженный митинг, что целью этого митинга был разгон сейма при помощи стоящих временно на 300 версте русских воинских частей и проч. и проч. Нечего говорить о том, что ничего подобного этому, на самом деле, не было. Митинг был созван, главным образом, в целях протеста против репрессий меньшевистского правительства в отношении большевиков. В последнее время толпы меньшевиков и эсеров безнаказанно арестовывали большевиков как в Тифлисе, так и в провинции.

9 февраля они произвели обыск в редакциях большевистских газет: «Кавказский Рабочий», «Брдзола» и «Банвори Крив» и закрыли их. Эти редакции уже второй раз ими громились и закрывались. Всех, бывших при обыске сотрудников, арестовали. Вот в целях выражения протеста против этих контр-революционных действий и был созван совершенно мирный митинг безоружных людей. Инициатива созыва митинга принадлежала самим рабочим фабрик и заводов. В некоторых местах работа фабрик и заводов была приостановлена, и рабочие и солдаты стихийно направились в б. Александровский сад для участия в митинге протеста. Меньшевики и эсеры заранее знали о назначенном тут большевистском митинге. Знали и о том, с какой целью он был назначен. Для разгона митинга они не приняли никаких мер. Напротив, они способствовали ему, ибо в сад пускали всех, но оттуда уже никому не позволяли выходить. Когда митинг был открыт, сад оказался весь окруженным солдатами и милиционерами.

Таким образом, митинг оказался запертым в саду. Но меньшевики впустили во внутрь сада войсковые части с пулеметами, которые и окружили самый митинг. Никто не мог себе представить, чтоб эти войска были посланы для расстрела безоружных людей. Меньшевики и эсеры впоследствии придумали и бессовестно уверяли, что будто бы на митинге были люди, которых нужно было арестовать (тов. Шаумян, Кузнецов и др.), что будто бы митинг обезоружил одного милиционера, и что затем со стороны митинга началась стрельба. Все это было бессовестно и умышленно придумано для того, чтобы оправдать свои возмутительные действия, подобные которым даже во дни царских палачей были невозможны, т. е. расстрел войсками совершенно непредупрежденных об этом безоружных людей, устроивших мирный митинг. По распоряжению меньшевистского центра, войско расстреляло из пулеметов народный митинг, на который попали и совершенно случайные прохожие: старики, женщины, дети. Стрельба длилась почти 20 минут, стреляли по народу даже после того, как присутствующие легли на землю рядом с убитыми и ранеными. Чем можно было оправдать такую дикую жестокость? Меньшевики скоро поняли, что слишком переусердствовали и принуждены были назначить специальную комиссию для расследования этого дела. Но это было сделано, повидимому, для отвода глаз. Факт возмутительнейшего преступления был ясен и безо всякого расследования. И, как это бывает в таких случаях, дело было всячески заглушено и замазано. Но было немыслимо скрыть кровь совершенно безвинных жертв, пролитую 10 февраля 1918

года в бывшем Александровском саду меньшевистскими палачами. Трудно сейчас передать то возмущение, которое было в то время вызвано такими действиями меньшевистского правительства не в одном только Тифлисе, но и далеко за пределами его. Тифлисский пролетариат попробовал было отметить это событие об'явлением всеобщей забастовки. В некоторых отраслях труда все бастовали (союз печатников, союз хлебопеков и др.), в других бастовали частично (в железнодорожных мастерских и др.). Но, благодаря провокационной кампании меньшевиков и эсеров, с одной стороны, и их же насилиям—с другой—все это было затушено и придавлено.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

БОРЬБА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ У НАС С ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА ДО РОСПУСКА СЕЙМА.

Мы должны здесь остановиться на борьбе за Советскую власть у нас за время Февральской революции. Конечно, об этой борьбе может итти речь постольку, поскольку у нас работала большевистская партия. В этом же отношении Закавказье, в то время было очень слабо, слабо не только в Грузии—Тифлисе, но даже и в Баку, где раньше, в революцию 1905 года и после, большевизм был достаточно силен. Но перед Февральской революцией 1917 года большевистские организации в Закавказьи представляли из себя крайне слабую силу. В частности, в Тифлисе того времени была небольшая группа большевиков, ведущих нелегальную работу. А в других местах не существовало даже и таких групп: были отдельные лица, державшиеся большевистской ориентации, но не имевшие связи ни с кем. Само собой разумеется, что необходимее всего в то время было установление связи между разбросанными по краю большевиками и организация низовых ячеек, на обязанности которых лежало бы привлекать к себе как настоящих большевиков, так и сочувству-

ющих; необходима была переброска в широкие массы рабочих и крестьян лозунгов большевизма в целях концентрации их внимания на вопросах углубления революции; была необходима борьба с развращающим влиянием меньшевиков и эсеров на рабочих и крестьян. Вот, приблизительно, задачи, лежавшие тогда перед большевиками.

Как мы знаем, все революционные организации (Советы и их об'единенные центры) были с самого начала захвачены меньшевиками и вновь вылупившейся партией эсеров. Они же господствовали и в прессе. Но в этой области и большевики могли соперничать с меньшевиками и эсерами. Меньшевики не прекращали выпуска своих газет даже во времена царского режима. После революции у них был тоже хорошо налаженный газетно-издательский аппарат. Выпуск же новых газет был чрезвычайно затруднен, главным образом ввиду отсутствия средств. Но это не являлось препятствием. Тифлисская большевистская группа выпустила газету «Кавказский Рабочий» (под этим же названием у большевиков в 1905 году издавалась своя газета). Первый номер обновленного „Кавказского Рабочего" вышел 11 марта 1917 года. Эта газета по освещению основных вопросов революции с самого начала взяла правильную большевистскую линию.*) Редакция в руководящих статьях говорила своим читателям, что движущими силами российской революции являются

*) Группа инициаторов этого издания и первых его руководителей состояла из следующих лиц: Мравьяна, Назаретяна, Махарадзе, Кавтарадзе. Не было ни средств, ни помещения для редакции. Вся редакционная работа производилась либо в типографии, либо по квартирам.

Пролетариат и трудовое крестьянство и что насущные интересы этих двух классов требуют доведения революции до ее логического конца. Поэтому—не соглашение и мир с капиталистической буржуазией и помещиками, а жестокая борьба с ними. Что же касается войны, „Кавказский Рабочий“ с первых же дней требовал прекращения кровопролития, братания между солдатами противных лагерей, осуждая меньшевистско-эсеровский лозунг «Революционного оборончества». Затем, как только был выставлен лозунг: „вся власть Советам“, „Кавказский Рабочий“ тотчас-же приступил к популяризации этого лозунга в среде широких масс рабочих, солдат и крестьян.

Вообще газета с одушевлением и редкой энергией работала над широкой пропагандой революционной платформы российской большевистской партии, конфискации земель, об установлении рабочего контроля над фабриками, заводами и, вообще, производством, о национализации банков и пр. Газета сразу привлекла к себе громадное число читателей как рабочих, так и солдат; в самое короткое время газета завоевала большое доверие. Вокруг „Кавказского Рабочего“ группировались революционные элементы не только Тифлиса, но и других городов Закавказья, и Кавказской Армии. И лишь для многочисленного крестьянства Закавказья газета эта была недоступной, ибо печаталась на русском языке. Для устранения этого препятствия Тифлисская большевистская организация приняла соответствующие меры, и с 10-го июня 1917-го года приступила к изданию большевистской газеты на грузинском языке—„Брд-

зола" („Борьба"). Через некоторое время стала выходить большевистская газета „Банвори Крив". Все эти газеты выходили в Тифлисе, но расходились по всему Закавказью. Не удалось наладить выпуска тюркской большевистской газеты. Из всех этих газет наибольший тираж имел „Кавказский Рабочий" расходившийся в 8-9 тыс. экземпляров.

Ясно, что большевистская пресса очень способствовала распространению большевистских идей и лозунгов в широких массах. Мы уже знаем о том, что масса эта была отравлена меньшевизмом; к этому впоследствии прибавились еще неясные и путанные, наполовину социалистически—утопичные, наполовину мелко-буржуазные воззрения эсеров. Во всех организациях и учреждениях, явившихся результатом революции, господствовали меньшевики и эсеры. Большевики очень редко входили в эти органы. Меньшевики и эсеры с самого начала действовали в союзе против большевиков. По милости этих господ масса была по отношению к большевикам сильно запугана. Меньшевики и эсеры распространяли слухи о том, что большевики своими лозунгами подготовляют почву для контр-революции, что они губят революцию, отрывая доступ внешнему врагу и пр. и пр. Необходимо было доказывать неосновательность всех этих возмутительных обвинений, наоборот выставить подобные-же обвинения против меньшевиков и эсеров, необходимо было пробудить сочувствие к большевизму; необходимо было увеличить число активных сторонников большевизма и лиц, ему сочувствующих. Большевистская пресса и, главным образом, „Кавказский Рабочий"—сыграл громадную роль в этом деле.

Все это хорошо видели наши противники, почему с самого начала старались принимать меры против распространения большевистской печати. Первым делом они попробовали запретить распространение петроградской „Правды", и в то же время развертывали общую кампанию против большевистской прессы. 19-го апреля 1917 года, в соединенном заседании Тифлисского Исполнительного Комитета Рабочих и Солдат эсер Карцивадзе в одном из своих докладов заявил: генералу Юденичу сообщают из Петрограда, что в вагоне с подарками, посланном петроградскими рабочими для Кавказской Армии, находится 40 тыс. экземпляров „Правды", и что газету следует задержать. Собрание постановило: все экземпляры „Правды" конфисковать и вместе с тем поднять в прессе кампанию против выступлений Ленина. Перед этим было постановление того-же органа от 6-го апреля 1917 года, приблизительно такого содержания: лица желающие вести беседы с солдатами или пропаганду и агитацию в казармах, могут быть туда допущены лишь с мандатами Тифлисского Комитета рабочих и солдатских депутатов. Кроме этого, штабу было послано предписание о недопущении в войска, без разрешениия Исполнительного Комитета Советов, агитаторов и какой бы то ни было литературы. Н. Жордания шел еще дальше. На заседании того же Исполнительного Комитета Советов 18 июня 1917-го года он, между прочим, заявил: „необходимо освободить войсковые части от бунтарских элементов". Под этими бунтарскими элементами он подразумевал, конечно, солдат-большевиков. Но привести в исполнение предложение Жордания оказалось невозможным,

так как в Кавказской Армии прочно сидел дух большевизма.

Несмотря на всякие заботы, которыми меньшевистские и эсеровские Советы окружали войска, им все же не удалось спасти их от большевистского влияния. Наоборот—благодаря влиянию солдатских масс, меньшевики и эсеры принуждены были отменить запрещение распространять в войсках большевистскую литературу.

Но надо сказать, что меньшевики и эсеры, пока что—воздерживались от открытой борьбы с большевизмом, опасаясь прибегать к мерам физического воздействия. Так, напр., 22-го апреля 1917 года соединенное заседание Советов Солдатских и Рабочих Депутатов сняло запрещение с газ. «Правда». Это было в результате массовых протестов, вызванных реакционным постановлением местного меньшевитско-эсеровского Совета о запрещении распространения газ. «Правда». И эти господа были принуждены дать отбой; но это отнюдь еще не говорило об отказе от дальнейшей борьбы. Они этим изменяли лишь методы своей борьбы. Они перешли к усилению кампании гнусного клеветничества, провокации, ругани и поношения по адресу большевиков, и в частности тов. Ленина.

В 20-30 числах апреля 1917 года в Тифлисе состоялся первый с'езд делегатов Кавказской Армии, оказавшийся меньшевистско-эсеровским. Большевистских депутатов было на с'езде всего несколько человек. На с'езде сталкивались представители двух главных направлений: с одной стороны стояли меньшевики-эсеры с кадетско-буржуазным уклоном и с другой—большевики, сторонники пролетарской революции. Все резолюции, при-

нятые с'ездом, были предложены эсерами и меньшевиками. Но, надо сказать, что как самый с'езд, так и прения, которые велись здесь, свидетельствовали о том, что эти господа еще не совсем перестали чувствовать на себе дыхание революции, они пока еще не осмеливались сделать решительного шага в сторону контр-революционной буржуазии. Вы могли тут еще услышать меньшевистские разговоры на тему о том, что «Временное Правительство представляет из себя Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов» (из речи меньшевика Ломтатидзе), и самая резолюция, принятая с'ездом после долгих прений о текущем моменте, гласила: «первый с'езд делегатов Кавказской армии, поддерживая Временное правительство, заявляет, что поддержка эта возможна только до тех пор, пока Временное Правительство стойко и непоколебимо будет проводить в жизнь опубликованную им программу и в деятельности своей, как внутренней, так и внешней политики будет опираться на трудовую демократию, объединенную во Всерссийские Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Не может быть, чтоб на эту резолюцию не оказывали влияния выступления на с'езде нескольких большевиков (Корганова, Кавтарадзе и др.). Наоборот, остальные резолюции с'езда свидетельствуют о наличии меньшевистско-эсеровских влияний. Так, например, резолюция, касающаяся земельного вопроса, носила на себе яркую печать двоемыслия и шатания. Резолюция эта возлагала вопрос о кон-

фискации частновладельческих земель на Учредительное собрание и при этом считала необходимым принятие мер против купли-продажи и залога этих земель.

Но, в то же время, резолюция решительно высказывалась против самовольного захвата крестьянами помещичьих земель. А в вопросе о партийной работе в армии с'езд в принятой резолюции дошел до уступок, совершенно недопустимых с точки зрения интересов революции и пролетариата. По предложению меньшевика Попова съезд постановил: не допускать в войсковых частях существования партийных организаций. При вынесении этого постановления с'езд имел в виду лишь большевистские партийные организации. Страх перед большевиками заставил с'езд, под давлением меньшевиков, сделать этот шаг.

Надо сказать, что эсеры, в общем, не были сторонниками этого постановления; так, напр., эсеровский орган «Знамя Труда» этого постановления не одобряет. Что касается большевиков, они были решительными противниками постановления.

Первый Кавказский с'езд делегатов армии показал всем, что хотя число делегатов—большевиков на с'езде было крайне незначительным, тем не менее большевистское влияние тут было достаточно ощутительно. Это об'яснялось необычайным ростом в это время большевизма—ленинизма. Правда, рост этот проявлялся больше стихийно, но что было делать, когда большевистских организаций либо совсем не существовало, либо там, где они были, им приходилось влачить крайне бедственное суще-

ствование. Газеты—«Правда», «Кавказский Рабочий», впоследствии «Брдзола», пробуждали массы там, куда они проникали, и вызывали в них революционный дух, жажду борьбы.

Но вылить все это в организационные формы было крайне трудно, либо совершенно невозможно, в виду недостатка основательно подготовленных руководителей.

Показателями стихийного роста большевизма были, между прочим, митинги, устраиваемые летом 1917-го года в б. Александровском саду. Это были импровизированные, без предварительной подготовки, митинги, устраиваемые самими его участниками. В большинстве случаев это были солдаты. Один из таких митингов описывает нам меньшевистская газета — «Известия» Тифлисского Совета (№ 55). Вот это описание: «4-го июня в Александровском саду был устроен летучий митинг. Большинство участвующих были солдаты. Ораторы, называвшие себя большевиками, указывали на измену Керенского, противящегося братанию, и на буржуазный характер Временного Правительства. Ораторы указывали на неотложную необходимость захвата земли и банков. Настроенные и взволнованные такими речами, слушатели враждебно отнеслись к ораторам меньшевикам; но после речей этих последних это враждебное отношение сменилось сочувственным, и речь покрылась аплодисментами».

Меньшевик-корреспондент, понятно, должен был свою заметку закончить сообщением, что большевистский митинг наградил аплодисментами меньшевистского оратора! Это была ложь. Но у нас имеется более об'ективное описание этих митингов, помещенное в больше-

вистской газете «Кавказский Рабочий» в № 66. Вот что пишет газета: «31-го мая в Александровском саду был организован солдатский митинг. С речами выступали соц.-революционеры, меньшевики и большевики. Ораторы в речах своих касались следующих тем: „война и мир», «революция», «отношения к Временному Правительству», «заем свободы», «земельный вопрос» и др. От большевиков выступил бакинский товарищ Богданов. Масса явно сочувствовала большевистскому взгляду на текущий момент. Тов. Богданова, в виду его от'езда в Баку, солдаты, в количестве до 800 человек, проводили до ред. «Кавказского Рабочего». Солдаты горячо приветствовали редакцию».

Такие митинги устраивались почти целый месяц, пока меньшевики их не запретили.

Следующим фактом, свидетельствовавшим о росте большевистского влияния на массы, был митинг, устроенный 25-го июня на площади Свободы (б. Эриванская пл.). Митинг этот был организован Тифлисским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Ораторы наметили следующие вопросы: 1) переход в наступление наших войск, 2) Сорокалетние солдаты, и 3) Работа в полях. Программа митинга была выработана Тифлисским Советом.

Таким образом, по милости меньшевиков митинг должен был получить антиреволюционный характер, и кроме того, созван был с целью поддержки Керенского в вопросе о переходе в наступление на германском фронте. Но митинг совершенно не оправдал надежд меньшевиков и эсеров. Митинг явно осудил как политику нового наступления, так и антиреволюционную политику меньшевистско-эсеровских Советов.

Митинг привлек громадное количество народа. На площади яблоку негде было упасть.

Вот впечатления от митинга 25-го июня, полученные одним из его участников (№ 6 газ. «Брдзола»): устроенный в Воскресение 25-го июня Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов мирный митинг —манифестация собрал на площади Свободы несметное количество солдат. Красные знамена украшались революционными надписями след. содержания: «Долой войну!», «Долой десять министров—капиталистов!», «Вся власть Советам Рабочих, Солдат и Крестьян!», «Долой анти-демократические приказы Керенского, направленные против солдат!», «Да здравствует братание и дружба на фронтах!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», „Да здравствует III Интернационал", „Да здравствует мировая социальная революция!", «Долой наступление, долой пролитие братской крови, долой войну, вызванную ради интересов империалистов — капиталистов!» и пр. и пр.

Этот день обнаружил полное банкротство не марксистской революционной позиции тифлисских меньшевиков—оборонцев. И это тут, в Тифлисе, где меньшевизм воздвиг себе «трон» исключительной силы и мощности!».

К сожалению на митинге имел место один неприятный инцидент: народ не позволял говорить меньшевикам-ораторам, и даже был случай нанесения физического оскорбления. Этот печальный факт произошел, по словам автора вышеприведенной заметки, таким образом: «главной, вызвавшей инцидент, причиной были (как удостоверяли очевидцы, из наиболее искренних меньшевиков) трех родов прокламации,

выпущенные коллегией пропагандистов Совета. Неприличная ругань этих прокламаций и клеветнические выпады, направленные против большевиков, были настолько явными, что всякий беспристрастный читатель неизбежно начинал думать:—эти господа лозунгом дня избрали, исключительно, оскорбление и унижение большевиков. У множества солдат в руках побывали эти прокламации с подчеркнутыми местами, в которых говорилось о большевистской газете «Правда». Выведенные из терпения солдаты указывали противникам отмеченные места провокационного характера, наполняющие листовки, выпущенные меньшевиками. Инцидент этот не прервал, однако, хода митинга, который, в конце концов, мирно разошелся.

Конечно, обозленные, потерявшие равновесие меньшевики и эсеры, не ожидали, что митинг выступит против них и вынесет осуждающие их резолюции, и поэтому подняли вокруг него большой шум и трескотню. Из-за нанесенного одному меньшевику физического оскорбления они окрестили весь митинг хулиганским и черносотенным.

«Ораторам (читай—меньшевикам. Ф. М.) не позволяли говорить»,—писали они в своих газетах, «они старались подорвать, какими бы то ни было средствами, доверие к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов... Они призывали всех к немедленному окончанию войны, захвату земель, грабежу капиталистов и отправке буржуев на фронт»...

Митинг 25 июня напугал весь лагерь меньшевиков, что видно, между прочим, из речи сказанной Н. Жордания на заседании Исполнительного Комитета Тифлисского Совета 26-го

июня: «Это только цветки,—сказал он, между прочим,—дальнейшее очень скоро последует. Мы стоим перед большим кризисом революции; этот кризис состоит в господстве черни, за которым наступит реакция. Чернь почувствовала, что над ней нет уже ничьей власти, и выползла наверх. Никакими лекциями и словами бороться с ней нельзя... Если мы не хотим господства черни, мы должны обладать вооруженной силой и проводить непоколебимую и твердую политику»...

Таким образом, меньшевик Жордания говорил:—как эта чернь посмела поднять свой голос, как она надругалась над авантюрой Керенского? Это ведь равносильно кончине мира. Для усмирения черни (т. е. тех же рабочих и крестьян) мы должны иметь вооруженную силу, и тогда мы покажем ей кузькину мать. Вот как размышлял Жордания. В данном случае он облекал в слова то, что у него было в душе. Но слова его были словами настоящего крепостника.

Митинг 25 июня показал нам, что революция, несмотря на старания и предательство меньшевиков и эсеров, постепенно углублялась и врезывалась в сознание масс, но, к сожалению, у нее не хватало достаточного руководительства со стороны большевистской партии.

Что из себя представляли в то время большевистские организации у нас? Правда, они быстро росли, но по сравнению с меньшевистскими, организации большевиков были, пока еще, очень слабы. Большевистская пресса, газеты и митинги помогали

зарождению и росту этих организаций. Но, кроме этого, самые ошибки меньшевиков и эсеров способствовали росту большевиков.

На первом краевом С'езде большевистских организаций, открывшемся 2-го октября 1917 года, т. е. почти накануне Октябрьской Революции был подведен итог строительству большевистских организаций у нас в 1917 г. (до сентября).

Маленькая группа, состоявшая всего из 15-20 человек к началу Февральской революции, по прошествии пяти — шести месяцев работы, т. е. к началу сентября, разрослась уже в Тифлисе в большевистскую организацию, численностью до 2.600 членов. Надо принять во внимание, что большинство из них состовляли солдаты. Но тифлисская организация пользовалась большим влиянием не только среди солдат, но и среди рабочих. В Тифлисе выходило несколько большевистских газет, причем только „Кавказский Рабочий" печатался в количестве более 8.000 экземпляров. Во время июльской черной реакции, когда партии меньшевиков и эсеров, захвативших в свои руки господство, сильно преследовали большевиков, организация этих последних сумела провести в городское самоуправление семь своих гласных и получила на выборах 5.083 голоса.

Что касается Тифлисского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, то там вначале не было признаков большевиков, но при вторичных перевыборах туда прошли большевики в количестве 8 депутатов. С них и начинается полоса большевистского подхода к вопросам. Это относится приблизительно к июню месяцу, вскоре после начала нового

наступления Керенского. В июльские дни большевистская резолюция о Советах, о мире и войне получила в Тифлисском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов из 300 голосов—53 голоса. Влияние большевиков—депутатов в Советах еще более выросло посло заговора Керенского. Так, например, резолюция против коалиционного правительства, с поправками большевиков прошла почти единогласно. За большевистскую резолюцию «об отмене смертной казни» высказалось 103 чел. против—123.

Из городов Закавказья в сравнительно лучшем положении относительно влияния большевистской партии, быть может, был только город Б а к у. В первое время после Февральской революции, в Баку почти не наблюдалось обострений между партиями большевиков и меньшевиков. Так напр., вождь бакинского пролетариата тов. Шаумян был избран единогласно в председатели Бакинского Совета. Но такое мирное сожительство партий постепенно нарушалось. В Совете большевики были в меньшинстве. Главной причиной этого было то обстоятельство, что у 18.000 солдат тут было 250 представителей, в то время как у бакинского пролетариата, численностью в 70-80 тыс. человек, было всего 260 депутатов. Среди представителей солдат большинство было эсеров.

Остальных городов мы здесь не коснемся. Скажем лишь одно, что на первом партийном с'езде представителей большевистских организаций Кавказа было представлено, с решающим голосом, всего 19 организаций, об'единявших 8.436 членов, и, кроме того, три организации с совещательным голосом, обединявших до 200 голосов. На с'езде присутствовало 26 делегатов: с

решающим голосом и с совещательным—3. Делегаты эти были от Тифлиса, Поти, Кутаиса, из разных местечек и деревень Гурии, от Гори, Батума, Зугдид, Баку, Гянджи, Сарикамыша, Карса, Шериф-Хане, Трапезунда, Агбаша, Матеса, Екатеринодара, Кисловодска, Туапсе. Таким образом, тут собрались представители Закавказья, Северного Кавказа, а в частности, также, и представители армейских частей.

Первый с'езд кавказских организаций имел громадное значение для Советов и Советской власти. Мы здесь не касаемся работы с'езда и принятых резолюций по всем значительным вопросам, стоявшим тогда перед революционным пролетариатом и крестьянством, вопросам, требовавшим неотложного и немедленного разрешения, какими являются вопросы текущего момента: революция и вопрос о власти, аграрный или земельный вопрос, национальный вопрос, Учредительное Собрание, взаимоотношение с другими партиями и проч. и проч. По всем этим вопросам с'езд, согласно постановлениям и директивам большевистской партии, выработал исчерпывающие резолюции, которые были переданы Кавказским организациям, как руководящие начала. Таким образом был заложен фундамент об'единения кавказских организаций. С'езд избрал первый Краевой Комитет, игравший в течении нескольких лет, несмотря на громадные препятствия, первостепенную роль в деле установления Советской власти как в Закавказьи, так и на Северном Кавказе. С'езд закрылся как раз в то время, когда в Петрограде подготовлялась Октябрьская революция.

Надо было быть совершенно слепым, чтобы не видеть, что надвигаются какие то большие события. С течением времени все больше и больше выростало влияние большевизма. В это время в Петрограде совершилось погребение буржуазного правительства, и переход всей государственной власти в руки Советов. Как Тифлисский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, так и находившиеся в Тифлисе центры, с особым Закавказским Комитетом, выходили против Октябрьской революции об'единенным фронтом, что, по существу, означало укрепление Керенского, или буржуазного правительства, свергнутого Октябрьской революцией. И хотя меньшевистско-эсеровские Советы и их вожди—Жордания, Гегечкори и ком. вопили о спасении революции и о всем подобном этому, тем не менее, на самом деле, они работали на контрреволюцию и оказывали ей помощь. Было ясно, что помочь революции могли одни только большевики. Но как и какими путями? Можно ли было допустить восстание против существующих Советов? Приблизительно так стоял вопрос в России, в частности в Петрограде и Москве после апрельской конференции 1917-го года, где в то время большинство в Советах принадлежало меньшевикам и эсерам. Партия большевиков под руководством тов. Ленина выбросила лозунг о создании в Советах большевистского большинства, и задание это было разрешено превосходно.

В Закавказьи же, в частности в Тифлисе —в период октябрьской революции большинство пренадлежало меньшевикам и эсерам, и Н. Жордания формально был прав, когда в од-

ной из своих речей, касавшейся петроградских событий, говорил, что у нас некого свергать, ибо здесь власть в руках Советов, что фактически выступление здесь будет направлено против Советов, которые у нас являются руководителями политики.

Тут, на самом деле, существовала своеобразная Советская власть, которая, по существу своему, являлась вполне буржуазной властью. Но для масс осталось бы непонятным восстание против нее, с целью ее уничтожения. С другой стороны—существовавшие Советы уже не отражали действительности. Необходимо было их переизбрание. И этого требовал тогда в Закавказьи, и в частности, в Тифлисе, большевистский центр, вполне уверенный в том, что если он в переизбранных Советах не получил большинства, то, во всяком случае, за ним будет не ощутительное меньшинство, а в солдатской секции—наверняка большинстово. Поэтому, большевистский центр (Краевой Комитет) выдвинул лозунг немедленных новых выборов Советов. В это же время от внимания большевистских организаций не ускользнуло и то обстоятельство, что контр-революционные и всякие другие темные элементы собираются в поход против революции и ищут вооружения. Известно (и это засвидетельствовано документально), что меньшевистские и эсеровские Советы играли в руку этим темным элементам, помогая им вооружаться и надеясь получить от них, в случае надобности, помощь против большевиков. Так, напр., эсер Д о н с к о й, председатель армейского центра, вагонами посылал оружие и военные припасы на Северный Кавказ известному контр-революционному генералу Ка-

раулову. В то же время, по распоряжению меньшевика Ноя Рамишвили, в начале 1918 года тюркский контр-революционный Национальный Совет, находившийся в Гяндже, приступил к разоружению возвращавшихся домой с фронта русских войсковых частей, сочувственно относившихся к большевикам. Отобранное оружие отдавалось темным массам, которые явились защитниками ханов и беков в борьбе против революции. Ясно, что в этих вопросах большевистская партия должна была тщательно разобраться.

Прежде всего, меньшевики и эсеры вовсе и не думали о перевыборах Советов. Было необходимо создать условия, при которых они были-бы вынуждены назначить новые выборы. Поэтому, в целях как перевыборов Советов, так и вооружения, с ноября 1917 года в Тифлисском гарнизоне начинается кампания. Выбранные от войсковых частей делегаты направляются в Исполнительный Комитет Тифлисского Совета и требуют ускорения перевыборов Советов и вооружения тех частей войск, которые не были еще вооружены.

Эсер Верещак, председатель солдатской секции Тифлисского Совета, так описывает нам этот факт: «с первых же дней после Петроградского восстания в Исп. Ком. стали являться представители невооруженных частей гарнизона, с требованием выдать им оружие. Президиум Исп. Ком-та им отказал, так как в свое время Совет постановил создать милицию из более надежных рабочих и солдат, рекомендованных партией и утвержденных Комиссией общественной безопасности при И. К. С требованием оружия обратилась, между прочим, и

команда тыловых автомобильных частей. Получив отказ, она созвала собрание в артиллерийском складе. На этом собрании был избран «Временный революционный Комитет, которому поручено было сделать попытку достать оружие силой и т. д.» Верещак далее описывает создание частями Тифлисского гарнизона нелегального делегатского собрания, вынесшего постановление о перевыборах Тифлисского Совета и не пожелавшего ждать назначенных Исполнительным Комитетом выборов. Далее, Верещак заявил о том, что по распоряжению какой то анонимной комиссии —в арсенале отказали в выдаче оружия уездным комиссарам, имевшим ордер Исполн. Комитета на получение оружия. На этом же собрании большевик Трапаидзе, отвечая Верешаку, заявил: Создание «Делегатского Собрания» было вызвано тем, что Совет и Исп. Ком-т, избранные давно (6 месяцев тому назад), постепенно отошли от массы. Позиция их не отвечает настроению избирателей—солдат. Распоряжение Верещака стесняет свободу перевыборов. Общие перевыборы были Советом отвергнуты, гарнизону только и оставалось стать на революционный путь. Совет теперь постановил произвести общие перевыборы. Создалось ненормальное положение, но виновато в нем не только «Делегатское Собрание», но и Совет. Невыдача оружия комиссарам вызвана тем, что солдаты очень часто слышали на заседаниях революционных органов, что оружие попадает в руки неблагонадежных элементов. Зная, что выдачей оружия заведывает «Озаком», комиссия артиллер. склада недоверчиво отнеслась к требованию уездных комиссаров.

Другой большевик—тов. Гахокия вкратце повторил сказанное тов. Трапаидзе. Он подчеркнул, что гарнизон недоволен политикой местного Совета. Ни резолюция Краевого Центра, ни резолюция Совета по вопросу о петроградских событиях его не удовлетворяют, ибо гарнизон высказывается за поддержку петроградского выступления... Собрание делегатов постановило вооружить надежные части войска и дать ответ котр-революционным элементам в случае, если они осмелятся выступить против революции. Делегатское собрание выработало план перевыборов Советов и избрало для руководства перевыборами особую комиссию в помощь существующей при Совете. Делегатское собрание также постановило, что если Совет откажет ему в вооружении, оно само возьмет оружие силой. Для приведения в исполнение всех этих постановлений, собрание решило созвать 5-го ноября районные митинги солдат, а 8-го ноября общий гарнизонный митинг... В конце своей речи Гахокия заявил, что в случае если Исполнительному Комитету вздумается рассеять Делегатское собрание, последнее окажет решительное противодействие. Поэтому, оратор советует Исполн. Комитету примириться с существованием Делегатского Собрания.

Исполнительный Комитет постановил отклонить резолюцию большевиков о совместной с Делегат. Собранием работе. Тов. Кузнецов от имени фракции большевиков оглашает следующее заявление: «Считая, что принятая резолюция ведет к открытому конфликту между Исп. Ком. и «Делегат. Собранием», фракция большевиков снимает с себя всякую ответствен-

ность и с сегодняшнего дня выходит из состава Исп. Ком-та. Конечно, этот шаг означал открытое об'явление военных действий, но это было сделано слишком поспешно. С другой стороны, и Совет не ожидал от фракции большевиков такого шага, поэтому было постановлено обратиться к фракции с предложением взять обратно свое заявление о выходе из Совета и считать Делег. Собрание распущенным. Вопрос этот был рассмотрен в большевистском центре, который счел при создавшихся условиях выход из Совета не достигающим цели. И хотя фракция большевиков вернулась в Совет, но вопрос этим разрешен и исчерпан не был. Делегатское Собрание было об'явлено распущенным, но оно все же продолжало существовать.

Меньшевики и эсеры прибегли к другим средствам. Они приступили к организации своей собственной вооруженной силы. В то же время выборы в Совет обставили так, чтобы в нем не было и духу большевиков. И они достигли этого полностью в Советах Рабочих Депутатов. Однако, перед тем, как охарактеризовать меры, принимаемые меньшевиками на выборах, необходимо упомянуть о событиях, имевших место в Тифлисе, в последних числах ноября. Событиям этим предшествовала грубая провокация, состряпанная меньшевиками по адресу Тифлисского большевистского центра, который, будто-бы, решил немедленно организовать восстание против Тифлисского Совета. Правда, этот вопрос остро стоял в Краевом Комитете большевиков, и не мог стоять иначе. После всестороннего обсуждения его, Краевой Комитет пришел к выводу, что при создавшихся условиях восстание про-

тив меньшевистско-эсеровских Советов является недостигающим цели. Соображения были таковы: победа над Советами должна была быть совершена при помощи вооруженной силы, которая почти целиком должна была бы состоять из не местных элементов, тогда как Советы в большинстве своем состояли из элементов местных. Поэтому вопрос о восстании был временно снят.

Меньшевики хорошо знали об этих обстоятельствах, но старались создать против большевиков провокацию, чтоб навсегда похоронить вопрос о восстании. Такою-же провокацией они подготовили почву для захвата арсенала. Выше мы об этом уже говорили и поэтому здесь останавливаться не будем. Эта была отвратительная провокация. Тифлисских рабочих ввели в заблуждение. Несмотря на это, как только рабочие Тифлисских мастерских узнали о нападении меньшевистско-эсеровско-дашнакского отряда на арсенал и стрельбе по караульным, ими был созван митинг, избравший делегацию, состоявшую как из большевиков, так и из меньшевиков. Эта делегация обязана была доложить Исполн. Комитету постановление митинга след. содержания: „Мы требуем немедленного распоряжения о прекращении пролития братской крови, в противном случае мы, рабочие мастерских, единогласно постановляем: прекратить всякую работу и движение по железным дорогам (см. газету «Брдзола» № 48—1917 г.). Это было требованием большевистской организации, но в это время меньшевики, эсеры и дашнаки уже праздновали свою победу над революцией. И действительно, захват арсенала

был первым и, в то же время, очень чувствительным поражением большевиков.

После этого революционная волна в Тифлисе, как будто бы, сильно падает. Революционно настроенные воинские части постепенно начинают покидать Тифлис, и, следовательно, у Делегатского Собрания уходит почва из под ног. В городе начинают сменять темные контрреволюционные силы, в лице всевозможных национальных Советов и воинских частей.

Меньшевикам в таких условиях сделалось значительно легче удалять из советов большевиков. Так, в обновленный Тифлисский Совет Рабочих Депутатов, благодаря всевозможным махинациям, в депутаты прошли почти лишь одни меньшевики, с прибавлением небольшого числа их друзей—молодцов из дашнаков и эсеров.

Это получилось в результате той избирательной системы, которую утвердил старый Совет и по вине которого несколько тысяч рабочих представителей осталось за бортом. Благодаря этой системе 1.600 рабочих тифлисского пролетарского центра (из главных мастерских и депо), державшихся за большевиков, не попали в Совет Рабочих Депутатов. По справедливости, они могли рассчитывать на 16 депутатских мест, но не получили ни одного. То-же случилось и с другими заводами и фабриками.

Дело было в том, что меньшевики приняли на выборах, так назыв. мажоритарную систему, сущность которой в следующем: положим, на заводе работает 1.000 человек. Надо выбрать десять депутатов (по одному депутату на сто человек). Согласно мажоритар-

ной системе, если список какой нибудь партии получил хотя бы пятьсот и один голос, все десять депутатов проходят по списку этой партии, так что 499 рабочих, давших голос за список другой партии, остаются без представителя. Вот при помощи таких махинаций меньшевики прямо таки вытеснили большевиков из Тифлисского Совета.

В ответ на такую систему грубых насилий со стороны меньшевиков, у большевиков зародилась мысль: параллельно меньшевистско-эсеровскому Совету создать большевистский Совет. центр не одобрил этой мысли.

Несмотря на то обстоятельство, что меньшевики вовсе не допускали участия в Тифлисском Совете большевиков, эти последние нисколько не смущались и продолжали свою работу вне стен Совета, т. е. в собраниях и на митингах, где выступления их встречали достаточно сочувствия. Среди этих митингов мы можем назвать так-же те, которые были созваны самими меньшевиками, напр. 10 декабря, для вынесения резолюций протеста по случаю разгона Учредительного Собрания. Такие митинги устраивались, обыкновенно, в шести местах и, умышленно, в зданиях, чтобы сильнее действовать на слушателей. Но, несмотря на это, из шести митингов на трех прошли большевистские резолюции; так, резолюция краевого комитета большевиков была принята в Навтлуге, Авлабаре и Муштаиде. В Надзаладеви (Нахаловка) и Народном Доме за большевистскую резолюцию высказалась достаточно ощутительная часть присутствующих. То же самое можно сказать и о митинге, устроенном в Казенном Театре.

В этом отношении большой интерес представлял Второй С'езд Кавказской Армии, открытый в Тифлисе 10-го декабря 1917 года. Приблизительно за восемь месяцев, со времени Первого С'езда, Кавказская Армия подвергалась большим изменениям, свидетелем чего и является Второй С'езд. При самом открытии его выяснилось присутствие двух противоположных лагерей: с одной стороны б о л ь ш е в и к и, на сторону которых, во время хода с'езда, стали л е в ы е э с е р ы, только что отделившиеся от эсеров правых; по другую сторону стояли все остальные партии, как то: м е н ь ш е в и к и, п р а в ы е э с е р ы, д а ш н а к и. Борьба двух этих лагерей приняла на с'езде весьма острый характер. В Тифлисе, за все время после февральской революции, это был первый с'езд, на котором большевики, вместе с несколькими лев. эсерами, сосавляли громадное б о л ь ш и н с т в о.

С этим обстоятельством никак не могли примириться местные меньшевики, от злости не знавшие что делать. Стычки пошли с самого открытия с'езда, причем начало их было положено председателем Краевого Совета Армии Донским, который после общего крика и воплей меньшевиков, эсеров и дашнаков, был избран в п р е д с е д а т е л и С ' е з д а. Против него большевики выставили серьезные обвинения и, между прочим, в том, что им была установлена связь с такими контр-революционерами Северного Кавказа, как напр. К а р а у л о в, которому, по распоряжению Донского, было отправлено из Тифлиса десять вагонов с б о е в ы м с н а р я ж е н и е м. Меньшевики и эсеры были принуждены снять кандидатуру Донского. Это было первым их поражением. После

крайне острых прений и ряда стычек на С'езде выявилось и оформилось ядро большинства, состоявшее из большевиков и левых эсеров. С'езд принял резолюции: о текущем моменте, о власти советов, о земле, о мире, о рабочем контроле и пр. На основе достижений Октябрьской Революции, был избран новый Краевой Армейский Совет, в который входили 52 большевика и левых эсера и лишь 48 членов от меньшевиков, правых эсеров, дашнаков, казаков и украинцев. Председателем Краевого Совета был избран большевик Корганов*).

Приводим здесь основную резолюцию о текущем моменте, принятую С'ездом большинством голосов: Заслушав доклады о текущем моменте, 2-й Краевой Армейский С'езд постановляет:

1. Девять месяцев великой Российской Революции ясно доказывают, что допускать в правительство представителей капитала — равносильно допущению в наши ряды врага, который при первом представившемся случае попробует прорвать революционно-демократический фронт.

Переходное время, до тех пор, пока революционнное Учредительное Собрание не утвердит и не углубит всех завоеваний трудового народа (политических и социальных) — требует диктатуры того класса, который, в происходящей борьбе за права рабочих и крестьян, желает победить.

*) Это тот самый Корганов, который был коварным образом расстрелян впоследствии англичанами и правыми эсерами в Закаспийском Крае.

Ф. М.

2. Поэтому, исходя из интересов трудового народа, мы считаем необходимым оказать энергичную поддержку Совету Народных Комиссаров (правительству рабочих и крестьян), который выделен 2-м Всероссийским С'ездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и одобрен 2-м Чрезвычайным С'ездом Крестьянских Депутатов. Считаем необходимым оказать ему помощь в деле борьбы с контр-революцией, которая, в лице обманщиков трудового казачества — Каледина и Дутова — наступает со стороны Дона и Урала, а также и в деле осуществления всех декретов о земле, о мире, о рабочем контроле, о социальном обеспечении трудящихся, о 8 часовом рабочем дне, национализации банков, социализации городских земель и имуществ, аннулировании заграничных займов, реорганизации армии на выборном начале, реорганизации суда, о полном обеспечении семей, оставшихся после кровопролитной войны, о беспощадном обложении имущих классов, о самоопределении народов и о проч. Всякие выступления против Советского Правительства и Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов со стороны контр-революционных классов должны беспощадно подавляться.

3. Вместе с тем мы заявляем, что сплетнями врагов рабочего и крестьянского правительства, относительно системы террора, гильотины и пр., мы просто пренебрегаем, как приемом борьбы, слишком обычным для наших врагов, но для Советской власти совершенно чуждым.

4. Мы высказываем чувство презрения и возмущения по поводу распространяемых бур-

жуазией и подкупленными ею элементами инсинуаций, клеветнических наговоров и лжи против власти Советов и обращаемся ко всем, называющим себя социалистами и демократами с воззванием и предложением прекратить клевету на народ в лице избранных им органов и приступить к служению народу, с помощью приобретенных в процессе и ходе революции знаний и опыта.

5. Мы требуем открытия заседаний Учредительного Собрания, как только соберется достаточное количество избранных членов, и, вместе с этим, заявляем: мы в том лишь случае поддержим Учредительное Собрание, если оно с первого же дня своего существования приступит к осуществлению социальной программы Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, но отнюдь не к борьбе за власть.

6. Если Учредительное Собрание воспротивится воле трудового народа, т.-е. рабочих, солдат и крестьян, мы сочтем необходимым отвернуться от него и приняться за осуществление своей программы, опирающейся на новые социальные основы нашей жизни, с помощью революционных органов Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

В вопросе о местной власти, принимая во внимание особые условия кавказской жизни, где переплетены друг с другом интересы различных мелких народностей, мы подчеркиваем необходимость создания советской власти и признаем лишь власть, вытекающую из недр Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, ибо только одни Советы, в которых представлены все кавказские народности в ли-

це своих трудовых элементов, в состоянии избавить нас от того грандиозного пожара, который легко может вспыхнуть на национально-территориальной почве той или другой народности Закавказья («Кавказский Рабочий» № 229).

С'ездом принят также следующий текст приветственной телеграммы на имя Петроградского Совета Народных Комиссаров: Приветствуя представителей российского рабоче-крестьянского правительства, сообщаем о закрытии С'езда Кавказских Армейских Делегатов. Избран Армейский Совет из ста человек, из которых 52 из левого сектора — большевики и левые эсеры, остальные 48 из правого сектора —меньшевики, правые эсеры и прочие националистические группы. Красовар (Совет Кавказской армии), как сторонник власти Советов и строгий проводник резолюций С'езда Кавказской армии, а также декретов Совета Народных Комиссаров, об'являет себя верховным правительством Кавказа в сфере военного дела, и просит все ваши распоряжения, касающиеся Кавказа, направлять в Совет, как полномочный орган армии. Президиум Совета армии («Брдзола» № 66).

Нечего и говорить, что после всего этого блок меньшевиков, правых эсеров, дашнаков и других националистических партий не мог перенести такой победы большевиков, так как все они были убеждены, что за первым шагом последуют дальнейшие шаги. Поэтому они и решили положить конец новому Совету.

Приводим резолюцию, принятую большинством Совета: «Оборонцы (меньшевики и правые эсеры) вместе с националистическими

фракциями, — не сумели разложить 2-й Кавказский Армейский С'езд, но произвели раскол в единогласно избранном с'ездом и при их участии Краевом Совете. Этого еще мало. Меньшинство Краевого Совета (48 членов из ста), против воли всего Совета, создало организацию, которая называет себя Краевым Советом, и злоумышленно захватило в свои руки все имущество и технический аппарат управления. Эта незначительная группа дезорганизаторов восстала против 2-го Армейского С'езда и, пользуясь недостаточностью в Тифлисе войсковых частей, которые могли бы защитить законный состав Краевого Совета, она топчет под ногами волю большинства.

Кавказская Армия должна немедленно возвысить свой голос в защиту прав своего законного верховного органа—Краевого Совета, который грубо топчет небольшая горсть дезорганизаторов. «Оборонцы» в тяжелый момент, переживаемый армией и всей страной, вероломно всадили нож в спину возвратившейся с фронта, измученной голодом и холодом армии, нанесли ей удар тем, что дезорганизировали в Краевом Совете работу, направленную к облегчению мытарств и бедствий солдат. Пусть вся революционная армия знает, что эта незначительная группа изменников своим предательским и вероломным шагом навязывает нам гражданскую войну, вся ответственность за которую падет на шовинистические партии, по приказу которых и действуют дезорганизаторы» («Кавказский Рабочий» № 230).

Таким то образом об'единенный блок меньшевиков, правых эсеров и прочих шовинистических партий грубейшим образом надругался

над волей представитетей Кавказской Армии, совершил своего рода государственный переворот, coup d'etat, и сыграл роль настоящего узурпатора. Удивительным и наиболее характерным в действиях этих господ было то, что они высказывали свое безграничное возмущение фактом разгона большевиками в России Контр-революционного Учредительного Собрания, которое, по их мнению, являлось выразителем воли большинства русского народа. В то же время, здесь, в Тифлисе, где власть была в их руках, убежденные в безнаказанности своей, они совершили во много раз более постыдное и возмутительное дело: допустили насилие над Советом, избранным Армейским С'ездом. Какую цену в глазах народа могли иметь уверения этих фарисеев и иезуитов в том, что они питают, будто бы, уважение к воле народного большинства!

Иначе поступили меньшевики на другом с'езде, состоявшемся в Тифлисе почти в то же время,—на 2-м Кавказском С'езде Советов Рабочих Депутатов, открывшемся 19-го декабря. По существу этот С'езд превратился в местный, т.-е. в С'езд Тифлисского Совета Рабочих Депутатов. На первом-же заседании выяснилось, что в то время, как в Тифлисе и других городах Закавказья каждого делегата избирали 500 рабочих, в баку и на Северном Кавказе по одному делегату приходилось на каждые 2000 рабочих. Как только выявилось это обстоятельство, фракция большевиков заявила с'езду следующее: справедливость требует, чтоб избирательное мерило для делегатов с'езда было уравнено для всех делегатов. Поэтому, фракция большевиков делает такое предложе-

ние или избирательный список для делегатов Грузии должен быть увеличен до 200 на каждого делегата, что вызовет уменьшение числа делегатов от Грузии в четыре раза, или же в четыре раза должно быть увеличено число посылаемых делегатов от Баку и Северного Кавказа. Но меньшевики не согласились ни на первое, ни на второе предложение. Поэтому, представители пролетариата Баку и Северного Кавказа—числом 72 делегата—принуждены были покинуть заседание. Минимально—эти 72 делегата представляли более ста тысяч рабочих, тогда как рабочие только Тифлиса числом приблизительно до двадцати пяти тысячь—были представлены на с'езде 70 делегатами, из которых не было ни одного большевика. Это обстоятельство, конечно, явилось результатом махинаций тех-же меньшевиков.

Таким образом С'езд целиком попал в руки меньшевиков, сравнительно легко отделавшихся от представителей революционного пролетариата. После этого меньшевики действовали уже по своему желанию, объясняя свою победу совершенно по фарисейски. Напр., орган меньшевиков «Эртоба» (№ 222, 1917 г.), сопоставляя с'езд делегатов Кавказской Армии со с'ездом делегатов рабочих Кавказа, писал: «В настоящее время в Тифлисе происходит два значительных с'езда: один—С'езд Кавказской Армии, и другой—Советов Рабочих Депутатов. Первый состоит, главным образом, из крестьян (ибо солдаты—это те же крестьяне). Крестьянство политически мало развито, ему недостает классовой формовки, в то же время рабочий С'езд состоит из рабочих, прошедших известную политическую

школу и усвоивших классовую дисциплину. Это, сравнительно, однородная масса, собранная в одну классовую семью. И это обстоятельство налагает на с'езды определенную печать.

На армейском С'езде большую силу представляют большевики, превышающие по числу каждую партию, взятую в отдельности. И это неудивительно: в измученном, усталом войске, которому, как мы уже говорили, недостает политического воспитания и дисциплины, легко прививаются максималистические начала. И С'езд, сравнительно, проходит недисциплинированно.

На нем часто имеют место демагогические выкрики, бессмысленные взаимные оскорбления и т. д.

Рабочий С'езд, открывшийся за два дня перед этим, дает уже совершенно иную картину, начиная с того, что на нем большевистская партия слаба. Рабочий вообще не усваивает сгоряча какого-нибудь взгляда, как и не бросает его поспешно. Занятия рабочего С'езда носят на себе печать солидности и деловитости. Группа большевиков попыталась было внести в работу С'езда диссонанс и совершенно безо всяких оснований демонстративно покинула первое заседание».

Это описание, с внешней стороны как будто бы и об'ективное, было, на самом деле, фальшивым и неискренне-лукавым. Эти господа умышленно забывают о тех, кто на Втором Армейском С'езде сыграли роль дезорганизаторов и людей, вносящих склоку. Они бессовестно лгали и передергивали, заявляя о безосновательном уходе из заседания фракции большевиков. По

мнению меньшевиков — представители рабочих г. Баку и всего Северного Кавказа, составляли на С'езде незначительную группу. Кому нужна была эта ложь? Но у них чувство стыда отсутствовало, было лишь желание провести свое.

Такими путями меньшевики к концу 1917 года, как будто, достигли своих целей, а именно:

1. Местная большевистская организация, благодаря их насильническим махинациям, несколько ослабла;

2. Большинство Краевого Совета, избранного 2-м С'ездом Кевказской Армии, оказалось насильственно оторванным от работ, а во главе Совета поставили меньшинство, состоявшее из меньшевиков, правых эсеров, дашнаков и прочих националистических групп;

3. Меньшевики с помощью подлогов и наглости создали для себя большинство на 2-ом Кавказском С'езде Советов Рабочих Депутатов. Таким образом, обстоятельства складывались, как будто-бы, во всех отношениях в их пользу. Но, в действительности, дела их постепенно все более и более ухудшались. Они никак не могли справиться с властью.

С фронта уходили солдаты и границы оставались беззащитными, что было вполне естественным, так как на фронте стояли большею частью одни русские части, отрицательно относившеся ко всем органам закавказского правительства, где примостились партии, изменяюшие рабочим и крестьянам. Армия давно заметила это и потому относилась с недоверием к органам закавказского правительства. Эти органы, на самом деле, уже не заслуживали никакого доверия.

Далее, в различных местах Закавказья стали давать о себе знать национальные трения, ссоры и местами даже столкновения, кончавшиеся кровопролитием и убийствами. Участились случаи разбойных нападений и убийств, что свидетельствовало об усилении анархии. Власть меньшевиков, эсеров и дашнаков была совершенно бессильна бороться с этим злом или хоть немного его ослабить. Самую большую опасность готовит миру самовольное оставление войсками фронта. Солдаты в один голос заявляли о том, что им в Закавказьи уже нечего делать. Обстоятельство это сильно осложнило дело. Прежде всего меньшевики и эсеры были не в состоянии охранять в неприкосновенности границы. В оголении фронта виновны были они вместе с дашнаками. Меньшевики, эсеры и дашнаки своими приказами еще более озлобляли и без того недовольных солдат, чувствовавших, что органы местной власти нисколько не заботились о них. При таких условиях возвращение их на родину задерживалось. Меньшевики и эсеры всю вину и ответственность за неудовольствие в войсках сваливали на большевистскую агитацию. Но если большевики вели словесную агитацию против этих господ, эти последние, в свою очередь, на деле оправдывали обвинения, которые против них выставлялись. При таких условиях нечего было удивляться, что русские войсковые части угрожали разгром Закавказскому Комиссариату, во главе которого с самого начала стояли меньшевики, дашнаки, муссаватисты. Большевистский центр в Тифлисе хорошо знал, что могло означать такое настроение возвращавшихся с фронта войсковых частей. Нечего и говорить

о том, что он мог бы использовать недовольство русских войсковых частей в своей борьбе против меньшевист.-эсеровско-дашнакских Советов. Большевистский центр мог бы и имел бы право использовать эти войска, как вооруженную силу – для разгона этих советов и в целях создания подлинных Советов и советской власти.

Вопрос этот сам собою встал в Краевом Комитете большевиков. Одна часть Комитета, по численности своей совершено незначительная, считала использование этой вооруженной силы мерой, достигающей цели. Но товарищи эти мало считались с тем обстоятельством, что хотя войска, правда, и были недовольны действиями закавказских органов, но они прежде всего хотели вернуться по домам, вовсе не думая задерживаться у нас. Поэтому то использование их теряло всякий смысл. Вот почему Краевой Комитет громадным большинством голосов отверг такую постановку вопроса, тем более, что в последное время причиной недовольства в войсках была, главным образом, несвоевременная подача вагонов.

Если бы закавказское правительство во-время подало-бы войсковым частям в Сарыкамыш, Эрзерум и Карс достаточное количество вагонов, недовольство войск значительно ослабло бы. И это, на самом деле, так и было. В таких условиях все усилия Краевого Комитета большевистского центра были направлены, главным образом, к тому, чтобы, по возможности безболезненно, направить русские войсковые части с их вооружением на север. Краевой Комитет с большими усилями, кое-как, достиг своей цели. Говоря это, мы не имеем в виду страшной

шамхорской трагедии, о которой мы упомянули вкратце выше*). Мы тут имеем в виду эшелоны, направлявшиеся в Россию после уже шамхорских событий.

Таким образом, фронт обнажился, на границе же стояло вооруженное турецкое войско. И, значит, положение Закавказья со строны внешних его границ сделалось очень тревожным. Но и внутреннее положение постепенно делалось все хуже и хуже. Дело было в том, что в конце 1917 го и начале 1918 года революционное движение неожиданно начинает вспыхивать в деревне, среди крестьянства. Одно время меньшевики считали себя совершенно застрахованными от крестьянских движений, так как крестьяне оказывали им безграничное доверие. Мы в данном случае имеем в виду исключительно Грузию. И действительно, среди грузинского крестьянства, как то совершенно неожиданно и внезапно, вспыхнуло недовольство меньшевиками. Если раньше это крестьянство относилось к меньшевистской партии с почти неограниченным доверием, сейчас оно совершенно потеряло его. Причины такой неожиданной перемены были, главным образом, вернувшиеся с фронта солдаты. Крестьяне Грузии служили большею частью на западном фронте, т. е. там, где влияние большевизма было гораздо большее,чем на кавказских фронтах. Таким образом они возвращались па домам в достаточной мере обольшевиченными и, естественно, вносили в жизнь деревни идеи большевизма. Почва для таких идей была в достаточной степени уже подготовлена, особенно в виду полной

*) См. главу вторую.

Ф. М.

нетронутости и неразработанности в дереве земельного вопроса. Тут еще свободно разгуливали старые бары—помещики. Крестьяне в течении целого года тщетно ждали разрешения меньшевиками земельного вопроса.

Таким образом, советская власть и большевизм, которых несколько месяцев тому назад так боялось грузинское крестьянство, отныне находят в нем живой отклик. Крестьяне различных уезд. и район. Грузии сами выставляли, главным образом, следующие требования: 1) Власть советов, 2) Отобрание земель без выкупа у помещиков и передача их крестьянам, 3) Сохранение тесного союза с Россией.

В начале 1918 го года среди крестьян уже было начато революционное движение под этими лозунгами.

Каково было положение, или лучше—каков был хаос, царящий в это время как в Грузии, так и вообще в Закавказьи,—это ясно видно из доклада тогдашнего закавказского правительства на первом заседании Закавказского Сейма. Развернутая перед Сеймом председателем Закавказского Комиссариата меньшевиком Евг. Гегечкори картина положения дел в стране была ужасной. Всюду волнения, беспорядки, убийства, расстрелы, национальная разруха, и в тоже время—полнейшая бездарность и убожество власти, ее ничтожество. Закавказский контр-революционный Комиссариат, руки которого были уже обагрены кровью рабочих, крестьян и солдат, тщетно хотел оправдать себя от тех обвинений, которые пред'являли ему большевики.

Мог-ли Закавказский Комиссариат оправдать себя в шамхорской трагедии, или в рас-

стреле мирного митинга робочих и солдат в Александровском саду? Разве мог он оправдаться и доказать, что недовольство и возмущение крестьян и возвращавшихся с фронта войсковых частей вызвано не его действиями или не его бездействием? Разве не контр-революционный Закавказский Комиссариат впервые аннулировал у нас гражданские свободы и не он разве узаконил систему репрессий против революционных рабочих, крестьян и их организаций, —арест революционеров, предварительный разгром большевистских газет и затем их прикритие? Разве не Закавк. Комис. приложил руку к делу травли большевиков? И в это же время меньшевик Гегечкори в заседании Сейма публично произнес следующую, приводимую нами дословно, ложь: „за три месяца существования Закавказского Комиссариата не было не единого случая нарушения гражданских свобод". Это было беспримерным образчиком насмешки и яркого цинизма.

Но очень любопытным было то, что вождь меньшевистской партии—Н. Жордания, наиболее ответственный за политику Закавказского Комиссариата, в декларации, обнародованной соц.-демократами (меньшевиками) на этом же заседании, окатил холодной водой того-же Гегечкори и посадил Закавказский Комиссариат на скамью подсудимых.

Вот, между прочим, о чем говорилось в заявлении Жордания: „За последнее время во всем Закавказьи, главным образом в провинции, все больше и больше растет анархия и имеют место дикие эксцессы. Всякий раз, когда в народе начинается движение. как

ето сейчас имеют место у нас, виноватым в этом является не народ, а та власть, которая заранее не учуяла народных нужд и стремлений.

Ни одному народу в революционное время в течении года не приходилось еще ждать удовлетворения своих нужд. Российская революция скоро отпразднует свою первую годовщину, а народ еще не получил того, о чем просил, не получил земли. Изданный Закавказским Комиссариатом декрет о земле—остался написанным на бумаге и в жизнь не проведен. Пока земельный вопрос не будет раз'яснен, рост анархии не будет приостановлен, и она нас погубит",..

Так говорил Жордания, или иначе говоря, так он, подобно гоголевской унтер-офицерской жене, высек самого себя. И действительно—кто был виновником всех преступлений, в которых Жордания обвиняет Закавказский Комиссариат? Прежде всего меньшевистская партия под главенством Жордания. Она надругалась над революцией и довела народ до отчаяния. Жордания обвинял Закавказское правительство в росте анархии. Но разве во главе этого правительства стояли не меньшевики? поэтому обвинения, выставленные Жордания, были ничем иным как проявлением фарисейства. Во всяком случае Жордания в своем заявлении вполне подтвердил обвинения, выдвигаемые большевиками против Закавказского Комиссариата. Это означало банкротство меньшевистской политики.

Мы не будем еще останавливаться здесь на других сторонах меньшевистской декларации. Но нельзя не коснуться декларации муссаватистов, крейне характерной для Закавказского Сей-

ма. Каков был взгляд муссаватистов на вопрос о власти? Они заявили: «должно быть организовано коалиционное правительство, ответственное перед Сеймом, и только перед Сеймом... Фракция (муссавата) требует организации правительства, независимого от внешнего влияния. Все организации, созданные революцией и направлявшие до созыва Сейма политику, должны сейчас отойти от дела управления страной... Их вмешательство в сферу управления будет захватом власти, чему необходимо в корне положить конец*)»

Читатель легко догадается, против кого и чего выступал с такой энергией представитель муссавата. Этот господин выступал против меньшевистско-эсеровских советов, которые и без того добровольно отказывались от власти, приподнося ее буржуазии и оставляя за собой лишь право контроля. Но буржуазии этого было недостаточно: она требовала либо полного отстранения советов от власти, либо их совершенного уничтожения. И она была права. С одной стороны Советы рабочих и солдатских депутатов, с другой—буржуазный Сейм, создали двоевластие, разделение власти между двумя органами. Такое положение портило все дело.
Либо одно должно было существовать, либо другое. И буржуазия об этом заявляла ясно и определенно, меньшевики же не осмелились проявить такой определенности в постановке вопроса. Они предпочитали этот серьезный вопрос запутывать.

*) См. стеногр. отчет. Слова Агаева.

Ф. М.

В этом случае особенно интересным было наличие в Сейме лиц, определенно требовавших упразднения Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. В этом отношении было достойно внимания слово грузинского национал-демократа Гвазава, сказанное в томже заседании Сейма. Он заявил приблизительно следующее: Отставка Закавказского Комиссариата с юридической точки зрения правильна. Но будут-ли отставлены Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов?

В отчетах заседания Сейма отмечено, что это заявление вызвало возмущение. Вероятно в одной только части членов Сейма Гвазава, во всяком случае, выражал определенный взгляд одной этой части Сейма на Советы.

Справедливость требует сказать, что Гвазава выдавал тайну и самих меньшевиков, их склонность и тенденцию к полному упразднению советов. Но сознаваться в этом им не хотелось. В дальнейшем мы увидим, как сами меньшевики подготовили кончину советов. Этого требовала хваленая меньшевистская „демократия".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕНЬШЕВИСТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ, УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ОБ'ЕДИНЕННАЯ НАЦИЯ.

Известный филосов Гегель говорил: Исторические факты повторяются,—первый раз они являются в своем оргинальном, первичном виде, вторично—в виде подражания, уподобляясь карикатуре. Мысль эта получила у нас свое оправдание в лице Учредительного Собрания. Они видели в нем торжественное завершение всякой революции, а на самом деле—оно являлось лишь торжеством буржуазного господства. Но это было невозможно в период пролетарской, социалистической республики, который начался у нас с февраля 1917 года. Несмотря на это меньшевики напрегли все свои силы, чтобы созвать буржуазное Учредительное Собрание, и когда это им удалось, они вообразили, что совершили громадной важности дело. По существу же меньшевистское Учредительное Собрание было чистейшей карикатурой и типичным уродцем. Но наиболее печальным было вот что: меньшевики думали, и всех окружающих в этом убеждали, что Учредительное Собрание Грузии было тем учреждением, которое они открыли 12 марта 1919 года. На самом же

деле, если мы по существу рассмотрим вопрос об Учредительном Собрании Грузии, мы неизбежно должны будем притти к заключению, что гораздо правильнее было бы назвать Учредительным Собранием Грузии: либо созванный меньшевиками 19-го ноября 1917 года Первый «Национальный С'езд», либо то заседание Национального Совета Грузии—26-го мая 1918 г., когда меньшевики, не спросясь грузинскаго народа, об'явили о создании ими «независимого» государства. Более детальное ознакомление с этим вопросом покажет ясно справедливость этого нашего взгляда.

Очень любопытна история того, как и при каких условиях меньшевиками и грузинскими националистами подготовлялось создание первого грузинского Национальнаго С'езда и Национальнаго Совета.

К этим подготовительным работам после Февральской революции Краевой Комитет меньшевиков, когда он еще на всех перекрестках и громогласно ополчался против всяких сепаратистских и националистических тенденций, когда он еще сурово осуждал в частности устремления грузинских националистов (соц.-федералистов и национал-демократов). Но кто бы мог предположить, что тот же Краевой Комитет сам делает шаги в сторону национализма! Все это делалось в тайне и об этом очень долго меньшевистская партийная масса решительно ничего не знала. И поэтому не будет излишним, если мы здесь приведем в сокращенном виде статью, напечатанную в большевистской газете «Б р д з о л а» и бросающую довольно яркий свет на деятельность в этом направлении меньшевистского Краевого Комитета.

Статья озаглавлена: «Меньшевистский Краевой Комитет и Грузинский Национальный Совет». Вот о чем гласит она: Как бы там ни было—Краевой Комитет меньшевиков опубликовал свои официальные раз'яснения, касающиеся Грузинского межпартийного Национального Совета. По существу раз'яснения эти ничего нового не дают, лишний раз подтверждая справедливость всех обвинений, которые были нами выставлены против руководящего органа меньшевиков. В то же время, раз'яснение их не дает решительно никокого ответа ни на один из выставленных нами пунктов обвинения. И по существу, это раз'яснение является новым обвинительным актом, рисующим деятельность этого Комитета.

Отсюда с неопровержимостью следует, что лидеры партии, собравшиеся в меньшевистском Краевом Комитете, за спинами масс и без их согласия, предпринимают крайне серьезные политические шаги. Они устраивают совещания с партиями противников, заключают с ними соглашения, создают постоянный и общий с шовинистами и националистами орган, скрывая все это от своих партийных товарищей и в то же, время действуя их именем... Вся эта история над которой сейчас несколько приподнимается завеса, для масс сделалась новой уликой. Можно сказать больше: об этом Национальном Совете ничего не знала не только масса, но и некоторые даже из меньшевистских лидеров. Об этом полностью свидетельствует заявление Краевого Комитета следующего содержания: «Наш партийный орган вовремя не дал соответствующей отповеди в ответ на неожиданное (дело идет, очевидно, о

статьях газ. Брдзола»), потому что товарищи — члены Бюро (читай; Н. Жордания, А. Чхенкели, Н. Рамишвили) были в Петрограде, а оставшиеся здесь с положением дел были незнакомы».

Таким образом, трудное и ответственное дело, каким является соглашение с партией противников и заключение с ними постоянного блока от имени партии — совершается только тремя лицами, и ни одна организация, ни их партийный орган — ничего об этом не знают. Интересно бы знать, что могло вызвать подобную конспирацию, такую тайну в деле соглашения с федералистами и национал-демократами? Единственным соображением, которым руководствовались лидеры партии, скрывая от широких масс переговоры с националистами, была боязнь,что массы окажутся противниками этих переговоров и значит все планы рушатся. И в этом наши лидеры не ошибались. Действительно, как только масса узнала о настоящем положении дел, она возмутилась действиями лидеров, в результате чего было постановление Краевого Комитета об отозвании своих представителей из Национального Совета. Это было большим скандалом для Краевого Комитета.

В продолжении целых месяцев члены его систематически собирались с националистами, вырабатывали условия соглашения, выбирали общих делегатов для российского Демократического Совещания, и вдруг — совершенно неожиданно, когда союз был уже почти упрочнен — Краевой Комитет отзывает своих представетелей из Национального Совета. Правда, Краевой Комитет мотивирует свое решение тем, что федералисты до сих пор не прекращали своих выступле-

ний протов него. Но это лишь отговорка... Нам неизвестны те тайные соглашения, которыебыли заключены между мёньшевиками и федералистами; мы с уверенностью можем сказать, что отозвание Краевым Комитетом из Национального Совета своих представителей было вызванно недовольством масс, но отнюдь не какими либо иными обстоятельствами. Это явствует, между прочим, и из того, что Краевой Комитет и сейчас не против посылки своих представителей в Национальный Совет. Словом—Краевой Комитет попал в крайне неудобное положение. По существу ему было выражено массой полное недоверие. И действительно, какое право имел Краевой Комитет заключать от имени партии соглашение с националистическими партиями в то время, как партия эта вовсе не считается грузинской, нося название интернациональной партии? Как должны были отнестись к этому факту армянин, русский, осетин и товарищи из других национальностей? Быть может Краевой Комитет об'единяет собой только грузинских товарищей? Нам известно, что громадное большинство меньшевиков состоит, на самом деле, из грузин, но это не дает еще оснований считать все меньшевистские организации Закавказья грузинской партией. Правда, мы должны признать, что политика Краевого Комитета явно гнет в эту сторону.

Соглашения с националистическими партиями, одобрение организации Грузинских полков, протекционизм в вопросе об автокефалии и тому подобное доказывают, что лидерам грузинских меньшевиков хочется создать грузинскую партию. И сознательные элементы из рабочих должны на это обратить свое особен-

ное внимание и сделать из этого соответствующие выводы". (См. газ. «Брдзола», 1917 г. от 22 окт. № 21).

Мы видим, что в этой заметке обнаруживается полностью картина деятельности Краевого Комитета меньшевиков. Получается яркая характеристика националистических тенденций вождей меньшевизма, истории их тайного соглашения с федералистами и национал-демократами. Лидеры меньшевиков хранили молчание по поводу пред'явленного им большевистским органом серьезного обвинения, вероятно, не будучи в состоянии его опровергнуть, тем более, что так-называемый «Межпартийный Совет» продолжал существовать при участии меньшевиков, что очень скоро и выяснилось. Пока-же меньшевистская газета «Эртоба» на страницах своих печатает «сенсационное» сведение вроде того, что «дворянство Тифлисской губернии в заседании своем 29 октября постановило все свое состояние, оцениваемое в 30 миллионов рублей, передать грузинскому народу» (см. „Эртоба", 1917 г., 31 окт., № 184). Газета не считала необходимым поставить вопрос: чье это имущество передало дворянство грузинскому народу? Или чем возваны такое бескорыстие со стороны грузинского дворянства и такое проявление любви к грузинскому народу? Дело в том, что ни о бескорыстии, ни о любви в данном случае и речи, конечно, быть не могло. Дворянство видело, что как это имущество, составлявшее общую собственность всего дворянства, так все поместья и частные дворянскне имущества, будут у него отобраны и, поэтому передачей обще-дворянского имущества оно думало спасти для себя свое частное имуще-

ство. Это была своего рода уловка дворянства, которую, как оно думало, поставят ему в громадную заслугу. Имущество это само собой принадлежало народу. И вместо того, чтобы указать народу на фальшь и лукавство дворянства. меньшевики высказывают ему свою полную солидарность и, вместе с тем, печатают в своей газете декларацию дворянства о сделанном народу даре. Приводим начало этой „декларации": „1917-го года, октября 29 дня, г. Тифлис. Специальное Губернское Собрание Карталинско-Кахетинского дворянства предусмотрело путь своей грядущей деятельности, которым оно должно итти, чтоб соответствовать тому политическому положению вещей, которое установится в России после государственного переворота.

Грузинское дворянство всегда пеклось и заботилось об удовлетворении культурно-экономических нужд и потребностей только лишь всего грузинского народа. Ныне же, после изменения политического строя и установления в государстве режима свободы, дворянству дается возможность ниспровергнуть сословные средостения и соединиться воедино со всем народом, неотделимою частью которого оно является.

Грузинское дворянство, вполне сознательно относясь к тем великим задачам и делам, которые в грядущем развертываются перед грузинским народом, исполнено непоколебимой уверенности в том, что лишь связь всех элементов народа и сгруппирование их вокруг демократических центров смогут дать Грузии тот политический порядок, который будет вполне достоин ее исторических прав и уже созревших реальных интересов „(См. газ. «Эртоба», 1917 г.,

№ 187 от 3 ноября). Остальная часть „декларации" заключает в себе указания на порядок управления этим имуществом, для чего Межпартийный Совет и должен был создать специальный орган. И меньшевики, чтобы выполнить волю грузинского дворянства, моментально выносят постановление о созыве Национального С'езда. Приводим текст этого «исторического» постановления почти без изменений: «Межпартийный Национальный Совет Грузии в заседании своем 3-го ноября постановил: 1) Созвать на 19-ое ноября Национальный С'езд всех партий Грузии в лице представителей общественно-политических и культурно-экономических учреждений для приема дворянского имущества, выработки норм управления им, а также для разрешения всех текущих дел. Приведение в исполнение этого постановления поручается Межпартийному Совету или Исполнительному Комитету, который немедля должен приступить к делу; 2) Отправить особую делегацию от имени Межпартийного Национального Совета в Сухум для участия в С'езде абхазо-самурзаканцев, созываемого на 7-ое ноября. Та же делегация должна будет заехать в Батумский округ для ознакомления с положением грузин - мусульман и приведения в порядок тамошних дел («Эртоба» № 189).

Таким образом, меньшевики, как видно, полностью приняли дворянскую программу и раболепно принялись ее выполнять. С большим усердием приступили они к созыву Национального С'езда. Не были забыты ни одно сословие, ни одно учреждение, даже самые незначительные, без того, чтоб не пригласить их представителей на С'езд. Но были две категории, о

которых они совершенно забыли—рабочие и крестьяне, не говоря уже о представителях профессиональных союзов—числом до десяти человек, которые в общем числе делегатов С'езда представляли бы совсем незаметную величину. Для характеристики приводим более подробные данные—кого Межпартйный Совет, под руководством меньшевиков и с их благословения, пригласил на Первый Национальный С'езд. В об'явлении Межпартийного Совета мы читаем. По постановлению Совета на С'езд приглашаются. 1) 25 представителей Грузинского Национального Межпартийного Совета; 2) От Тифлисского дворянского Собрания 12 чел., Кутаисского—8; 3) От каждой грузинской политической партии по два человека; 4) от губернских и областных городских самоуправлений представители: Тифлиса—5 чел., Кутаиса—5, Батума—3, Сухума—3, Закатал—1; 5) от самоуправлений уездных городов по одному от Гори, Телава, Сигнаха, Душета, Ахалцыха, Ахалкалак, Зугдид, Сенак и Озургет; 6) от самоуправлений неуездных городов: Поти—два, от остальных по одному: Сурама, Боржома, Хашури, Хони, Чиатур, Самтреди, Ланчхут, Гудаут, Очемчир и Гагр; 7) пуедставители уездных исполкомов числом 64 чел.; 8) от грузинских культурных учреждений: Союза культ.-просветительных обществ—1 чел., от Общества распр. грам. среди грузин—2, по одному—от Груз. Истор. О-ва, от Тифлисского О-ва сельского хозяйства, Кутаисского О-ва с. хоз., О-ва «Просвещение», Груз. благотв. О-ва, Груз. Драмат. О-ва, Кутаисского Груз. Драм. О-ва, Кут. О-ва «Синатле», Груз. Женского благотв. О-ва, Груз. О-ва изящной литературы, Тифл. Филар-

мон. О-ва, Тифл. О-ва грузинских женщин, Груз. О-ва ремесленников, О ва Тифл. Нар. Университета. О-ва Груз. Университета, Союза груз. писателей, Союза груз. артистов, О-ва. груз. врачей и естествоиспытателей, О-ва грузтехников; 9) по одному представителю от Московского, Петроградского, Владикавказского; Бакинского, Ростовского культурных центров; 10) от общественных учреждений грузин-мусульман—3 чел.; 11) от кутаисского Межпартийного Совета и Культурного О-ва грузинских евреев—2; 12) представители союзов учителей Грузии — Тифлисского, Кутаисского и Батумского—по 3, от Нац.-Педагогического Совета, существующего при Комиссариате Просвещения—1 чел.; 13) от Совета Присяжных Поверенных—1; 14) от Союза военнослужащих—5 чел.; 15) от губернских и областных кооперативных союзов Грузии—20 чел.; 16) представители профсоюзов—10 чел.; 17) от Тифлисского и Кутаисского дворянских Банков по 2 чел.; 18) представители торговли и промышленности (каменный уголь, нефтяная промышленность)—8 чел.; 19) от католикосата—1 чел. и 20) избранные депутаты в Учредительное Собрание (см. „Эртоба", 1917 г., 19-го ноября, № 196).

Кого только нет среди приглашенных Межпартийным Советом на Национальный С'езд! Дворянство, торгово-промышленники, буржуазно-националистическая интеллигенция, представители заплесневелых и покрытых мхом учреждений (археологическое о-во, всевозможные вспомогательно - благотворительные о-ва и проч.), и всю эту теплую компанию возглавлял представитель духовенства — католикос Кирион. Тут вы не смогли бы увидеть только

трудового народа, ибо несколько представителей профсоюзов совершенно терялись и тонули в буржуазно-дворянско-националистической массе.

А теперь посмотрим, кто-же в действительности был на этом С'езде? Приводим данные, которые печатает газ. „Эртоба" согласно докладу Мандатной Комиссии: „законными признаны 329 мандатов, для 19 оставлено право совещательного голоса. По организациям делегаты делятся так: от Межнационального Совета и политических партий—97; от Центра Кавказских Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—15 (не думайте, что здесь был хотя бы один представитель-рабочий или крестьянин. Ф. М.), от городских самоуправлений—33; от Грузинской армии—20; от губернских, уездных и областных исполнительных комитетов—39; от кооперативов—20; от профессиональных союзов—8; от Союза учителей—9; от культурно-просветительных и других учреждений—35; от торговцев-промышлеников и банков—26; от грузино-имеретинского дворянства—20: от грузинских колоний—6; от совета католикосата—1; от разных учреждений—8; от грузин-мусульман и грузино-католиков—7; от евреев, живущих в Грузии,—3; от абхазцев—2. Доклад Мандатной Комиссии был единогласно утвержден" (см. газ. «Эртоба» № 204).

Как видите—это был крайне своеобразный и оригинальный С'езд. Вы здесь не сумели бы уловить дыхания революции. От С'езда тянуло гнилью и запахом тленья. Вожди грузинских меньшевиков показали нам здесь свой подлинный лик. Они заключили союз с националистической буржуазией и клерикальной интел-

лигенцией. Они сначала уверяли, что созывают С'езд для организации дела управления подаренным дворянством имуществом. Это оказалось ложью. Они созывали просто Учредительное Собрание по своему нраву и вкусу, но скрывали это от народа; они хотели поставить его уже перед совершившимся фактом, что на самом деле и получилось. После открытия С'езда этого обстоятельства скрывать уже нельзя было, и меньшевики даже как будто немного сконфузились. Это видно, между прочим, из одной заметки газ. „Эртоба" с описанием открытия «С'езда». Вот эта заметка: «Грузинский Национальный С'езд. 19 ноября в Тифлисе открылся Первый Грузинский Национальный С'езд. Пока явилось до 200 делегатов. Было множество и посторонней публики. Если мы, с одной стороны, примем во внимание, что на С'езде представлено много организаций, не играющих никакой роли в грузинской общественно-культурной жизни, но, с другой стороны, отсутствие на с'езде многих значительных организаций, как, напр., Советов Крестьянских депутатов,—для нас станет ясным, что С'езд этот не может полностью отразить стремлений грузинского народа. Это обстоятельство отмечено даже представителем Межпартийного Совета. С'езд посетили представители иностранных государств и соседних народностей, глава кавказской армии Пржевальский, Начальник Грузинского Корпуса ст. Ахметелашвили. члены Закавказского Комиссариата, католикос Грузии Кирион и др.

Вдумайтесь в эти слова: „На С'езде представлено много организаций, не играющих никакой роли в общественно-культурной жизни Грузии, и, с другой стороны, отсутствует много таких значительных организаций, как Советы Крестьянских Депутатов". Интересно, кого обвиняют в этом эти господа? Разве все это не было сделано по директивам меньшевистских вождей? Мы прекрасно понимаем, для чего понадобилось меньшевикам бросить этот упрек. Это было необходимо для собственного их оправдания перед партийной массой, ибо они чувствовали, что сильно перехватили, слишком и слишком погрязли в националистическом болоте, и что этого обстоятельства им партийная масса легко не простит. Что это было именно так, особенно ясно видно из одной передовицы центрального органа меньшевиков „Эртоба", очень характерной для этих господ и поэтому приводимой нами почти целиком и с заглавием: «Национальный С'езд. 19 числа этого месяца в Тифлисе, в помещении государственного театра состоялся так называемый Национальный С'езд. Наши националисты ни перед чем не остановились, чтобы собранию этому придать свой особенный, своеобразный характер. Для этого на С'езд было привлечено множество таких учреждений, у которых нет ничего общего с духовными устремлениями грузинского народа. К таким учреждениям относятся, например, Горийская женская чайная или представительство студентов грузин! Таков состав С'езда. Очевидно, много стараний приложено нашими националистами к делу придания внутреннему содержанию С'езда мишурно-фальшивого характера. Они стараются при-

дать С'езду облик Учредительного Собрания и взвалить на него разрешение национальных проблем..

Грузинская демократия не разделяет взгляда националистов на этот вопрос, она не будет способствовать осуществлению их вожделений. Этот С'езд созван со специальною целью выработки порядка управления дворянским имуществом, и хотя со времени назначения С'езда политическая кон'юнктура чувствительно изменилась и рядом с вопросом об управлении дворянским имуществом встали другие, более значительные вопросы, требующие разрешения, но С'езд этот по своему составу совершенно не компетентен решать вопросы национального характера.

Поэтому С'езду необходимо с самого же начала указать его назначение: он создаст временный Совет для управления указанным имуществом, этому же временному Совету поручить подготовить материал для осуществления национального самоуправления. А это последнее— уже целиком дело компетенции Учредительного Собрания, безразлично, соберется-ли оно в России, или согласно политическим обстоятельствам сегодняшнего дня—соберется только Краевое Закавказское Собрание выборных депутатов» (см. „Эртоба“ № 201).

Отсюда ясно, что меньшевистские вожди били отбой, делая поворот почти на все 180 градусов; созванный по их инициативе и под их руководством С'езд принял явно националистически-шовинистическое и клерикальное направление, в чем эти господа обвиняли кого-то другого, словно их вины тут не было ника-

кой. Теперь они же сами называли С'езд именем «так называемого Национального С'езда»; сейчас они как-будто бы над ним насмехались по тому поводу, что на С'езд были приглашены Горийская женская чайная и представители грузинского студенчества! Но где были все эти господа в то время, когда с их участием и с их же согласия составлялись списки приглашаемых учреждений? Оправдательные доводы вождей меньшевизма напоминают нам одну поговорку: «Клятве твоей верю, но меня смущает хвост»*) А теперь послушайте, какими словами приветствовал хваленый вождь меньшевиков Н. Ж о р д а н и я Национальный С'езд: «Граждане, позвольте мне, прежде всего, приветствовать вас и душевно поблагодарить за то доверие, которое вы оказали мне и моим товарищам, избрав нас в президиум. У нас, в Грузии, давно существуют и действуют различные политические партии, но до сих пор они не созывали Национ. С'езда. И если сейчас эти партии созвали такой С'езд, вы хорошо знаете, что существуют глубокие исторические причины этого. Сейчас вся Россия, а также почти вся Европа, переживают великий момент разрушения устоев старой жизни, и мы опасаемся, как бы волна взбаламученного житейского моря не закрутила нас в водовороте разрушения. Мы—маленький народ и живем в стране, недалеко от которой развертывается громадный боевой фронт. Поэтому нам нужно быть крайне бдительными. Кроме этого—в России возгорелась

*) Вор украл петуха, сунул его за пазуху и уверяет, что знать не знает никакого петуха. А петуший хвост торчит из-за пазухи. Ему и говорят:—„Клятве твоей верим, но нас смущает этот хвост!"

гражданская война. Сейчас нет центрального правительства, и связь нашей маленькой страны с Россией почти совершенно порвана. Таким образом, с одной стороны — наличие вблизи от нас большого боевого фронта, с другой — разрыв с Россией — обязывают нас самим позаботиться о себе, самим подумать о своей судьбе (аплодисменты). На этой платформе состоялось об'единение существующих у нас политических партий (аплодисменты), сказавших, что у нас есть два вопроса, которые необходимо разрешить, для чего нужно об'единение как национальных, так и интернациональных сил. Первым вопросом является обеспечение нашего физического существования, вторым — создание того фундамента, на котором будет построено здание свободного и культурного развития нашего народа. Сегодняшний Национальный С'езд должен положить первый камень этого фундамента, и есть надежда, что за этим первым камнем последуют другие, и будет выстроенно мощное здание. Я призываю к единению и к единодушному вынесению резолюций, в основу которых мы положим веру в силу грузинской демократии и в завоеванную российской революцией свободу (продолжительные рукоплескания и овация»*)

Мы хотели-бы спросить: чьим языком говорил в данном случае Н. Жордания? Это был язык закисших националистов. В Грузии давно существуют и работают различные политиче-

*) Газ. „Эртоба", 1917 г. № 201.

ские партии, но до сих пор они, мол, Национального С'езда не созывали. Слова Жордания свидетельствовали о полном банкротстве меньшевиков, как марксистов и социалистов, и в то же время,—о полном торжестве буржуазных националистов всех мастей.

Какое море чернил и бумаги было потрачено самим Жордания втечение долгих лет на полемику с соц.-федералистами (Арч. Джорджадзе и др.) имено по вопросу об общей платформе, которую он совершенно отвергал, защищая класовый принцип. И тот же самый Жордания сейчас сдавал свое оружие перед националистами и призывал к об'единению всех—дворян и крестьян, торгово-промышленников и рабочих. И каждое слово Жордания сопровождалось апплодисментами и овациями со стороны участников С'езда. Каков приход, таков и поп. Эта поговорка как нельзя лучше подходит к этому С'езду: он был на 99% буржуазно - националистически - клерикальным, почему и встречал апплодисментами Жордания, который пел ему в унисон. Из приветственного слова Жордания было видно, что С'езд созван вовсе не для приема и управления дворянским имуществом, а в каких то иных целях. И цели эти явно сквозили в речи Жордания, который заявлял: «у нас подлежат разрешению два вопроса, вокруг которых необходимо об'единить как национальные, так интернациональные силы. Первым вопросом является обеспечение нашего физического существования, вторым—создание того фундамента, на котором будет возведено здание нашего свободного и культурного развития. Этот Национальный

С'езд призван положить один камень в основание этого здания». Это было именно тем, о чем грузинские националисты всегда мечтали, чему они поклонялись, И вместе с тем, все это носило на себе ярко выраженный характер Учредительного Собрания, против чего на словах так восставал автор передовицы газ. «Эртоба» (см. выше).

После всего этого было просто неприличным со стороны меньшевиков утверждать, что все это было, мол, подстроено националистами, которые-де стараются придать национальному С'езду придать характер Учредительного Собрания, тогда как он созван со специальной и единственной целью управиться с дворянским имуществом. Это было чистейшей ложью. Кроме того, мы же видим, что Первый Национальный С'езд Грузии как по форме своей, так и по содержанию был подлинным Учредительным Собранием; он был буржуазно-национилистически-клерикальным, т.-е., по преимуществу, реакционным и контр-революционным учреждением. Его с восторгом приветствовали дворянство, торгово-промышленники, духовенство, представители иностранных буржуазных государств, черносотенные царские генералы и т. п. и т. п. Когда все их приветствия были произнесены, была прочитана, как сообщает нам меньшевистская газета „Эртоба" (№ 201), грамота католикоса Кириона II. Все это напоминало средние века с их царями, дворянством, воинством, крестами и духовенством.

А теперь обратим внимание на те требования, которые выставлялись меньшевиками. «Каждая политическая партия—говорил Жорда-

ния в своем докладе С'езду—имеет свою программу, но в Межпартийном Совете мы пришли к соглашению на некотором минимуме:

Мы должны требовать (речь идет о Всероссийском Учредительном Собрании. Ф. М.), чтобы Грузии было предоставлено полное внутреннее самоуправление, она должна иметь право издавать, сообразно своим собственным потребностям, законы (о в а ц и и), она должна иметь свою национальную администрацию. Если к этому времени в России и будет(войско— и тут у нас должно быть свое войско апплоди, сменты); если в России будет милицейская система, и здесь необходимо будет организовать собственную милицию (апплодисменты). У нас должен быть свой суд, школы, должна быть проведена, словом, национализация всех наших учреждений (продолжительные рукоплескания)" («Эртоба» № 202).

Таким образом, вся эта суматоха, весь этот шум были подняты по совершенно простым, элементарным поводам. В действительности все эти «требования» предусматривались и обеспечивались Октябрьской революцией, которой именно меньшевики, совместно со всеми остальными реакционными партиями, и об'явили войну. Но вся разница была в том, что Октябрьская революция означала торжество рабочих и крестьян, а меньшевики против этого именно и боролись. Им хотелось единения с г р у з и н с к о й б у р ж у а з и е й, г р у з и н с к и м д в о р я н с т в о м и д у х о в е н с т в о м.

Полное единодушие меньшевиков со всеми этими классами или сословиями было на С'езде утверждено. Приводим здесь слова Жордания, с которыми он обратился к С'езду, благо-

даря дворянство: «Думаю,—сказал он,—что я выражу и ваше желание, если скажу, что Первый Национальный С'езд высказывает грузинскому дворянству признательность за тот дар, который оно принесло грузинскому народу. С'езд высказывает надежду, что грузинское дворянство растворится в грузинском народе, станет с ним плечом к плечу и разделит с ним и горе и радость. Отныне в Грузии уже нет привиллегированного сословия (продолжительные апплодисменты и овации), отныне грузинская нация юридически становится единою и целой. Это уже фундамент нашего грядущего» (газ. «Эртоба» № 203).

Было просто непостижимо, и многие отказывались это понять, чтобы меньшевики могли до такой степени опуститься. И действительно, даже для самих меньшевистских масс это было неожиданностью. Массы эти были недовольны всем, творившимся на С'езде, всем, что проделывалось там их вождями.

Массы эти чувствовали, что вожди их творят какое-то нехорошее и постыдное дело, но у них не хватало мужества открыто осудить «славные деяния» своих вождей и их интимные заигрывания и ласки с националистами, торгово-промышленниками и дворянами. А доказательством того, что в партийных массах меньшевиков жило недовольство, является, помимо всего того, о чем мы выше упомянули, статья, помещенная в № 203 газ. «Эртоба». Вот о чем она говорит: «Национальный С'езд вызвал большой переполох и кавардак. С одной стороны, некоторыми товарищами нашими не совсем было уяснено значение С'езда. Они прекрасно знают наших националистов и потому придерживаются

следующей евангельской мудрости; „что может быть хорошего из Назарета"? Они думают что если мы сидели с националистами в одном помещении, то мы этим уже отклонились от своего учения.

К несчастью, эти товарищи слишком поверхностно смотрят на дело и забывают тот пункт нашей партийной программы, который ясно трактует вообще вопрос о праве народа на самоопределение и, в частности, у нас—о необходимости самоуправления.

Кроме этого, мы уже ведь приняли на партийном С'езде необходимость самоуправления.

И в самом деле, никого не должно удивлять та истина, что нам необходимо вести на грузинском языке обучение, судопроизводство, административную переписку и пр. Это ведь способствует широкому развитию народных масс, облегчит им условия жизни; и что тут удивительного или предосудительного, если для осуществления всех этих сторон жизни нам пришлось работать вместе с нашими националистами?

Было бы совершенно иным делом, если бы мы поступились чем-нибудь из нашей программы или тактики.

Мы осуществили то, что считали необходимым. Наши националисты были принуждены признать правильность наших действий, они преклонились перед демократией (?), и если словом ничего не сумели выразить, на деле они всенародно признали банкротство своей тактики.

Мы можем гордиться этим, так как демократия наша оказалась настолько сильной, что националисты признали вождем всего народа

именно нашего демократического вождя. Мы полагаем, что это редчайший случай и пример в истории, чтоб националисты преклонили свои головы перед народом.

Нас нисколько не удивляет и не печалит то обстоятельство, что в некоторых кругах наших товарищей возникли недоумения. Все это очень скоро рассеется».

Эта перепечатка из меньшевистской газеты доказывает, что в меньшевистских кругах Национальный С'езд, главным образом, тактика, которой держались на нем вожди меньшевиков, вызвали достаточно большое недовольство, для смягчения и уничтожения которого меньшевистским газетам пришлось провести целую кампанию Меньшевистским вождям вовсе не казалось неудобным и предосудительным сидеть рядом с националистами: они даже гордились тем, что националисты «вождем всего народа признали вождя нашей демократии» (т.-е. Н. Жордания). Мы, де думаем, что это редчайший случай в истории. Эти господа не поинтересовались спросить, почему это националисты признали Н. Жордания своим вождем: за то-ли, что он непреклонно защищал интересы рабочего класса, или потому, что он преклонился перед националистами? Все, что имело место на Национальном С'езде, доказывает, что Жордания и вообще партия меньшевиков сами подошли вплотную к националистам и приняли их программу.

Первый Национальный С'езд Грузии избрал Национальный Совет, состоявший из 67 человек. Он принял резолюции о самоуправлении Грузии, о школе, армии, администрации, о введении земства, о финансах, и народном здраво-

охранении, по продвольственному вопросу и пр. По окончании С'езда, Исполнительный Комитет Национального Совета обратился с воззванием к «грузинской нации», в котором, между прочим, говорилось, что «Первый Национальный С'езд, созванный по инициативе Межпарпийного Совета Грузии, основал руководящий политический орган, — Национальный Совет Грузии»... Второе воззвание было выпущено к «грузинским воинам», в котором говорилось, что для уничтожения большевистской анархии необходимо создать победоносную и закаленную грузинскую армию. Под этим воззванием подписывались Председатель Национального Совета Н. Жордания и управляющий военными делами Национального Совета Н. Рамишвили.

Тут уже проглядывала будущая демократическая республика Грузии со своим президентом и военным министром. При чем же тут был вопрос об управлении днорянским имуществом? И кто об этом сейчас вспоминал? Тут было все дело в создании грузинского национального государства, в его оформлении. Первый Национальный С'езд, созванный вначале как будто бы и с совершенно иной целью, присвоил себе функции Учредительного Собрания, на что он не имел никакого права. Но это было сделано, и сделано, прежде всего, меньшевиками и под их руководством. Это было изменой революции и рабочим и крестьянам Грузии, и история этой измены им не простит. И совершенно правильно писал об этом орган большевиков «Брдзола»: «пройдет время и силы жизни возьмут свое... Большая часть грузинского трудового народа сама при-

ступит к выковке своей судьбы. Она сорвет маску с предателей и узнает, кто был подлинным выразителем ее интереeов» („Брдзола“ № 43). И пророчество это, возможно что и с некоторым опозданием, но все же оправдалось.

Национальный Совет, избранный Первым Национальным С'ездом Грузии, продолжал жить почти пол года (с ноября 1917 года по май 1918 го), но так, что о его существовании и работе общество почти ничего не знало. Никто не знал, для чего существует этот Совет. Он был, словно, никому не нужен. Но надо сказать, что меньшевики в этом отношении оказались достаточно предусмотрительными; они как-будто заранее почувствовали, что Закавказский Комиссариат и Закавказский Сейм скоро прекратят свое существование, а их место в Грузии займет в качестве их наследника Национальный Совет Грузии. Всеми по справедливости незамечаемый, забытый и уже дыщащий на ладан, Национальный Совет Грузии совершенно неожиданно начинает управлять страной, как учреждение, «спасшее родину»! Меньшевики—эти искусные фигляры--выводят его на историческую арену. Это было 26-го мая 1918 года. Мы уже знаем, что в этот день состоялось погребение Закавказского Сейма, но в этот-же день состоялось торжественное заседание Национального Совета Грузии. Приводим дословно наиболее характерные места из протокола этого заседания.

„Заседание посетило 42 члена и 36 кандидатов. В ложах и на галлерее масса публики-представители всевозможных народностей, в том числе начальник германских войсковых частей граф Шуленбург в сопровождении

германского офицерства, тут-же тифлисский митрополит Леонид с духовенством и грузинское офицерство. Над зданием дворца реет грузинский флаг. Председательствует председатель Национального Совета Грузии Н. Жордания.

Речь председателя—«Граждане! Сегодня вы были здесь свидетелями редкого исторического акта.

В этом зале умерло одно государство, и вот сейчас, в этом-же зале закладывается фундамент другого государства. И между этими двумя государствами из которых одно умерло, а другое только рождается, не было противоречий интересов. Новое государство Грузии, которое сегодня зарождается, не пойдет наперекор ни нации, ни народу, ни государству». Затем оратор в своем слове указывал на некоторые главнейшие положения нового государства, упоминаемые в «акте о независимости». Два первые пункта этого «акта» гласили: 1) Отные грузинский народ является носителем суверенных прав, а Грузия—полноправным, независимым государством и 2) Формой политического управления Независимой Грузии является демократическая Республика».

Вышеприведенные места из протокола заседания Национального Совета Грузии 26-го мая яснее ясного говорят о том, что заседание это было Учредительным Собранием № 2. Первый-же Национальнный С'езд который собрался 19-го ноября 1917 года,—был Учредительным Собранием № 1. Первое—определило необходимость формирования

Грузии в отдельную государственную единицу, с автономными правами (самоуправление Грузии, национализация школ, судопроизводства и других учреждений), второе—уже оформило отдельное государство «независимой» Грузии—принятием основных положений этого государства. Если мы сопоставим эти два учреждения друг с другом, мы неизбежно придем к заключению, что заседание Национального Совета Грузии 26-го мая в гораздо большей степени носит на себе характер и атрибуты Учредительного Собрания, чем созванный 19-го ноября С'езд. Но, вообще, как первый, так и второй по существу носили характер Учредительного Собрания. Совершенно другой вопрос - можно или нет считать их учредительными собраниями государства или народа.

Когда собирался Первый Национальный С'езд Грузии, в об'явлении Межпартийного Совета было сказано, что С'езд созывается для урегулирования вопроса об управлении дворянским имуществом и для разрешения других насущных вопросов—это во первых. Во вторых,—что Межпартийному Совету, о существовании которого никто, кроме меньшевиков и нескольких человек из других националистических партий, не знал, этому Межпартийному Совету никто не поручал, да и не мог поручить, дела созыва Учредительного Собрания Грузии. В третьих,—самый состав этого С'езда—о чем мы выше уже подробно говорили—был таков, что никоим образом не мог присвоить себе функций Учредительного Собрания Грузии; отсюда для всякого должно было быть ясно, что никто не мог так-называемому Первому Национальному С'езду передать функции Учре-

дительного Собрания. Но в действительности получилось совершенно иначе—С'езд оказался настоящим Учредительным Собранием, хотя меньшевистская пресса категорически это отрицала.

Что-же касается второго учреждения, т. е. заседания 26-го мая Национального Совета, избранного Первым Национальным С'ездом Грузии, то было немыслимо и недопустимо как по существу, так и формально, и даже юридически, чтобы оно присвоило себ функции Учредительного Собрания. Прежде всего у него не было на это никаких полномочий. Грузинский народ не только не избирл его, но даже о существовании его ничего не знал. Меньшевики состряпали этот во всех отношениях злосчастный и никому неведомый Национальный Совет в тот момент, когда он понадобился им для совершения всевозможных комбинаций. Это было тем более недопустимо, что, нарушая права как раз той демократии, которой эти господа всегда оказывали почтение и о которой кричали на всех перекрестках. Выносить такие серьезные постановления, какие были приняты на упомянутом заседании (создание нового государства, принятие акта о независимости и др.), мог только компетентный и облеченный всей полнотой прав Народный С'езд, который, по мнению самих-же меньшевиков, должен был быть избран на совершенно иных началах. Словом, то, что имело место в заседании 26-го мая, явно противоречило всему тому, о чем говорили меньшевики. И действительно, только полномочный С'езд мог принимать постановления вышеуказанного характера. Но таковым не являлся Национальный Совет Грузии, избранный

сам на С'езде представителей дворянства, торгово-промышленников, благотворительных обществ и др. В общем надо сказать, что как первый Национальный С'езд, так и избранный им Совет отражали лишь волю грузинского дворянства и буржуазии и их интересы, но никак не интересы народных масс, а тем менее—интересы рабочего класса и крестьянства. Как первое, так и второе были подлинно контр-революционными учреждениями. Но как уже знаем, меньшевики возложили и на первое и на второе функции Учредительного Собрания, чем изменили большей части народа — рабочим и крестьянам. Справедливость требует признать, что сами меньшевики стеснялись официально называть эти оба органа именем Учредительного Собрания. Они всячески избегали этого и все обещали только всем—вот, де,мы изберем настоящее Учредительное Собрание. Но спросимка их: для кого и для чего нужен был созыв Учредительного Собрания, когда нечего уже было учреждать, если, конечно, сами меньшевики не совершает государственного переворота? Но об этом после.

Меньшевики, не спросясь у народа и за его спиной, сделали шаги, на которые у них не было прав. Как нам известно, эти господа всегда обвиняли большевиков в том, что будто-бы эти последние, против воли народа, навязывали ему свои желания. Но подумали-ли хоть раз эти господа о том, кого, собственно, было бы правильнее в этом обвинять—большевиков или меньшевиков? Но дело в том, что меньшевики, никогда не признававшиеся в своей неправоте, конечно, и на этот раз вины своей не могли признать. Но мы приводим им бесчисленное количество

фактов в доказательство того, что ими на каждом шагу попирались права делегатов и принципы демократизма. Возьмем хотя бы два последних примера: созыв Национальн. С'езда и заседание Национальн. Совета 26-го мая. Как первый, так и второй отмечены печатью фальши, так как функции Учредительного Собрания передали под диктовку меньшевиков учреждениям, совершенно к этому не призванным и не имевшим на то полномочий. Но в действиях меньшевиков была двойная и тройная фальшь. На всех публичных собраниях меньшевист. ораторы проливали крокодильи слезы по поводу вынужденного, якобы, об'явления ими независимости Грузии, что совершено против их желания и было вызвано тем обстоятельством, мол, что Россия бросила Грузию, лишив ее своей защиты и что день об'явления Грузии независимой для нас (т. е. для меньшевиков) должен быть сочтен днем скорби и траура, и т. п. и т. п. Все это было, конечно, чистейшей ложью и фальшью, ибо меньшевики давно уже и сознательно подготовляли этот акт.

Лгали и фальшивили эти господа и в тех случаях, когда касались вообще вопроса о независимости Грузии. Несколько дней спустя после об'явления независимости Грузии, т. е. 29 мая, в заседании Тифлисского Исполнительного Комитета*) (в заседаний, конечно, не торжественном), в котором разбирался post factum вопрос о независимости Грузинской демократической республики, Ираклий

*] Читатель не должен удивляться существованию еще в Тифлисе этого органа; он правда, пока существовал еще, но роли уже никакой не играл.

Ф. М.

Церетели в докладе своем напрямик заявил: «Маленькой Грузии не по силам было, конечно, отстоять свое физическое существование, а посему ей пришлось искать защитников в лице народов, обладающих реальной силой. Армянский народ этой силы не имеет, тюрки этого не пожелают, российский народ в эту критическую минуту сделать ничего не может. Турция страшна своим империалистическим ослеплением, своей отсталостью и беспощадностью. Остается ближайший народ — германцы. Конечно, поддержку окажет не немецкий народ, а немецкий империализм, тоже страшный, тоже опасный, но менее, чем турецкий, ибо немцы более дальновидный, более культурный народ, а посему из двух зол мы выбрали наименьшее. Итак, самостоятельность Грузии приобретается нами ценой крупной экономической кабалы у немецкого империализма. Ясно, что своей независимой политики Грузия вести не может*). Джугели заявлял, что «день об'явления независимой Грузии не может считаться днем радости грузинского народа». С своей стороны, Жордания возражал, что Закавказье своими силами защищаться не может. Сто лет тому назад Грузия, боясь турецкого владычества, отдалась русскому правительству. Теперь—тот же страх перед турецкой кабалой заставил Грузию искать защитника, но не в лице русского ослабленного народа, так как помощи он оказать не может, а народа, обладающего реальной силой, т. е. в лице германцев. Тяжела эта кабала, но иного выхода нет!»

Это были уже иные песни, не похожие на речи торжественного заседания 26-го мая. Ка-

*] См. Протоколы т. II.

кова же была, после этого, цена независимости Грузии? Этою ширмой меньшевики обманывали народ. Но, с другой стороны, чем мог бороться со всей этой ложью и фальшью Тифлисский Совет Рабочих Депутатов, который являлся уже фикцией? Совершенно ничем. Он должен был соглашатсья лишь с совершившимся фактом. Этого от него требовали. И он скрепил своим согласием эту фальшь и ложь в резолюции, которую предложил Жордания и в которой было сказано: „Исполнительный Комитет, выслушав доклад о провозглашении независимости Грузии, постановил: продолжать свою работу на почве об'единения всей демократии Закавказья под интернациональным знаменем и оказать всяческую поддержку новому правительству Грузинской Республики в деле отражения внешнего врага и удержания завоеваний Революции». Это была обычная меньшевистская резолюция притворства. Тут всего было понемногу: и об'единение всей демократии Закавказья под знаменем интернационализма, и защита революционных завоеваний, и проч. и проч., но все это было лишь маской; на самом-же деле меньшевики освободили путь самому безудержному шовинизму—с одной стороны, и, с другой,—губили завоевания Революции.

Ясно, что меньшевики защитником Грузии избрали империалистическое правительство германского кайзера—императора Вильгелма, и к русскому народу повернулись спиной и вовсе не оттого, что он ослаблен, а, главным образом, оттого, что во главе России стояли большевистская партия и Совет Народных Комиссаров, осуществлявшие диктатуру про-

летариата. Меньшевики беспощадно боролись как с партией, так и с Советами. А ссылка на ослабление русского народа была лишь предлогом.

С другой стороны — насколько хорошим защитником независимости Грузии являлся империализм Германии, видно, между прочим, из следующих фактов. Возьмем хотя-бы те обязательства, которые легли всей тяжестью на Грузию в силу договора, заключенного, при посредничестве Германии, с Турцией. В дополнительном договоре, заключенном между Оттоманской Империей и Грузинской Республикой, говорилось: „Правительство Грузинской Республики немедленно приступает к демобилизации войск". Размещение оставшихся войск на границах Грузии должно было происходить с согласия турецкого правительства (пункт 1). Пункт третий гласил: «Правительство Грузинской Республики согласно оборудовать для турецких войск всяческие перевозки по грузинским железным дорогам, организовать транзит (перевозку войск, военных припасов, оружия и пр.), с условием, конечно, что эти передвижения и перевозки не будут направлены против грузинского правительства». В силу этого-то третьего пункта эти перевозки должны были производиться средствами Грузинской республики и персоналом железно-дорожной администрации по указанию председателя турецкой комиссии. Турецкий офицер с достаточным количеством солдат должен был иметь стоянки на главных железнодорожных станциях. Грузинское правительство обязывалось содержать железные дороги в полной исправности, своевременно про-

изводить всяческий ремонт... и много еще других унизительных условий, накладывавших позорное ярмо на грузинский народ. Вот при помощи каких постыдных и тяжелых договоров спасали меньшевики свое существование, лишь бы порвать все связи с Советской Россией. Но дело не ограничивалось преклонением перед турецким империализмом. Не менее, если не больше, был опасен империализм германский. И это чувствовала сама меньшевистская партийная масса, ибо вожди ее ускоренным темпом производили ликвидацию революционных достижений. Несмотря на то, что меньшевики создавали всевозможные правительственные органы буржуазного характера (Закавказский Комиссариат. Закавказский Сейм, Национальный Совет и т. п.), они пока все-же оставляли организации, рожденные за время революции (советы рабочих и солдатских депутатов и их об'единенные центры), которые так или иначе время от времени вмешивались в дела государств. управления, и в то же время органы государственной власти (Комиссариат, Национальный Совет и др.) обязаны были опираться на Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов. Отсюда проистекало д в о е в л а с т и е. И хотя меньшевики были готовы итти на всякие уступки буржуазии, но один факт существования рядом с Сеймом и Национальным Советом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которые сами по себе, одним своим бытием напоминали уже всем о революции, волновали буржуазию и она при всяком удобном случае требовала или готова была потребовать полного их аннулирования. Очевидно, этого же жаждали и вожди меньшевиков (Чхеидзе, Жордания, Гегечкори, Церетели

и др.), но высказать это открыто перед массами они вначале не смели, или это им не удавалось, и только после прихода в Грузию империалистов Германии и Турции, чувствовавших и державших себя у нас полными хозяевами, меньшевикам стало гораздо легче действовать решительнее в направлении если не полной ликвидации Советов, то, во всяком случае, умаления их функций по существу.

И вот, по прошествии нескольких дней после провозглашения независимости Грузии—одновременно как в краевом центре Советов, так и в Тифлисском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов (8-9 июля) ставится вопрос о лишении Советов государственных функций. Нечего и говорить о том, что меньшевистские вожди подошли к вопросу, как искусные фокусники и пройдохи. Вопрос был поставлен ими так: к нам ворвались чуждые элементы, и нам необходимо противопоставить им крепкую и твердую государственную власть. Для этого необходимо создать твердый орган власти. Но создать его нам нельзя будет, пока мы не лишим Советы государственных функций; в этом случае Советы сделаются исключительно органами рабочего класса.

Докладчиком в общих случаях был меньшевистский златоуст Церетели. Он рассуждал так: „В Закавказьи Советы не спешили с захватом власти, и этим путем они не хотели отнимать у народа единственный полномочный правительственный орган, хотя и тут Советы приняли на себя функции гусударственной власти. Заслуги наших Советов велики, но они не могли полностью заменить государственную власть. Идейные организации не приноровлены

к тому, чтобы превращаться в государственные органы и выполнять их функции" (что Советы были организациями идейными—это было открытием одного только Церетели. Ф. М.). Поражение под Батумом, оставление войсками фронта—все это являлось—по мнению Церетели—следствием отсутствия у нас твердой государственной власти и аппарата принужения. Далее Церетели доказывал настоятельную необходимость создания государственной власти именно сейчас, когда, в силу заключенного договора, Грузии приходится входить в соприкосновение с внешними силами. А отсутствие у нас твердой государственной власти легко может дать им предлог вмешаться в нашу внутреннюю жизнь. Церетели просто-на-просто угрожал, что в этом обстоятельстве кроется громадная опасность для демократии, которой грозит, мол, полное уничтожение, если немедленно не будет создана государственная организация.

— Поэтому-то—делал вывод оратор—Совет Рабочих и Солдатских Депутатов должен все функции государственной власти передать демократическому правительству и, оставив за собой право контроля действий этого правительства, сам стать на классовую позицию (См. газ. „Борьба" 1918 г., № 91).

В чем-же было дело? Почему эти господа угрожали и пугали всех? Почему они нервничали? И неужели-же и поражение под Батумом, и оголение фронта солдатами произошло вследствие негодности Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в качестве органов государственной власти? И разве Советы эти мешали им в деле

защиты страны, а не местные контр-революционные правительства в лице Закавказского Комиссариата, Закавказского Сейма и других органов?

Почему это только буржуазия могла бы создать твердую государственную власть, а не рабочие, не пролетариат? Ни на один из этих вопросов меньшевики не сумели бы дать надлежащего ответа. Дело заключалось вовсе не в с о з д а н и и т в е р д о й в л а с т и, а в том—в чьих руках должна была бы находиться полностью эта власть—в р у к а х р а б о ч и х и л и б у р ж у а з и и. Вождями меньшевиков этот основной вопрос был уже разрешен, но не в пользу рабочих и крестьян, а в п о л ь з у б у р ж у а з и и. Читателям, вероятно, памятна знаменитая фраза К. Чхеидзе, которая была им брошена в этом-же заседании; «Не было еще случая, чтобы рабочим классом был и з д а н з а к о н, о б я з а т е л ь н ы й д л я в с е й с т р а н ы». Словом, меньшевиками было уже решено совершенно освободить буржуазию от «опеки» рабочего класса т. е. положить конец двоеначалию и двоевластью и совершенно из'ять государственную власть из рук рабочих.

После доклада Церетели в зале наступила могильная тишина, словно все присутствующие проглотили свои языки. Было ясно, что такой постановки вопроса никто не ожидал. Тифлисский Совет Рабочих и Солдатских депутатов инстинктивно почувствовал, что вожди меньшевиков поют отходную вместе с Советами и самой Революции. В конце концов тишину и молчание нарушил некто Э д е л ь с о н, заявив, что «решения выносятся в кабинетах, а революционным организациям предоставляется лишь роль ста-

тистов, которым только и остается, что утверждать уже изготовленные постановления»; затем он обращается к вождям меньшевиков с такими запросами: войдут или нет вожди демократии в правительство, в котором власть может попасть в руки национал-демократов или грузинских муссаватистов? Не передаст-ли Совет германским войскам своей власта? Эти запросы были для меньшевиков ударами разящего меча. Докладчика Церетели поддержали Эрадзе и К. Чхеидзе. В свою очередь, с речью, уничтожающей доводы этих лидеров, выступил Р е б р у х. Прежде всего он отметил то чувство скорби, которым демократия встретила вступление в Тифлис германских войск. «Не пришли-ли они—спрашивает Ребрух—на смену Советам», и далее говорит: на последнем своем заседании Тифлисский Совет принял резолюцию, в которой он приветствует независимую Грузию, опирающуюся на Советы. Сейчасже нам докладывают о необходимости твердой власти. Но будет-ли тут власть правительства Грузии, или чья то иная власть, власть тех, кто сегодня вошел в Тифлис с видом хозяина и господина? Совет, как революционная организация, обошедшаяся так дорого демократии, имеет право задать вопрос—почему должен он передать правительству свою власть вопреки недавно вынесенному постановлению?

Чем вызвана такая внезапная необходимость? Быть может, это делается под давлéнием внешней силы? А, может быть тут идет подготовка к тому-же, что произошло на Украине? Но если тут будет место такому испытанию, мы, впродолжении 18 месяцев поддерживавшие порядок и защищавшие завоевания револю-

ции, не уступим своих позиций без борьбы. Пролетариат может издавать законы, он со дня наступления революции много их уже создал, но законы эти пришлись не по вкусу тем, кто постоянно гасил революцию... Мы никогда не торопимся с захватом власти (вот в этом-то именно и заключалось ваше несчастье, Ребрух! Ф. М.), мы преследовали тех, кто к этому стремился (а теперь вам отплачивается тою же мерой!), но Совет не хотел осуществления желания Гвазава, который в первом заседании Сейма спрашивал, когда Советы прекратят свое существование» (плач этот был уже запоздалым. Ф. М.).

Красно говорил Ребрух, но это были одни лишь красивые фразы, ибо Ребрух прекрасно знал, что вопрос о существовании Советов был уже решен в тот момент, когда во главе их стали меньшевики и эсеры, и что эти именно господа, а в их числе и сам Ребрух, своими же руками перерубили ту ветвь, на которой все они сидели. И плач и пламентации были сейчас уже излишними и запоздалыми! После смерти нет покаяния—говорит старая поговорка, как нельзя более подходящая к данному случаю. Судьба Советов была уже решена.

Тотчас-же за упразднением Советов, как проводников государственной власти, последовали еще кое-какие изменения, как, напр., упразднение так называемой «Красной гвардии» и создание взамен ее «народной» гвардии, с подчинением ее непосредственно правительству. С Советом она отныне прекращала всякую связь.

Все эти перемены имели тесную свясь с договорами, заключенными «Независимой» Рес-

публикой Грузии с Турцией и Германией. Какие изменения произошли вообще с тех пор, как в Грузию вошли германские и турецкие войска, видно из доклада, сделанного Н. Жордания 14 июля 1918 года в заседании Тифлисского Совета. Он сказал: «Прежде всего Исполнительный Комитет Тифлисского Совета Рабочих и Солдатских деутатов отказался от исполнительных функций власти и заявил, что отныне власть должна принадлежать правительству". «Затем—продолжал Жордания—Красная гвардия, созданная Советом Рабочих и Солдатских депутатов, переименована в народную гвардию, узаконена (до тех пор, как видно, эта гвардия существовала незаконно. Ф. М.) и целиком переходит в распоряжение правительства».

Затем несколько членов Исполнительного Комитета с его председателем вошли в состав правительства. Исполнительный Комитет и его Бюро ограничили свои функции контролем действий правительства и агитпропом в деревнях.

Исполнительный Комитет вернулся к той роли, которую он играл в первые дни революции в сельской комиссии по пропаганде. Все эти изменения, — говорил Жордания, — не случайного характера, а, напротив, вытекают из позиции, занятой нами в отношении Великой Российской Революции. На другой-же день революции был выдвинут вопрос, кто может быть наследником свергнутого режима. Таковыми, конечно, могли быть те силы, которые функционировали во время царского режима,—т.-е. буржуазия и пролетариат. Эти два

класса призваны были создать новое общество на развалинах старого*). Далее Жордания утверждал, что так как революция не коснулась капиталистического строя, то создание нового общества должны были взять на себя буржуазия и пролетариат.

«После великой революции — поучал нас Жордания—народ (в данном случае, очевидно, рабочий класс. Ф. М.) ни в коем случае не мог сохранить своего господства. Народ мог разрушать, но творить было не в его силах». И в доказательство этой мысли он приводил примеры из английской и французской революций. Как видите, мы имеем тут дело с законченным типом идеолога буржуазии; свою идеологию Жордания обосновывал вполне стройно и логически. По его мнению наследниками павшего режима должны были сделаться либо буржуазия, либо пролетариат. Но так как народ (т.-е. пролетариат. Ф. М.) ни из одной революции до сих пор не выходил победителем, государственная власть должна быть уступлена буржуазии. И политика меньшевиков была направлена в эту сторону.

Советы вручили власть буржуазии, сами же взяли на себя дело пропаганды и агитации в деревне. По словам Жордания, таким путем Совет Рабочих и Солдатских депутатов возвращался к роли, которую он играл в первые дни революции. Это было чистейшей ложью, ибо Советы тогда выполняли функции государственной власти, но отнюдь не только роли пропагандистов и агитаторов в деревне. Таким

*) См. газ. „Борьба". 1918 г., № 127.

образом, роль советов была кончена. Начиналась пора буржуазной власти.

Чем дала о себе знать эта власть в Грузии и вообще в Закавказьи,—об этом мы скажем в кратких чертах ниже.

Тут же мы приведем несколько ярких примеров, характеризующих, с одной стороны, выполнение турецким правительством условий вышеприведенного договора, и, с другой—поведение у нас, в Грузии, германской миссии.

Нужно отметить, что поскольку правительство Грузии в точности выполняло все принятые им на себе обязательства по договору, постольку же турецкое правительство этими обязательствами игнорировало. Напр., в силу договора турецкое правительство должно было вывести войска из Ацхур и Абастумана, но этого своего обязательства оно не выполнило, в виду чего грузинское правительство заявляло свой протест германской миссии. Но, кроме этого, турецкое правительство в Батуме арестовывало лиц, которые подготовляли петиции на имя германского правительства о выполнении принципа самоопределения народов на основе Брест-Литовского договора.

Но всего интереснее было требование правительством Жордания от Турции выполнения Брест-Литовского договора. Из переписки между германской миссией и правительством Грузии мы приводим наиболее характерный пример, относящийся, кстати, к взаимоотношениям помещиков и крестьян.

Дело шло о тех землевладельцах, которым год тому назад, в заседании первого национального с'езда, Н. Жордания приносил благодарность за дарованное народу имущество. Эти

«добрые» землевладельцы на этот раз взялись за крестьян и сдирали с них шкуру. Они требовали уплаты крестьянами их земельных повинностей за 1917 год. Крестьяне от уплаты отказывались. Никакая власть не была вправе эту повинность взыскать. Помещики обратились с жалобой в германскую миссию и просили оказать воздействие на меньшевистское правительство в целях удовлетворения помещичьих претензий. Пока-что дело касалось удовлетворения дворян Горийского уезда. И германская миссия полностью защищала интересы помещиков.

Вот о чем писал представитель миссии Фон-Кресс правительству Жордания: „Я узнал о том, что все мои старания и личные просьбы об удовлетворении крестьянами помещиков Горийского уезда земельными повинностями за 1917 год остаются невыполненными... Наоборот, положение все ухудшается, так как помещики не имеют возможности входить в свои поместья и собирать то, что им по праву следует, ибо им угрожают убийствами. Принимая во внимание такое невыносимое положение, я беру на себя смелость предложить вам незамедлительно образовать комиссию в следующем составе: два представителя от правительства Грузии, два—от помещиков и один представитель миссии. Комиссия должна определить общую сумму взысканий в пользу помещиков, после чего она приступает уже к сбору повинностей. Для успешного выполнения последней задачи комиссии оказывают содействие и помощь местные правительственные органы, а

также специальный немецкий военный отряд. Прошу Ваше превосходительство дать мне возможно скорый ответ на вышеизложенное мое предложение, которое является единственным средством устранения вмешательства германских воинских частей в это дело».*)

Это письмо датировано 22 сентября 1918 года, и мы не без умысла привели его почти дословно. Обратите внимание на повелительный и в то же время насмешливый тон, которым изволил говорить этот господин с правительством «независимой» Грузии. Он считал для себя обязательным защиту граждан Грузии — в данном случае интересы землевладельцев — и в то же время предлагал грузинскому правительству немедленно составить комиссию для выяснения и разрешения вопроса в пользу помещиков. А для приведения всего этого в исполнение Фон-Кресс в помощь грузинскому правительству дает специальный отряд, выделенный из германских войск; в то же время генерал грозит—в случае невыполнения этого приказа мы, мол, сами приведем его в исполнение. Вот вам и н е з а в и с и м о с т ь, которую так явно попирал своим сапогом германский генерал! Фон-Кресс 2—3 дня спустя, 25 сентября вновь пишет правительству Грузии дерзкое и грубое письмо по этому же вопросу и присовокупляет следующее: «все граждане, каких бы политических партий они ни были, имеют право знакомить меня со своими политическими взглядами и обращаться ко мне с жалобами и просьбами».

*) См. „Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", стр. 382.

Меньшевистское правительство очутилось в очень неловком положении. Требований помещиков о взыскании податей оно удовлетворить не могло, но какой ответ могло оно дать Фон-Крессу?

27-го сентября за подписью Рамишвили Фон-Кресс получает следующее письмо: «Правительство признало законным организовать сельско-хозяйственный союз. Кроме того, я предложил представителям союза представить проект положения о бывших дворянах, что уже приводится в исполнение».*)

Еще не успели коснуться дворянских поместий, а меньшевики готовят уже проект об улучшении положения этих помещиков. Вообще вся эта переписка крайне интересна в смысле характеристики того положения, которое у нас тогда установилось. Это относится, главным образом, к крестьянству. Нечего и говорить о том, что Рамишвили дает Фон-Крессу слишком двусмысленный и увертливый ответ, чтобы глава германской миссии мог им удовлетвориться. Но и германской миссии, и самому Фон-Крессу в это время было не до того.

Дело в том, что в последнее время на боевом фронте счастье начинало изменять Германии, Антанта уже наносила ей поражения, и со дня на день можно было ждать полного ее разгрома, в виду чего начался уход германских войск из Грузии.

Поэтому Фон-Кресс уже не так настоятельно относился к выполнению своих предложений. Ему было уже не до того. Германские

*) См. „Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", стр. 385.

войска со своей миссией, в виду заключения договора о временном перемирии, принуждены были оставить границы Грузии, Вот почему вмешательство германской военной силы в дело урегулирования положения грузинских помещиков было совершенно случайно отставлено. Но не будь Германия разбита, Фон-Кресс со своими воинскими частями сделал бы, конечно, все возможное, чтобы удовлетворить помещиков. С другой стороны, ответ правительства Жордания, по существу, свидетельствовал о полном коленопреклонении перед командующим германскими силами. Мы этим хотим сказать, что акт меньшевиков о независимости Грузии являлся ничем иным, как фикцией, при помощи которой они обманывали народ. С неопровержимостью доказано, что меньшевики купили слишком дорогой ценой свое освобождение от турецкого пленения.

Одним из главнейших условий, формально не вошедшим в договор, но обоими сторонами сам собой подразумеваемым, было обязательство беспощадной борьбы правительства Жордания—Рамишвили с большевиками, что в тоже время предполагало активную борьбу против Советской России. В этом вопросе правительство Жордания—Рамишвили—Гегечкори вполне солидаризировалось со всеми партиями, начиная с деникинцев, и со всеми правительствами и странами—была-ли это Германия, Франция, Англия или Италия. Вспомните, о чем заявлял Евгений Гегечкори на совещании, устроенном между Грузией, с одной стороны, и кубанским правительством и войсками добровольцев—с другой,—в 1918 году 25-го сентября. На запрос Деникина Гегечкори заявил: «Что касается отно-

шений к большевикам, я могу сказать, борьба с ними на наших границах ведется беспощадно. Мы боремся против них всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении, и я думаю, с этой стороны у нас имеется целый ряд доказательств, подтверждающих мои слова». *) Нечего и говорить о том, что меньшевистский министр на этот раз горорил совершеннейшую правду. Действительно,—главнейшей и первейшей задачей меньшевистского правительства была беспощадная борьба с большевиками, борьба всеми средствами, между которыми не последнее место занимало использование сил германского империализма.

После ухода германских войск меньшевикам нужно было изыскать другие вспомогательные силы; но долго искать их им не пришлось, так как вслед за уходом Германии в Грузию уже входили, по милости меньшевиков и без спроса народа, победители германцов—представители Антанты—Англия, Франция и Италия.

Легко догадаться, что отношение Антанты к правительству Грузии и к грузинскому народу не могло быть лучше (если не хуже еще) отношения к ним Германии.

Англия вошла в Грузию и обосновалась тут в то самое время, когда между Грузией и Арменией по милости меньшевиков и дашнаков лилась братская кровь. Роль Англии в этом случае выразилась в том, что она принудила обе стороны, в особенности ободренных победой меньшевиков, прекратить войну, чем меньшевики и вообще вся грузинская шовинистиче-

*) „Документы и материалы по внешней политике Закавк. и „Грузии" стр. 405.

ская и национелистическая интеллигенция были крайне недовольны. Но делать было нечего, и надо было подчиниться воле нового барина.

Что касается отношений между государствами Антанты и Грузией, то мы можем на этот счет составить себе более или менее верное представление из сообщения, сделанного министром Гегечкори в так называемом парламенте Грузии в заседании его от 3-го января 1919 года:

«С тех пор, как к нам пришли представители государств Антанты,—сказал он,—которым дана была судьбой победа над германской коалицией, правительство Грузии смело может сказать, что оно могло без страха и стыда встретить их, как это было уже отмечено председателем правительства. Наше отношение к представителям государств Антанты было таково: вот наш нейтралитет, и вы не сможете указать ни на один случай или акт, который мог бы свидетельствовать о нарушении нами этого нейтралитета или о вооруженном выступлении против союзных государств. Сейчас вы пришли к нам, и пусть приход ваш будет в добрый час. Ваш мандат, по словам вашим, таков: вы призваны водворить в Закавказьи спокойствие и порядок, в частности и в Грузии. Мы заявляем, что Грузия своими собственными силами сумела водворить у себя порядок... (для чего-же приглашали к себе германцев? Об этом забывал г-н Гегечкори. Ф. М.) Мы считаемся с вашими заявлениями о том, что планы ваши и ваши перспективы выходят за границы Грузии. Мы в то же время считаемся и с тем, что вам, для осуществления ваших планов, неизбежно нужно будет использовать существующий тут

аппарат. Но вместе с тем правительство Грузии решительно и категорически заявляет о том, что использование вами этого аппарата возможно при одном лишь условии—нашего на то согласия».

Это заявление министр Гегечкори сделал в заседании парламента. И, конечно, все представлялось тут в розовом свете. Но даже из-за этой розовой окраски проглядывало ясно незавидное положение грузинского правительства, принужденного уступить свой государственный аппарат английским империалистам для осуществления их целей.

Каковы были цели Англии—это для всех было ясно: борьба с большевиками и советской властью России.

Меньшевики, понятное дело, с радостью оказывали английским империалистам в этом деле свою помощь, и устапали им свой аппарат. Таков был их «нейтралитет». В работе на английских и французских империалистов эти господа не видели оскорбления и унижения для «независимой» Грузии.

Как относилась английская миссия к грузинскому правительству и в какие отношения ставила его к себе, видно, между прочим, из письма, полученного президентом республики Грузии Н. Жордания из английской миссии за подписью полковника Джордана; «Во избежание всяких недоразумений должен известить Вас, что приход союзных войск в Вашу столицу имеет целью установление междуплеменного мира и согласия, а также желание водворить в Закавказьи порядок. Я уверяю Ваше превосходительство в том, что мы в вашу вну-

треннюю политику не будем вмешиваться... Вы очень обяжете меня, если пришлете завтра мне автомобиль и офицера, который укажет нам дома, назначенные вами для расквартирования в них войскСогласия».

Таким языком говорил с президентом республики простой офицер английского войска. Где была тут элементарная вежливость и уважение и тень независимости?

Все это растаптывалось под ногами. Английские войска чувствовали себя, как в обыкновенных своих колониях.

Английские воиска своим поведением возмущали население. Они его всячески третировали. Но грузинское правительство, во главе с Жордания, пресмыкалось перед английским войском и его офицерством. И когда в последних числах августа месяца 1919-го года грузинское правительство узнало об оставлении английскими войсками Закавказья, Жордания коленопреклонно умолял английское командование не покидать Грузии и не бросать меньшевиков на произвол судьбы.

Вот каковы были нейтралитет этих господ и их независимость.

Но англичане, натворив как у нас, так и по всему Закавказью массу зла, гадостей и дикостей, все-же ушли.

И все население, кроме меньшевиков, провожало их проклятиями и гневом.

Вернемся к Национальному Совету Грузии, переименованному впоследствии (4-го октября 1918 года) в Парламент Грузии. Как видно, этих господ больше всего интересовали ярлыки, И нужно было ожидать, что этим закончится их эволюция: у них уже был «демократический»

парламент, в котором они делали все, что душе их было угодно. Но нет: все новые и новые ярлыки увлекали их. И вот сейчас они решили созвать «Учредительное Собрание». Во всяком случае, тайну эту могли знать разве только одни меньшевистские лидеры. Сначала Национальный Съезд, затем Национальный Совет, затем Парламент, и после всего этого снова Учредительное Собрание! Это было именно горчицей после ужина.

Учредительное Собрание было созвано с обычным шумом, 12-го марта 1918 года. Его первый состав был таков: меньшевиков (с.-дем.)—105 чел., соц.-федералистов—9, национал-демократов—8, эсеров—5 и дашнаков—3, всего 130 членов.

Таким образом, и тут полными хозяевами были меньшевики.

Насколько меньшевистская учредилка была нелепа и во всех отношениях никчемна, лучше всего видно из доклада самого Н. Жордания, который он сделал Собранию и в котором говорил: «..... Сейчас мы имеем троякого рода благо: спокойствие и мир извне, мир внутри и все завоевания революции. Ни одно Учредительное Собрание не созывалось еще при более выгодных общественных условиях. Каждое из них бывало принуждено все эти три блага самому приобрести, самому их в борьбе завоевать и уже затем осуществить в жизни. Нашему-же Учредительному Собранию все это досталось уже готовым».

Более красноречиво охарактеризовать нелепость и бессмыслие этого Собрания было невозможно. Всюду и всегда Учредительное

Собрание созывалось в процессе борьбы и путем борьбы осуществляло волю народа, а наше Учредительное Собрание все это застало наготове! Более уничтожающей критики трудно было бы представить себе.

Мы уже в свое время отметили, что все, что нужно было сделать меньшевикам, они уже совершили сначала на Национальном С'езде, а затем в Национальном Совете. У них уже ничего не оставалось для творчества.

Встает вопрос после всего этого: для чего им нужно было Учредительное Собрание?

Дело в том, что им необходимо было оправдать свою во всех отношениях несчастную и лишенную реального значения теорию о буржуазной революции, почему они и забрались в болото и так в нем погрязли, что выбраться оттуда никак уже не могли.

Но Жордания врал, когда утверждал о том, что у нас, мол, имеется три блага: внешняя тишина и спокойствие, внутренняя тишь да гладь и все завоевания революции. Это была неправда с начала и до конца. В то время внешние враги осаждали Грузию почти со всех сторон (Сочинский фронт, Ахалцих, Ахалкалаки, границы Армении), угрожая ей разрушением, и только двусмысленное поведение англичан несколько сдерживало натиск внешних врагов.

Что же касается внутреннего спокойствия и тишины, а также защиты всех завоеваний революции—это было, во-первых, извращением действительности и, во-вторых, явной насмешкой. О какой революции говорил Жордания? Как сам он, так и его партия, профанировали

лишь революцию, доказательством чего была вся их двухлетняя деятельность.

Врал Жордания и тогда, когда заявлял на том-же собрании: «Впервые у нас образовалось правительство, вокруг которого сгруппировались все демократические и революционные организации, правительство, которому безо всякого протеста подчиняется весь народ, вся демократия»... Значит, большевистская партия, осудившая правительство меньшевиков и об'явившая ему войну, является организацией контр-революционной! Таким же контр-революционным является, значит, и крестьянство, которое не только протестует, но со дня господства меньшевиков все время организует против их правительства даже восстания! Все это ложь и фальш, которые никем, даже самим Жордания, не принимались на веру.

Далее Жордания в том-же докладе*) коснулся финансового положения и сказал:

„Государственная казна Грузии со дня большевистского переворота в октябре 1917 года не получала из России ни одной копейки. Вы легко представите себе наши финансовые затруднения. И когда мы провозгласили независимость Грузии, казна наша была совершенно пуста. Но, не взирая на это, мы все-же дожили до сегодняшнего дня, не прибегнув к внешнему займу. Правда, источники доходов у нас, с финансовой точки зрения, не выдерживают никакой критики, но у нас никаких путей и не было кроме печатания бон... Доход казначейства к 1-му января равнялся всего на-всего 96.188.000 руб., расход—

*) Стеногр. отчеты Учредительного Собрания.

342.244.000 руб. Дефицит был равен 246.056.000 р. и был покрыт выпуском бон. За тот же промежуток времени наша внешняя торговля дает; импорт из за-границы 140.929.260 руб., экспорт —87.494.105 руб. Перейдем к государственным имуществам. Благодаря аграрной реформе, в руках государства сегодня сосредоточено до 2.000.000 десятин леса, до 500.000 дес. пахотных участков, от 800 до 1000 дес. пастбищ, курорты с принадлежащими им дворцами, минералеными источниками, рудники и пр. Тут, конечно, не упомянута передача пахотных земель крестьянам в частное владение, согласно постановлению парламента. С этой статьи дохода мы ожидаем получить не менее 200 миллионов руб...

... Наше финансовое положение затрудняют железные дороги, дающие громадный дефицит. Это об'ясняется работой самих дорог. Они принуждены были на свои средства перевозить вначале русские эшелоны, затем германские и турецкие войска, далее опять турецкие и, наконец, английские".

В приводимом выше отчете много достойного внимания.

Оставим в стороне похвальбу Жордания относительно того, что мы, мол, хотя не получали из российской казны ни копейки, а вот живем. Мы видим из приведенного отчета, что меньшевистское государство стояло на пути полного банкротства, кроме печатания бон, у него не имелось никаких источников дохода, а расход был громадный. Железные дороги были в катастрофическом положении. В то же время меньшевиками ввезено в Грузию втрое больше, чем вывезено.

Но самое удивительное в заявлении Жордания—факт меньшевистской спекуляции на перепродаже крестьянам земель, отобранных у помещиков.

Спекуляция эта должна была принести меньшевикам не менее 200 миллионов рублей.

Такова была аграрная программа меньшевиков, таково было разрешение ими земельного вопроса в действительности.

Взамен бесплатной передачи крестьянам отобранных у помещиков земель — продажа этих-же земель крестьянам. Но и это не помогало делу обогащения государственной казны, ибо на этом заседании Гегечкоры заявлял следующее:

„Правительство считает необходимым констатировать ощутительное падение производительности труда... Продовольственный кризис постепенно обостряется".

И это было именно так. И правды этой меньшевики скрыть не могли.

Очень любопытен был, как явление характерное, первый декрет Учредительного Собрания, касавшийся организации грузинского правительства. Декрет этот заключал в себе два пункта:

1. Поручается члену Учредительного Собрания Ною Жордания составить правительство Грузинской Республики—под его же председательством.

2. Председатель правительства в то же время является верховным представителем республики Грузии".

Таким образом — председатель правительства, избранный Учредительным Собранием, делается главой этого же Учред. Собрания, и

превращается, значит, в нелепость один из продуктов меньшевистской деятельности. Так оформилась хваленая демократия этих господ. Мы уже не говорим о том, каким образом происходили выборы в Учредительное Собрание, и были-ли случаи насилий и фальши при выборах, ничего не говорим об об'явлении истинно-революционными элементами бойкота как выборам, так и самому Учредительному Собранию.

Словом—все следы демократии были тут стерты.

Для завершения картины своего антидемократизма меньшевики, по постановлению самого Учредительного Собрания, узаконили следующую меру: чтобы не дать возможности представителям нац-меньшинств высказываться, было воспрещено в заседаниях Учредительного Собрания говорить на каком быто ни было языке, кроме грузинского. Итти дальше по пути извращения и умаления принципов демократизма едва-ли было возможно.

Учредительное Собрание просуществовало довольно долго. Формально оно кончило свои дни с введением во всей Грузии власти Советов (12 марта 1919 г.—февраль 1921 г.). За это время это нелепое учреждение всем осточертело. Думали только о том, как бы от него избавиться.

Учредительное Собрание умирало естественной смертью.

Оно было тогда уже трупом, который оставалось лишь предать земле.

И роль эта выпала на долю большевиков, выведших грузинский народ из тупика, в который его загнали меньшевики.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ ПРОТИВ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ (1918—1921 ГОДЫ)

I.

Переходим к наиболее интересному и значительному отделу настоящего труда—к крестьянским восстаниям против власти меньшевиков.

К сожалению, для основательного освещения этого вопроса у нас слишком недостаточно материалов. Когда-нибудь должна быть написана подробная история этих восстаний. Пока же ограничимся теми отрывочными и случайными данными, которые можно найти либо в меньшевистских изданиях того времени, либо в личных воспоминаниях наших товарищей. Само собой разумеется—такие скудные и скупые сведения не могут дать нам, хотя бы приблизительно, верной картины крестьянского движения в Грузии, главным образом за годы 1918—1919.

Прежде всего необходимо теперь-же отметить, что одно в высшей степени важное обстоятельство является характеризующим крестьянское движение в Грузии за упоминаемые годы, а именно: движение 1918 года имело по преимуществу характер стихийный,

не носило в себе либо никаких признаков организации, либо в исключительных случаях в крайне слабой степени.

В этом отношении совершенно иную картину развертывают восстания 1919 года: все они хорошо-ли, плохо-ли, а носят на себе печать организованности и заранее выработанного плана. Но как восстание 1918 г., так и 1919 года родились на одной и той же почве — недовольства меньшевистской властью. Целью этих вооруженных выступлений было свержение этой власти.

Вообще 1918 год начался большими волнениями и недовольством, что выразилось, главным образом, в нашем крестьянстве. Эти волнения и недовольства, впоследствии переходящие в открытые вооруженные стычки, возникают в различных, друг от друга совершенно независимых местах, в разных уездах и районах, и при том почти в одно и то же время. Лечхум, Горийский уезд (Южная Осетия), Мингрелия (Сенакский и Зугдидский уезды), Сухум (Абхазия), Душетский, Шорапанский уезд (Сачхерский район) являются главнейшими центрами крестьянских восстаний впродолжении 1918 года.

Обстоятельством, заслуживающим большого внимания и вдумчивого отношения к себе, было следующее: крестьяне разных районов почти одновременно берутся за оружие против тирании меньшевиков, без предварительных друг с другом сговоров и соглашений, причем даже (что особенно печально) не зная совершенно о том, что делается в соседнем уезде и районе. Конечно, это обстоятельство очень способствовало скорейшей ликвидации этих восстаний.

Сумбурность и бесплановость крестьянских выступлений, отсутствие связи между районами об'яснялись полною почти разобщенностью в то время большевистского центра, находившегося в Тифлисе, с провинцией. Большевистских организаций, если исключить Кутаис и Гори, почти не существовало по периферии, а если где они и существовали, то были крайне слабы.

Таковы были существовавшие в Западной Грузии организации (уезды Сенакский, Зугдидский, Озургетский, Кутаисский и Рачинский). Но и сами эти организации не были ясно оформлены и об'единены в уездные или губернские центры. Первый опыт такого об'единения был сделан в Кутаисе на конференции большевистских организаций Западного Закавказья 20—23 февраля 1918 года, на которой были представлены 32, большей частью мелкие, сельские организации.

Это был лишь опыт, осуществить который, в условиях того времени, было невозможным. Но, с другой стороны, кое-где в большом количестве можно было найти лиц, не входивших ни в какие большевистские организации, тем не менее настроенных по большевистски, либо сочувствовших лозунгам большевиков.

Они не были связаны с большевистскими организациями, но прекрасно были осведомлены, какие лозунги выставляются ими и в России, и у нас. Они прекрасно видели, что меньшевики, захватившие в свои руки власть, все больше и больше отдаляются от революции, не выполняют своих обещаний крестьянству, а значит—ему изменяют.

Прежде всего это касалось земельного вопроса. Меньшевики намеренно оттягивали

отобрание помещичьих земель и передачу их крестьянам. Правда, они издали смехотворный декрет, касающийся земли, который на самом деле являлся обеспечением больше того-же помещика; что-же касается беззе мельного или малоземельного крестьянства, земля передавалась ему за плату. Значит, декрет этот даже отчасти не разрешал земельного вопроса, не говоря уже о том, что самый декрет оставался лишь бумажным актом.

Крестьянству наскучило ждать, и оно окончательно изверилось в партии меньшевиков, потеряв к ней всякое уважение.

Понятное дело, мы говорим здесь о беспартийном крестьянстве.

Но были еще вопросы, по которым грузинское крестьянство совершенно не солидаризировалось с меньшевиками.

Это было по вопросу взаимотношений с Советской Россией. Крестьянство решительно было против разрыва сношений с Россией. Крестьянство инстинктивно чувствовало, что разрыв с Россией готовит всей Грузии несчастье, так как маленькой Грузии было не по силам уберечь себя от внешних врагов.

И крестьянство рассуждало совершенно правильно. И нет ничего в том удивительного, если большевистские лозунги о советской власти, о земле, о мире находили большой и сочувственный отклик в коллективном сердце крестьянства.

Для крестьян все эти лозунги были и близки, и понятны, и дороги.

Плохо было лишь отсутствие в то время у крестьянства такой организации, которая была бы для него руководящим началом в моменты

революционных его действий. И оно, таким образом, оставалось совершенно беспомощным именно тогда, когда и руководительство, и помощь ему были особенно необходимы.

Но и сами крестьяне чувствовали, что выступать неподготовленными к восстанию не годится. И, действительно, отделенное друг от друга расстоянием, не имея друг с другом связи, крестьянство готовилось к восстанию, искало оружие, организовывало отряды и пр. и пр.

С своей стороны и большевистский центр—Краевой Комитет, насколько ему удавалось связаться с крестьянами различных уездов, советовал им по возможности воздерживаться от выступлений до тех пор, пока они не будут подготовлены, пока у них не будет вооруженных отрядов и достаточного количества боевых припасов. Но такая подготовка была очень трудна, а в последнее время сделалась даже и невозможной.

Дело в том, что от внимания меньшевиков не укрылось вышеупомянутое нами обстоятельство, т.-е., во первых, недовольство, которое охватывало крестьян, и, во вторых—приготовления к восстанию.

Меньшевики, конечно, решили принять против этого всяческие меры. Первым делом они приступили к обезоружению крестьян.

Эти господа, с такой охотой вооружавшие на Северном Кавказе шайки карауловских контрреволюционеров, раздававшие у нас оружие темным и подозрительным элементам, приступили к обезоружению крестьян.

На этот предмет у них имелась так называемая Красная гвардия под начальством ренегата В. Джугели.

Это была та самая гвардия, которая 30 ноября 1917 года при помощи обмана и провокации захватила Тифлисский Арсенал. Гвардия состояла в большинстве своем из рабочих меньшевиков и действовала от имени Тифлисского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Таким образом, с внешней стороны гвардия являлась как бы революционной организацией, чему рабочие и верили.

Надо сказать, что это обстоятельство сильно влияло на всех окружающих и очень облегчало меньшевикам их работу в пользу контр-революции. И гвардия сделалась орудием в руках контр-революции.

Если вы оставите в стороне все, возьмете в руки только бредовой «Тяжелый Крест» В. Джугели и перелистаете его, вы вполне убедитесь в том, какую постыдную и в то же время контр-революционную роль сыграла эта гвардия, которую вернее было бы назвать не Красной, а Черной гвардией и которой крестьянством была дана совершенно справедливая кличка дворянской.

Гвардия начала с того, что приступила к разоружению грузинских полков.

Меньшевики только что приступили к организации и созданию грузинских войсковых частей. Но, к их несчатью, скоро, обнаружилось, что части эти были уже обольшевичены. В первую очередь необходимо было, значит, их обезоружить. Такие части обнаружены были в Гори, Кутаисе, Телаве и Душете.

Гвардия, под начальством Джугели и при участии грузинских офицеров, неожиданно являлась в каждую из этих частей и поочередно

обезоруживала их. Это происходило в январе и феврале 1918 года.

Следует отметить, что без участия грузинских офицеров меньшевикам очень было бы трудно разоружить эти войсковые части. Это офицерство, состоявшее, главным образом, из дворян и помещиков, оказывало охотно помощь меньшевикам в борьбе их как с большевизмом, так и с советской властью. И отныне гвардия В. Джугели и грузинское дворянское офицерство, соблюдавшее лишь помещичьи интересы, действовали дружно и рука об руку всюду за все время усмирения крестьянских восстаний. И крестьянство было совершенно вправе, значит, назвать гвардию В. Джугели дворянской гвардией. Меньшевиков это название шокировало, но против фактов ничего нельзя было поделать.

Крестьянские волнения прежде всего начались в Горийском уезде (Карталиния), в котором сосредоточено самое сильное дворянство и самое крупное землевладение. В этом уезде крестьянство, больше чем где-либо в Грузии, было стесняемо и угнетаемо. Тут беспорядки проявились в том, что крестьяне, во первых, не подчинялись власти меньшевиков и, во вторых, в целях освобождения из-под ярма помещиков, сами с ними справлялись, т. е. попросту убивали их (убийства Цицианова, Везирова и др.).

После разоружения Горийского полка, солдаты которого рассыпались по деревням, меньшевики приступили к разоружению деревень, быстро обнаружили убийц помещиков (Цицианова и Визирова), которых без суда и следствия расстреляли. Это обстоятельство вызвало еще

большее волнение и озлобление среди крестьян. Недовольные элементы собирались в Цхинвальском и Джавском районах, где осетины не могли примириться с новоявленным меньшевистским ярмом.

Осетины знали, что после разоружения Горийского полка и карталинских деревень дойдет очередь и до них, почему и стали готовиться к оказанию сопротивления. Тут движение носило явно большевистский характер, но связи с тифлисским большевистским центром у них не было.

Так как большинство тут состояло из осетин, и руководительство восстанием принадлежало осетинам, движение приобретало здесь также и национальный характер. С одной стороны, грузинские меньшевики с обманутыми грузинскими рабочими и дворянским офицерством и, с другой,—осетинское крестьянство. Меньшевики спровоцировали между грузинами и осетинами национальную рознь и ненависть, которую впродолжении трех лет все больше и больше разжигали. Кроме этого, осетинство решительно стояло за власть Советов, и в то же время, как национальное меньшинство, требовало себе автономных прав. Меньшевики решили „проучить" их, т. е. разоружить и переловить их главарей.

Но это оказалось не таким легким делом.

Тифлисское правительство полагало, что для этого достаточно будет горийских меньшевистских сил. В средних числах марта месяца из Гори отправляется в Цхинвали вооруженный отряд численностью до четырехсот человек под начальством меньшевиков Мачабели и Кец-

ховели. Как видим, это было настоящим нашествием со стороны меньшевиков. И цхинвальскому населению надо было это нападение отбить. И господа меньшевики на месте убедились в том, что противник, в сравнении с ними, был куда сильнее, почему их главари и прибегли к хитрости и уловке: они решили обмануть осетин.

— Мы выполним все ваши требования! —об'явили они делегациям осетин.

Приводим здесь любопытную выписку из меньшевистской газеты. Автор заметки, меньшевик, сам участник цхинвальских событий, приблизительно знакомит нас с теми приемами, с помощью которых г. Мачабели старался расположить к себе сердца повстанцев. Вот, между прочим, образчик той хитрой и льстивой речи, с которой он обращался к делегации осетин:

... „Что-же касается ваших требований, мы их целиком принимаем. Эти требования таковы: вы требовали изгнания из Горийского уезда дворян, но затем мы с вами согласились, что такое постановление послужило бы поводом к насмешкам над нами... и этот вопрос был нами снят с обоюдного согласия...

Второе ваше требование — освобождение Харебова и других, — это тоже дело легкое; третье — увод отсюда Казишвили, Ал. Майсурадзе, Гогинова и еще одного. И на это мы согласны. Что-же касается свободы слова, передачи оружия в распоряжение исполнительных комитетов,—это ведь наше искреннее желание“ .. (См. „Эртоба“. 1918 г., 24 марта).

Все это, конечно, было насмешкой. Мачабели нужно было лишь выиграть время, чтобы успеть получить из Тифлиса дополнительные

подкрепления. Кроме того, ему хотелось внести некоторую струю дезорганизации в среду восставших путем удаления некоторых элементов. Но карта его был бита. Повстанцы решили уничтожить отряд Мачабели, и решение это было приведено в исполнение. В результате возгорелась настоящая война.

Из Тифлиса присланы были вспомогательные силы под начальством полковника Кониашвили и В. Джугели. Почти две недели длилась эта война, и восставшие осетины были разбиты. Это поражение обошлось им слишком дорого, меньшевики безжалостно расстреливали пленных, разрушали и сжигали деревни, чем вызвали к себе ненависть всего осетинского народа. Эта народная ненависть к меньшевикам была так остра в Юго-Осетии, что меньшевики впоследствии носа не смели туда сунуть. Но и меньшевикам победа над осетинами обошлась недешево: множество членов партии было убито, в том числе Мачабели и Кецховели.

Таким-то образом была вырыта глубокая и непроходимая пропасть между меньшевиками и Юго-Осетией. Она потерпела поражение, но поражение это—не поражение народного духа. В лице осетин меньшевики приобрели себе непримиримых врагов. И с этой поры в Осетии не прекращалась антименьшевистская агитация —с одной стороны, и с другой—работа за большевизм и власть Советов, для чего почва тут была уже всецело подготовлена.

Вскоре после цхинвальских событий большевистский Краевой Комитет приступил к созданию в Юго-Осетии большевистских организаций, центром которых было сел. Джава.

А меньшевики предполагали, что они навсегда научили осетин уму-разуму и приобрели их расположение.

Вот о чем писал, между прочим, в своем дневнике В. Джугели: «Да, мы ликвидировали цхинвальские события, и народ понял нас».*) Да, действительно, он понял и узнал вас, но не как друзей своих, а как неусыпных своих врагов! И это не раз чувствовали уже меньшевики.

Осетия успокоилась, но лишь временно, в ожидании более удобного момента.

Юго-Осетия вообще стала базой пропаганды за советскую власть.

— —

II

Еще задолго до цхинвальских событий, совершенно неожиданно, в одном из глухих уездов Западной Грузии — в Лечхуме — вспыхнуло крестьянское восстание.

В этом уезде большевисткой организации, как таковой, не существовало. Но тут было много вернувшихся с фронта солдат, настроенных большевистски и сочувственно относившихся к советской власти.

В это же время представители меньшевистской власти насильничали и творили тут всяческие злодеяния. Кроме всего этого, в уезде ощущался почти полный недостаток в предметах первой необходимости (соли, керосине, мануфактуре и пр.).

Когда в начале 1918 года началось общее преследование и слежка за большевиками по всей Грузии, были произведены аресты и здесь. Вслед-

*) „Тяжелый Крест“ В. Джугели, стр. XXXII.

ствие этого чаша крестьянского терпения переполнилась, и совершенно неожиданно они восстали, что выявилось в нападении их на комиссариат, и снятии некоторых служащих с должностей.

Характерным было присоединение всего состава уездной милиции к восставшим.

Все крестьянское население было охвачено восстанием. Произошло оно во второй половине февраля 1918 года. К сожалению, большевистский центр о лечхумском восстании своевременно не был извещен. Подробных сведений мы и сейчас не имеем. Некоторую характеристику этому восстанию дает приказ меньшевистского правительства, которым весь Лечхумский уезд об'является вне закона.

Такая мера свидетельствовала скорее о бессилии правительства перед лицом восставшего народа.

Приводим некоторые места из воззвания, обнародованного губернским комиссаром о восстании лечхумских крестьян. Вот, между прочим, о чем говорилось там: „Согласно полученным сообщениям, весь Лечхумский уезд охвачен беспорядками. Темные силы вооружают народ против революционного правительства, революционных организаций и их представителей. Осмелевшая толпа в Цагери напала на комиссариат, сместила служащих и т. д.

Дерзость темных сил пошла еще дальше. Она преградила путь Красной гвардии, посланной из Кутаиса кутаисским Советом Рабочих в Цагери, окружила ее, разрушила мосты, обрезала телеграфные провода, силой взяла 6 винтовок, застрелила несколько коней, воспретила развертывать красное знамя и потребовала

выдачи революционеров: Левана Дадешкелиани, Рубена Кипиани и др.

Темные силы позволили себе оклеветать кутаисскую Красную гвардию, назначением которой было совместное с местными революционными организациями, установление революционного порядка и охрана мирного населения от безответственных вооруженных элементов, и называть ее контр-революционн. отрядом.. в виду всего этого издается приказ, об'являющий весь Лечхумский уезд вне закона до тех пор, пока не будут выданы виновники и не будет сдано оружие

Казначейству, губернскому продовольственному комитету и всем правительственным учреждениям приказывается прекратить всякую связь с Лечхумским уездом. Начальнику кутаисской народной милиции, а также начальникам народной милиции Хони, Тквибули и Рачи вменяется в обязанность закрыть дороги, ведущие в Лечхум, и тем прекратить всякое движение, перегон скота и перевозку продовольствия из Лечхумского уезда. В случае, если и после этого население Лечхумского уезда не водворит у себя немедленно революционного порядка, не выдаст зачинщиков и оружия, мы будем принуждены силой оружия подчинить себе весь Лечхумский уезд, как контр-революционный",

Этот „исторический" документ, являющийся одним из образчиков „творчества" грузинских меньшевиков, сам по себе свидетельствует о серьезности восстания крестьян Лечхумского уезда. Все население Лечхума—женщины,

мужчины, взрослые и дети — восстало против меньшевиков.

Но, несмотря на это, восстание было обречено на гибель.

Восстание вспыхнуло неожиданно, не будучи заранее подготовленным и планированным. Оно было совершенно изолированным от всего окружающего и, как таковое, неизбежно было обречено на неудачу и гибель. Движение это, лишенное предусмотрительного руководительства, не в состоянии было долго продержаться, тем более, что у населения не было ни продовольствия, ни боевых припасов.

Меньшевики послали в Лечхум гвардию, милицию и воинские части с артиллерией. Повстанцы, после яростного сопротивления, принуждены были сложить и сдать оружие.

Таким образом, население сдалось, но это не было внутренним, глубоким умиротворением перед меньшевизмом. Для меньшевиков лечхумское население, наоборот, было навсегда потерянным.

III.

Массовое большевистское движение против меньшевиков скоро стихийно охватывает Мингрелию (Сенакский и Зугдидский уезды) и Абхазию.

Движение это, принявшее вскорости характер восстания за советскую власть, проходило в условиях мало подходящих и тяжелых. Дело в том, что в это самое время происходило вступление турецких войск в Закавказье, и, в частности, в Грузию (март—апрель—май). С того времени, как Закавказский Сейм и

меньшевики не сочли для себя обязательным договор, заключенный в Брест-Литовске, по которому Карс, Батум и Артвин должны были перейти к Турции, с условием установления для населения этих районов плебисцита. Турция решила силой оружия осуществить свои права на эти провинции. Вступление турецких войск в Закавказье и занятие ими Бутума, Карса, Артвина и части Озургетского уезда совпало с началом большевистского движения в Мингрелии и Абхазии.

Меньшевики воспользовались этим совпадением с провокационными целями и стали распространять о большевиках среди населения самые гнусные сведения, вроде того, что они являются агентами и шпионами Турции.

Несмотря на то, что Брест-Литовский договор создавал очень тяжелые условия как вообще для России, так, в частности, для Закавказья, местные большевики, при создавшихся условиях, стояли за этот договор, ибо другого выхода не было при отсутствии как у Закавказья, так и у Грузии, в частности, достаточных сил, чтобы оказать турецким войскам сопротивление.

Меньшевики обнаруживали полную неосмысленность и допускали преступную ошибку, категорически отказываясь признать Брест-Литовский договор, так как, в конце концов, им пришлось согласиться на гораздо худший договор. Но пока-что эти господа всячески старались осрамить и дискредитировать в глазах народа как Советскую Россию, так и Брест-Литовский договор. Самих себя меньшевики выставляли настоящими героями, большевиков-же, которые считали обязательным для Закавказья Брест-

Литовский договор, они иначе не называли, как предателями и изменниками родины.

Нужно сказать и то, что нелегко было решить, на чьей стороне правда: на стороне большевиков-ли, которые считали для себя обязательным соблюдение этого договора, или меньшевиков, которые эту обязательность отрицали. Вопрос этот вызывал в некоторых даже большевиках некоторые сомнения. Два-три месяца спустя победительница-Турция продиктовала Грузии условия, которые были на-много более постыдны и позорны, чем брест-литовские.

Но в данном случае заслуживало гораздо большего внимания другое обстоятельство. Меньшевики гораздо легче мирились с мыслью быть побежденными турками, нежели большевиками. Они были готовы итти на гораздо большие уступки туркам, чем большевикам. Пойти на кое-какие уступки этим последним, а тем более быть ими разбитыми—для меньшевиков было равносильным смерти.

Этим именно можно было об'яснить, что для меньшевиков большего внимания заслуживал внутренний фронт, т.-е. борьба против большевиков, перед фронтом внешним. Все свои силы они бросали на внутренний фронт, даже тогда когда борьба требовалась на обоих фронтах — и внутреннем, и внешнем.

Когда турецкие войска заняли Батум и продолжали продвигаться дальше к Озургетскому уезду, меньшевики главные свои силы, в том числе и гвардию под начальством Джугели, посылали против «домашних», внутренних «врагов» —большевиков—в Мингрелью и Абхазию.

1-го апреля турецкие войска почти без боя заняли Батум. Меньшевистские войска отступили, не сделав ни единого выстрела. Эти войска обнаруживали большое мужество в борьбе с восставшими против меньшевистского режима крестьянами. Что это так, видно, между прочим, из дневника Джугели. Вот о чем он пишет:

«1918 г., 4-ое апреля. Самтреди. Вчера ездили в Натанеби. Натанеби наша последняя станция. В Кобулетах уже турки. Думаем здесь укрепиться, но позволит-ли неприятель? А тут еще новое несчастье — т а к н а з ы в а е м ы й «б о л ь ш е в и з м». Мой Сухум уже в руках большевиков, а в Мингрелии они постепенно наглеют. Турки и большевики... Это внутренние враги демократии.*)

И вот меньшевики оставляют внешний фронт и бросаются на фронт внутренний.

„Завтра,—пишет в дневнике Джугели,—приступаем к решительным, быстрым действиям. Нужно как можо скорее ликвидировать эту измену, чтобы во-время поспеть на фронт".**) И он со своей гвардией, милицией и войсковыми частями нападает на восставших крестьян. Меньшевистские отряды обстреливают крестьян с нескольких сторон артиллерийскими снарядами, а в это-же время турецкие войска наносят поражения меньшевистским силам, отступающим все дальше и дальше. Но есть поражения и поражения. То поражение, которое понесли меньшевики на внешнем фронте, было настоящим и постыдным поражением. И это случилось оттого, что меньшевики, задушив революцию,

*) См. „Тяжелый Крест" стр. 2.
**) Там же, стр. 2.

убили в народе всякий под'ем. Что это было именно так, доказывает тот-же дневник Джугели;

„Народ меня разочаровал. Его тупое равнодушие убивает мой верующий идеализм... Даже в этой оборонительной святой войне народ не всколыхнулся, не стал на защиту своей революции. Нет никакого под'ема, отсутствует всякий энтузиазм».*)

Удивительно только одно — от кого ожидали эти господа такого под'ема, единодушия в деле защиты? Неужели от тех крестьян, которых они расстреливали из пушек и пулеметов? Неужели-же эти господа полагали, что эти крестьяне с радостью и воодушевлением последуют за ними?

Как мы уже упоминали выше, первые выступления в Мингрелии начались в начале апреля 1918 года в Накалакеви, Бандза и Мартвили. Тут принимали участие приблизительно до 600 вооруженных крестьян под руководством Аскурава, Миши Гегечкори*) и др. Против них меньшевики выставили всю кутаисскую резервную милицию, гвардию и войсковые части с артиллерией и пулеметами; бои были в Бандзе, Мартвили и Накалакеви. После боя восставшие отступили в горы и перешли в Абхазию.

Второе восстание в Мингрелии началось, приблизительно, в последних числах мая 1918 года, когда туда прибыл бежавший из меньшевистского плена Саша Гегечкори.

Восстание началось в Салхино и внезапно разлилось по всей горной Мингрелии (Зугдид-

*) См. „Тяжелый Крест", стр. 6.

**) Эти товарищи погибли в бою. Миша Гегечкори был левым эсером. Ф. М.

ский и Сенакский уезды). В Сенакском уезде стояло постоянно под ружьем до 600 человек, в Зугдидах—450 чел. Кроме этого, во всех деревнях существовали вооруженные ячейки по 20—25 человек в каждой.

В средних числах мая большевики заняли г. Сухум и Сухумский округ, находившийся в их руках впродолжении почти двух месяцев.

Таким образом, втечение нескольких месяцев борьба в различных районах и уездах против меньшевистской власти не могла дать нигде ни малейшего успеха. Большевистский Краевой Комитет, находившийся в то время пока еще в Тифлисе, не мог не обратить на это обстоятельство серьезного внимания. У него имелся уже боевой опыт трех-четырех месяцев. Необходимо было во что бы то ни стало выяснить причину этих поражений и, с одной стороны, осветить их, а, с другой—,выработать план будущей борьбы. В это время (май 1918 года) центр крестьянских восстаний находился в Западной Грузии—именно в г. Кутаисе. Поэтому тут созвано было совещание, на которое из Тифлиса прибыло несколько членов Краевого Комитета.

На совещании выяснилось приблизительно следующее: 1) крестьянская масса явно сочувствовала советской власти; 2) крестьянские восстания почти всюду носили характер стихийный; 3) восстания происходили разрозненно, без взаимной связи; 4) движению недоставало руководящего начала, но самым слабым его местом являлся недостаток боевых припасов или даже полное их отсутствие.

Было ясно, что при таких условиях крестьянские восстания были обречены на неудачу.

К такому выводу пришло кутаисское совещание. Необходимо было принять срочные меры. Принимая во внимание все это, Краевой Комитет вынес такое постановление: необходимо было принять все меры к тому, чтобы отныне восстания не происходили стихийно, чтобы восстаниями руководили местные организации и чтобы начало их происходило с разрешения Краевого Комитета; с другой стороны, так как опыт показал, что одной из главных причин поражения восстаний являлся недостаток и отсутствие боевых припасов, Краевой Комитет постановил, чтобы перед тем, как приступать к восстанию, оно должно быть обеспечено достаточным количеством боевых припасов на первое, по крайней мере, время. Кроме этого, необходимо было где-нибудь для организации восстания иметь базу.

После прихода в Грузию турецких и германских войск, занявших почти все стратегические пункты и начавших мародерствовать, устройство такой базы было у нас делом и трудным и очень опасным. Самым надежным в этом отношении местом была Юго-Осетия, но ее, как мы уже знаем, несколько месяцев тому назад разгромили меньшевики, почему устройство базы здесь могло бы явиться источником новых бедствий для Юго-Осетии.

С другой стороны, по мнению Краевого Комитета, устройство такой базы было бы более удобно и легко на Северном Кевказе, тем более, что там уже существовала советская власть, которая, конечно, оказывала бы Краевому Комитету всяческую помощь в деле организации и руководительства восстаниями в Грузии. Поэтому в последних числах мая месяца 1918

года Краевой Комитет принял решение перенести основную ось своей деятельности на Северный Кавказ, оставив в Тифлисе лишь Бюро—главным образом для связи. Согласно этому решению—в конце мая или начале июня, в разное время и разными путями, перебрались на Северный Кавказ следующие члены Краевого Комитета: Назаретян, Думбадзе (который был послан сюда раньше), Махарадзе, Цинцадзе, Мравян, Кавтарадзе и Тодрия. В Тифлисском Бюро были оставлены тов. Цхакая и Касьян. Тов. Мамия Орахелашвили и т. М. Окуджава были уже в это время задержны и сидели в Кутаисской тюрьме. *)

IV.

Итак, Кавказский Краевой Комитет большевиков перебрался во Владикавказ, где к нему прибавился еще один член—тов. Фигатнер, работавший с самого начала на Северном Кавказе.

Как мы уже знаем, к этому времени положение на Сев. Кавказе было до такой степени путанным, что, как говорится, сам чорт мог бы сломать ногу.

Многоплеменное и разноплеменное население—ингуши, осетины, чеченцы, кабардинцы, казаки, русские и пр. и пр.—с оружием в руках боролись друг против друга. Советская власть существовала лишь номинально, не имея среди населения никакого веса и авторитета, органов

*) Остальные члены Краевого Комитета—Шаумян и Джапаридзе—находились в Баку, который был в это время от нас совершенно отрезан.

Описание бакинских событий не входит в нашу задачу Ф. М.

власти совем не существовало, или если они и имелись, то совершенно не знали, что им следует делать; части Красной армии походили на все, что угодно, но только не на войсковые части; военная дисциплина была окончательно расшатана; ко всему этому присоединялось еще отсутствие у армии боевых снарядов и припасов (ружей, патронов и т. п.)

Насколько советская власть была беспомощна и слаба в Терской области, видно, между прочим, из того, что на глазах одного из отрядов этой Красной армии среди бела дня был убит председатель Совета Народных Комиссаров Советской республики Терской области тов. С. Буачидзе, причем его убийцы остались совершенно безнаказанными; их даже не задержали. При таких условиях Краевой Комитет принужден был отказаться временно от тех заданий, ради которых он переехал на Северный Кавказ. Теперь принялся он за работу по охране местной власти от всяких опасностей.

На Северный Кавказ скоро прибыл Чрезвычайный Комиссар Юго - России тов. С. Орджоникидзе, оставшийся здесь со всеми остальными вплоть до поражения Деникиным советской власти.

Кавк. Краевой Комитет, после переселения своего на Северный Кавсаз, очутился здесь в очень тяжелых условиях. Когда он решился на этот переезд, он был уверен в том, что перед ним откроются широкие перспективы для работы и что почва под ним будет крепка. А выяснилось, что не было ни первого, ни второго. Советская власть еле-еле, и то лишь в самом Владикавказе, держалась, а вокруг кишели и

мародерствовали контр-революционные силы: казаки, большей частью офицерство, и пр. Не было никакой связи с Советской Россией, и никто даже не знал, что там делается. Но самым худшим была полная почти оторванность Краевого Комитета, со дня его перезда на Северный Кавказ, от Грузии. Единственный путь в Грузию—Военно-Грузинская дорога—был занят в Даряльском ущелье и Казбеке меньшевиками, и пробираться этим путем было очень опасно. Нарочному этим путем в Грузию пробраться было невозможно: ему предстояло перейти через горы и скалы, так что получение каких-нибудь срочных сведений задерживалось неделями, часто и месяцами. Можно сказать, что в то время весь Кавказ,—как Северный, так и Закавказье—был изрезан различными фронтами, и почти на каждом шагу вы натыкались на кордоны и закрывающие путь рогатки. И, таким образом, Краевой Комитет оказался замкнутым в узкие рамки, лишенный возможности во-время получать нужные сведения. Так что известие о восстании в Душете, подготовку к которому Краевой Комитет начал еще во время пребывания своего в Тифлисе, и для разработки деталей которого он и переехал во Владикавказ, дошло до него совершенно случайно *) и только после того, как восстание уже было начато.

В такое положение попал Краевой Комитет, единственный руководящий орган, которому была поручена организация в Грузии крестьянских восстаний и руководительство ими. Конечно, узнав о душетском восстании крестьян,

*) Во время перенесения праха тов. С. Буачидзе в Грузию.

Краевой Комитет тотчас-же приступил к подаче им помощи, тотчас-же была установлена связь с руководителями восстания.

Душетцам помощь требовалась троякая:

1) Необходимо было послать к восставшим руководителей как по военному, так и по гражданскому делу;

2) Доставка военного снаряжения и припасов—ружей, пулеметов, пушек, пороха, свинца;

3) Помощь живым боевым составом. Конечно, самым трудным была доставка живой силы и военных припасов, так как у советской власти во Владикавказе не было даже на насущные свои нужды достаточного количества войска и припасов. С другой стороны—терское правительство, и без того слабое, из дипломатических соображений избегало подать помощь восставшим Душета войсками, ибо это означало бы установление обостренных отношений с грузинскими меньшевиками.

Само собой разумеется, что этому последнему обстоятельству Краевой Комитет не придавал особенного значения, и он принудил правительство Терской республики принять все меры к оказанию душетским повстанцам помощи как живой силой, так и военными припасами и продовольствием.

Таким образом, с большими трудностями и, вместе с тем, с большим опозданием, Краевой Комитет сумел отправить в Душетский уезд, для руководительства восстанием, ответственных товарищей, а также боевые припасы, продовольствие и живую силу, правда не в достаточном численном составе.

Словом, все, что было в силах и возможностях Краевого Комитета, им было сделано. но

дело было в том, что оказание своевременной помощи в самом начале восстания не состоялось, а в дальнейшем помощь эта была уже недостаточна, и душетское восстание, на которое Краевой Комитет возлагал такие громадные надежды, ибо думал что восстание Душетского уезда сделается центром всего антименьшевистского движения,—это восстание после беспрерывных боев втечение почти целого месяца было подавлено.

Но душетское восстание требует того, чтобы мы на нем остановились более подробно.

V.

Признаки революционного движения были в крестьянстве Душетского уезда заметны еще в начале 1918 года. Это крестьянство, подобно собратиям его по Горийскому уезду, всегда переносило громадную нужду и мучения под ярмом своих помещиков. После Февральской революции душетские крестьяне тщетно ожидали улучшения своего положения. А перемена была, и выражалась она лишь в том, что меньшевики, на смену прежним уездным начальникам и полицейским приставам посылали в уезды комиссаров. Все остальное оставалось неизменным. Помещики по - старому взыскивали с крестьян земельную повинность, а комиссары ни в чем не уступали прежним уездным начальникам и приставам.

И по мере того, как проходило время, крестьян Душетского уезда все более и более охватывало волнение.

В уезде было несколько вполне подготовленных, старых революционеров из крестьян—Миха Папунашвили, Тедо Шушиашвили, Габо

Минтури и др. С их помощью тифлисский большевистский центр еще в феврале—марте 1918 года образовал особую группу, в которую вошли также тифлисские товарищи—Фома Чубинидзе, Виктор Цинцадзе и др., с возложением на них агитационно-пропагандистской работы в Душетском уезде, создания в нем партийных организаций и подготовки восстания.

Директива, данная товарищам, работавшим в Душетском уезде, центром, состояла в том, чтобы крестьянскому движению придать организационный характер, чтобы восстание, которое было неминуемо, обязательно имело бы связь с восстаниями в других уездах или районах и, как таковое, поднимало свое знамя лишь по получении постановления центра. Втечение короткого времени в уезде была проведена громадная работа, что об'ясняется достаточной подготовленностью крестьянства совершенной в нем пропагандой большевистских идей.

От внимания меньшевистских агентов не укрылась работа большевистских организаций в Душетском уезде. Они хорошо видели, что готовится крестьянское восстание против власти меньшевиков. Поэтому меньшевики и задумали расстроить план готовившегося восстания. С этой целью было предпринято ими разоружение душетского крестьянства, что и было ими выполнено 16 июня в отношении деревни Мисакциели. Но когда тот-же отряд вздумал разоружить другое селение — Цилкани — то население как этой деревни, так и соседних сел, соединилось и не только не дало возможности правительственному отряду выполнить его намерения, но и захватило в плен весь этот вооруженный отряд.

Это случилось 17-го июня.

Это было началом восстания.

Это событие с быстротой молнии облетело все крестьянское население Душетского уезда.

Крестьянство, как один человек, встало на ноги. Оно образовало военно-революционный штаб и приняло меры военного характера по охране. Через несколько дней, 19-го июня. крестьяне нанесли, после 8-часового отчаянного боя, тяжкое поражение правительственному отряду под начальством полковника Пурцеладзе. В этом бою крестьяне захватили 250 чел. в плен, 7 пулеметов, боевые припасы и провиант.

После этой победы главное внимание повстанцев было обращено, с одной стороны, на укрепление Мцхета и его окрестностей, откуда можно было ожидать подхода правительственных войск, и, с другой,—на Дарьял—Казбек. Тут стоял лагерем правительственный отряд, охранявший проход с Северного Кавказа, где в это время была уже советская власть.

Для повстанцев было крайне необходимо и важно разоружить отряд в Дарьяльском ущельи и в Казбеке и поставить там свой отряд.

Этим повстанцы достигли двух целей:

Во первых, они обеспечивали свой тыл и, во вторых, они устанавливали связь с Терской областью, откуда надеялись получить помощь.

Обезоружить дарьяльский отряд удалось бескровопролития, что имело для повстанцев большое значение.

Мы забыли упомянуть о том, что одной из главных причин недовольства крестьян Душетского уезда было прекращение связи с Терской

областью, откуда весь этот уезд получал все ему необходимое: — пшеницу, кукурузу и пр. Меньшевистское правительство закрыло этот путь, возбудив среди крестьянства Душетского уезда большой ропот.

Восстание вновь открыло крестьянству этот путь.

С захватом Дарьяльского прохода повстанцам давалась уже возможность думать о расширении восстания и о продвижении в тифлисском направлении. Станции Мцхет и Ксанка были одно время в руках повстанцев, и они отсюда действительно угрожали Тифлису. Все меньшевистское „демократическое" правительство сильно призадумалось; и оно, действительно, стояло тогда перед серьезною опасностью. Первые столкновения окончились в пользу повстанцев. Правительственные войска в этих стычках потеряли больше 300 человек, более 400 солдат и гвардейцев взяты были в плен и отправлены во Владикавказ. Помимо этого, весь Дарьяльский отряд был разоружен, и Душетский уезд был тесно связан с ущельем Терека.

В это-же время крестьянство Тионетского уезда выражает сочувствие восставшим и шлет им в помощь свой отряд.

В виду грозящей ему опасности меньшевистское правительство, мобилизовав все свои силы, 28 июня, с помощью германских офицеров и их аэропланов, бросилось в атаку на повстанцев.

А предварительно оно выпустило несколько воззваний, в которых старалось дискредитировать в глазах народа восставших. В воззвании, адресованн. „гвардии", было сказано: Враги революции и народа подняли головы, восстали

против правительства и хотят свергнуть его. Часть восставших через Накеральский перевал собирается напасть на Кутаис*), другая-же часть поставила своей целью занять Тифлис со стороны Военно-Грузинской дороги. В то же время часть повстанцев движется в сторону ст. Казбек с целью занять ущелье Дарьяла и впустить в нашу страну так называемых большевиков из Терской области.

Кто такие эти повстанцы? Какова программа их деятельности, каковы их план и их пути? Если в дни самодержавия против правительства восставали прежде всего передовые части страны, сейчас против демократического правительства поднимают знамя борьбы наиболее отсталые углы. В то время, как Гурия и Имеретия стоят на стороне правительства и стараются осуществить у себя реформы, Рача и Лечхум восстают и угрожают культурному центру Имеретии—Кутаису; в то время, как Тифлис и передовая часть Карталинии и Кахетии поддерживают порядок, его отсталые части — Осетия и части Душетского и Тионетского уездов—грозят Гори и Тифлису. Некультурность и отсталость ополчаются против культуры, контр-революция грозит поглотить революцию. Изменники-большевики, знаменосцы помещиков, некоторые из национал-демократов, озлобленные русские чиновники и армянские шовинисты, вот кто руководит восстаниями, вот кого радует все это движение. Душет и Тионеты, Осетия и Лечхум—это то же самое, что в Великую Французскую революцию было восста-

*) Тут, очевидно, имелось в виду восстание в Сачхерах. О нем скажем ниже.

Ф. М.

ние вандейцев. И не смети Французская Революция со своего пути Вандею—она погибла бы, и рабство вновь подняло бы свою голову.

Есть одно обстоятельство, сильно осложняющее наше положение. Мы—маленькая народность, вокруг которой собралось много внешних врагов, ищущих только предлога, чтобы вмешаться в наши домашние дела. Опасность велика. Положение ясно. Пусть повстанцы выступают с критическими лозунгами, пусть уверяют они население, что мы, мол, боремся за рабочих и крестьян: для всякого ясно, что восстаниями руководят темные силы и что гнездами, из которых выходят повстанцы, являются самые отсталые и темные углы нашей страны.

Мы сейчас стоим перед дилеммой: быть нам или не быть: победа повстанцев будет победой контр-революции, за которой последует гибель революции и конец независимости нашей страны. Не для того, чтобы создать у нас рай, продвигаются к нам терские большевики, ибо у себя на родине они насадили царство ада. Анархия приведет к господству турок.

Кому выпало на долю сразиться с этой страшной опасностью? Ясно—тому, кто постоянно стоял на страже народных интересов. Демократия, народ, рабочие и сознательные крестьяне—вот те, кто должен спасти страну и отбросить назад нагрянувшего врага.

Согласно § 11-му Положения о народной гвардии председатель правительства республики уже обратился с воззванием к главному штабу гвардии, чтобы он об'явил по всей территории республики общую мобилизацию гвардии и поставил всех гвардейцев под ружье.

И в этот решающий час, когда нашу страну ждет гибель, когда из рук у нас выхватывают землю и свободу, когда вероломно похищают у нас красное знамя революции, чтоб взамен его водрузить чужое и чуждое нам знамя,—кто будет настолько несознательным и бездушным, чтобы не откликнуться на призыв седовласого вождя демократии—Ноя Жордания, и не взять в руки оружия?!

Славная народная гвардия еще раз должна засвидетельствовать свою преданн ость ревлюции и народу" („Эртоба" 1918 г., № 131). Вот с такими провокационными и клеветническими воззваниями обращались к народу эти господа. „Некультурность идет войной на культуру!"— восклицали они, желая этим оправдать принимаемые ими варварские и драконовские меры против голодного и обнищалого крестьянства. Народу они нашептывали о том, что главари восстаний являются агентами Турции, что повстанцы бьются против красного знамени, и т. п., и т. п. И все это нужно было меньшевикам для того, чтобы оправдать еще более суровые репрессии против восставших.

В статье, озаглавленной „Наша Вандея", меньшевистская газета „Эртоба" писала:

„Некоторые наши уголки охвачены заревом восстания. Много самоотверженных революционеров полегло в Лечхуме, Осетии и некоторых местах Душетского и Тионетского уездов. По этому поводу враги революции обнаруживают безграничную радость, лишь друзья народа охвачены отчаянием. Между нами и народом оборвалась связь.*) Мы не су-

*)В оргинале: „Разрушен мост, соединявший нас с народом". (Прим. переводчика).

мели дать ему земли, и народ уже не подчиняется нашему правительству*).

«Что для успокоения народа необходимы реформы—это ни для кого не должно быть вопросом спорным. Но невозможно сегодняшнее восстание ставить в зависимость от реформ» (см. «Эртоба» № 132).

Тут приведены любопытные данные: меньшевики открыто заявляли, что связь между ними и крестьянством оборвана, так как они не сумели дать ему земли. Эти господа подписывались под своим банкротством. Революция должна была передать всю землю крестьянам, меньшевики-же этого не осуществили. Кто же стоял, значит, на страже революции? Восставшее крестьянство, требовавшее отобрания от помещиков земель, или меньшевики, которые явно защищали интересы землевладельцев? Ясно, что восставшее крестьянство, но отнюдь не меньшевики.

Далее, «Эртоба» в передовой статье старается смягчить сказанное: «Революция изменила положение вещей, и освобожденный народ получил возможность устроить свою жизнь по своему. Главный вопрос, который необходимо разрешить новому правительству, касается урегулирования земельных отношений. В этом направлении уже сделан первый существенный шаг: от тунеядствующих помещиков отобраны земли и об'явлены собственностью всего народа. Необходимо завершить начатое дело и так обеспечить крестьянство землей, чтобы не было к нему ни с чьей стороны ника-

*) Курсив наш.

Ф. М.

ких исков. Новому правительству надо много еще сделать и в других областях, и оно будет работать в контакте с желаниями народа. Наше правительство, в которое входят лица, преданные народу, действует отнюдь не самовольно, будучи ответственным перед Национальным Советом, избранным тем-же народом» (см. «Эртоба» № 135).

Ну, это уже было сплошной ложью, начиная с того, что у землевладельцев была отнята лишь часть принадлежавших им земель. Лучшие участки с усадьбами и дворцами остались у бывших бар. Затем, меньшевики вовсе и не думали отобранные земли передавать крестьянам: они намеревались земли эти продавать тому, кто больше заплатит за них правительству. Звучали насмешкой и слова газеты—„правительство действует не самовольно, будучи ответственным перед Национальным Советом, избранным тем-же народом". «Эртоба» тут бессовестно врала, ибо все хорошо знают, что это был за «народ», избравший Национальный Совет. Но вся эта ложь, небылицы и фарисейство были необходимы меньшевикам для оправдания разгрома и уничтожения огнем и мечем всего Душетского уезда. Вот о чем писали эти господа: «Когда некоторые части Грузии, под влиянием изменников, бесстыдно забывают о своих обязанностях по отношению к родине и народу, необходимо эти части усмирить силой оружия, чтобы этим путем спасти всю Грузию, весь народ и все, что ему дорого,—и это обязано совершить именно революционное правительство. Ни национал-демократы, ни большевики, не взирая на их фразеологию, вовсе не заинтересованы в подавлении таких варварских восстаний.

На чашу весов брошено дело народа, его ждут опасности, и поэтому каждый сознательный гражданин, в особенности рабочий и крестьянин, должен бороться с этими надвигающимися опасностями.

Против сознательной Грузии восстала Вандея. Необходимо ее сломить и спасти страну» (См. «Эртоба», № 135).

Таким образом, очаг революции — Душетский уезд, так же как и другие революционные уезды, меньшевики окрестили именем Вандеи, той самой Вандеи, которая в Великую Французскую Революцию держала сторону дворянства и королей. Если уж хотите, то роль Вандеи во всей этой истории играло именно меньшевистское правительство и обманутые им гвардейцы. Такими способами старались меньшевики оправдать свою дикость и истинно варварские меры.

Меньшевики мобилизовали все свои силы, взяв себе на подмогу против душетских повстанцев германские аэропланы и германских офицеров.

Наступление было начато в трех направлениях. Войсками командовали царские генералы и полковники под общим руководительством Джугели. Это была настоящая позиционная война с пешими и кавалерийскими частями, артиллерией, аэропланами. Ничего подобного не наблюдалось при столкновении с турецкими войсками под Батумом или у Озургет. Считается доказанным фактом, что меньшевики, вместе с дикостью и зверством, проявляли гораздо больше мужества и храбрости именно на «внутреннем фронте» при столкновениях с восставшим революционным крестьянством.

Эти господа часто, например, с театра военных действий сообщали: „Нашими аэропланами сброшены в лагерь противника бомбы. Забрано много в плен". «Эртоба», № 140). Самым любопытным являлось то, что аэропланы, с которых сбрасывались в лагерь крестьян бомбы, принадлежали находящимся в Грузии войскам императора Вильгельма Гогенцоллерна.

А вот еще одна характерная заметка из газ. «Эртоба»: «Наши войска под начальством В. Джугели, полк. Кониашвили, капитана Пурцеладзе 8-го июля, в 4 часа утра вышли из Ананура и цепью направились к Пасанауру. Наш отряд храбро идет вперед. С нашей стороны потерь совсем нет. Со стороны большевиков убито несколько человек, в плен взято до трехсот». Далее сообщение, наряду с другими интересными фактами, говорит о том, что «демократическое» правительство ввело на фронте смертную казнь. Конечно, это являлось дикою и варварскою местью, но не судом. В одном из номеров газ. «Эртоба» читаем:

«Вообще — пехота, кавалерия и артиллерия действовали согласованно, и можно вполне надеяться, что враг уже побежден. Вчерашнее их поражение очень облегчило нам их преследование, и мы полностью использовали их поражение. На фронте введена смертная казнь для изменников грузинской демократической республики и для всех, кто принимает участие в мародерстве».

Жестокостям и дикостям меньшевиков в отношении к повстанцам не было предела.

Меньшевистскую войну против душетского крестьянства характеризует следующее место из дневника Джугели: «28 июля. Мцхет. В 5 часов открыли мы из 14 орудий ураганный огонь по Бебрис-Цихе".

Эти 14 орудий действовали только в одном отряде. Но таких отрядов было несколько, и в каждом имелась своя артиллерия. А где были эти орудия, когда меньшевики «воевали» с турками? Довольно солидная часть этих орудий, конечно, принадлежала германским войскам.

Так пользовались меньшевики чужой силой против революционного крестьнства. И конечно, такой силе душетские крестьяне, вооруженные, большей частью, топорами и лопатами, долго противостоять не могли. У них вышел весь порох, все пули, не было продовольствия, израсходована живая сила. Территория Душетского уезда в это время походила на ад.

Грохот орудий оглушал окрестности, разрушались и грабились деревни, избивали на смерть население, женщин насиловали, деревни пустели, старики, женщины и дети скрывались в горах и лесах. Спасти восстание было уже невозможно.

Та маленькая помощь, которую подавал повстанцам Владикавказ, дела не могла уже улучшить, не мог помочь делу и отряд Саши Гегечкори, присланный в помощь восставшим в последний раз Краевым Комитетом.

Отряд этот представлял, сравнительно, очень слабую силу, и, затем, помощь эта оказалась уже запоздалой. *)

*) О деятельности этого отряда после его отправки в Казбек у нас имеются такие сведения; „Отряду, перешед-

Подавление душетского восстания обошлось меньшевикам очень дорого. Продлилось оно немного больше полутора месяца (от 17 июня по 7 августа).

Восстание потерпало физическое поражение, но отнюдь не моральние. Крестьяне еще больше прежнего проклинали и поносили меньшевистское правительство. А меньшевики торжествовали свою победу, празднуя ее пытками главарей восстания и местью тем из бойцов, которые попали им в руки. По распоряжению Валико Джугели и Ал. Дгебуадзе, расстреляли тежело раненого Фому Чубинидзе, пытали и тоже расстреляли больного Папунашвили. Так же поступили с М. Гегечкори. Всего на фронте было расстреляно 22 человека. *) Число пленных доходило до 200 чел. В сражениях почибло, сравнительно, мало народа, до 30 чел.

В конце-концов мельшевики решили судить душетские восстание, почему было отдано под суд 250 чел., 99% которых принадлежало к

шему на Сев. Кавказ, после шестидневного отдыха предложено было выйти из Владикавказа для принятия участия в душетском восстании. Это был момент, когда восстание терпело поражение и было почти уже подавлено. Отряд ннкого уже не застал в Казбеке. Население бежало с оружием в руках в горы. В Казбеке отряд обезоружил меньшевистские вооруженные войсковые части, захватил 500 ружей, 6 бомбометов, 200 револьверов, 2 русских пулемета с лентами. На другой день нас со всех сторон окружило хорошо вооруженное меньшевистское войско. Путь отсупления на Гвелеши был отрезан. Завязался неравный бой, в котором погиб тов. К. Чавчанидзе. Но все-же отряду удалось прорваться, оставив часть свою в 150 чел. в плену.

*) Ценные данные о душетском восстании находим в книге тов. Г. Лапанишвили „Душетское восстание". Автор был сам активным участником восстания.

Ф М.

крестьянскому сословию. В течение нескольки лет их гноили в тюрьмах, но суда над ними так и не удалось устроить. Меньшевики боялись этого суда. Душетское восстание является позорнейшей страницей в истории меньшевистской деятельности и, в то же врема, лучшим примером самоотверженной борьбы грузинского крестьянства за советскую власть.

В заключение необходимо упомянуть, что 25 июня, т.-е. в период восстания, в г. Душете был созван крестьянский уездный с'езд, об'явивший в Душетском уезде советскую власть и избравший уездный Исполнительный Комитет под председательством тов. Т. Шушиашвили. *) Уисполком просуществовал всего 10 дней, т.-е. до дня взятия г. Душета меньшевистскими войсками—3-го июля.

VI.

Приблизительно в одно время с началом душетского восстания, но в совершенно другом месте, в Сачхерском районе Шорапанского уезда, разыгралась трагедия, аналогичная душетской, но в гораздо более узком масштабе.

В Сачхерах восстание вспыхнуло совершенно неожиданно и носило тоже стихийный характер.

Дело было так.

В Сачхерском районе крестьянским движением, которое началось в начале 1918 года, руководили, главным образом, вернувшиеся с фронта солдаты. Во время пребывания своего

*) Тов. Т. Шушиашвили был убит впоследствии, во время нападения на Владикавказ казаков и осетин.

Ф. М.

на фронте они собственными глазами увидели, что Октябрьская революция произвела в жизни России громадный переворот, что власть перешла к рабочим, крестьянским и солдатским депутатам, что земли у помещиков отобраны и переданы крестьянам и пр. и пр.

Но, возвратясь в свою страну, они ничего похожего на все это не нашли. Местную власть представляли назначаемые комиссары, большей частью бывшие офицеры или бывшие полицейские, земли продолжали находиться в руках помещиков. Возвратившиеся из России солдаты не могли с этим примириться и требовали проведение в жизнь лозунгов Октябрьской революции. На этой почве во многих местах крестьяне самовольно отбирали у помещиков землю, отказывались подчиниться об'являемой меньшевистским правительством мобилизации, отказывали в уплате податей, не выполняли тех или иных повинностей и пр. Было арестовано много бывших солдат, что вызвало среди кресгьян большое недовольство. Приблизительно в начале июня родилась мысль организовать восстание. Главными инициаторами были беспартийная крестьянская беднота и бывшие солдаты. Приводим некоторые фамилии их; Хведелидзе, Касарели, Цкерашвил, Читадзе, Цухишвили, Цигнадзе, Абрамишвили и др. К ним примкнули студенты Военно-Медицинской Академии Якобашвили и Талахадзе.

Поводом к восстанию послужило следующее обстоятельство; в средних числах июня 1918 года меньшевистское правительство послало в Сачхери до 60 вооруженных гвардейцев и потребонало от местного населения выдачи

оружия. Гвардия дала трехдневный срок и арестовала в качестве заложников нескольких бывших солдат. Тогда крестьяне постановили либо сейчас-же восстать, либо окончательно бросить всякую мысль о восстании.

Бывшие солдаты быстро образовали штаб при участии вышеперечисленных лиц, соединились с осетинами—солдатами селений Джалабети. Теделети и Цона, которыми руководил крестьянин Харебов. Повстанцы соединенными силами, приблизительно человек до 200, окружили ночью карательный отряд меньшевиков и после недолгого сопротивления разоружили его. После этого они провозгласили в местном районе советскую власть. В Сачхерах организовали районный революционный комитет, первый приказ которого касался обсолютной охраны революционного порядка и временного изолирования некоторых элементов—в форме тюремного заключения.

Никаких беспорядков в районе не было.

В соседних деревнях состоялись крестьянские собрания и образовались ревкомы. Первой революционной мерой, проведенной ревкомами, было постановление о передаче земли крестьяном; далее—упразднение органов меньшевистской власти.

Но и меньшевики в это время, конечно, не дремали. Для подавления восстания они отправили в Сачхери отряд в 1000 человек под начальством полковника Инцкирвели, капитана Ишхнели и капитана Симоника Пхакадзе. При карательном отряде были кавалерийские и артиллерийские части. Такой военной силы было, пожалуй, слишком много для подавления

восстания сачхерского района. Был тут-же организован полевой суд из трех лиц (Ицкирвели, Ишхнели и Пхакадзе).

В первыи-же день прибытия отряда в Сачхерй среди бела дня были расстреляны семь крестьян. среди них один осетин—Миха Дзусошвили, 90-летний глухой пастух, не принимавший никакого участья в восстании. Он пас в поле быков и был схвачен палачами как раз в это время.

На следующий день в поле после неисчислимых пыток было расстреляно еще шесть человек, почти все бывшие солдаты и сельские бедняки. На третий день победного пребывания в Сачхерах палачей сюда прибыл военный министр „демократического правительства". В тот-же день деревни были заброшены бомбами, в результате чего возникли пожары. Вечером того-же дня без опроса и установления личности было расстреляно еще 11 человек.

В районах Сачхер, Корбоули и Мухури борьба продлилась еще с месяц и завершилась победой меньшевиков.

Итоги этой победы были таковы: погорело более 20 домов; было расстреляно 24 чел., в боях было убито до 15. В тюрьмы отправлено до 80 человек, многие из которых были приговорены к смертной казни, иные-же умерли своей смертью. Многим в деревнях оторвали руки, вырывали на пальцах ног ногти, раздетых до нага крестьян избивали ружейными шомполами и многих искалечили. Между погибшими—главным образом от орудийного огня—были дети и женщины. Весь урожай в полях и амбарах был уничтожен и с'еден, винные кувшины были опу-

стошены, почти вся хозяйственная живность была расхищена и с'едена.

До 40 повстанцев спаслось переселением в леса. некоторые из них пробрались на Северный Кавказ.

После нескольких дней существования крестьянские советы были разогнаны, и в Сачхерском районе вновь стали править бывшие полицейские и офицеры под видом комиссаров, но уже более озверевшие и более уверенные в своей грубой силе. Репрессии продолжались: аресты, высылки, взыскания убытков с обнищалых крестьян в пользу пострадавших помещиков и пр. и пр.*)

Таков был финал страшной сачхерской трагедии. Так велики были жертвы, которые понесло сачхерское крестьянство ради советской власти, и о которых ни тогда, ни после у нас ничего почти не знали.

Мы выше прервали наш рассказ о первом восстании крестьян в Мингрелии. Это было приблизительно в апреле месяце. Но там-же в конце мая вновь вспыхивает восстание и, кроме Сенакского и Зугдидского уездов, в нем принимают также участие крестьяне Лечхумского и Рачинского уездов. Директивы в этих выступлениях давались партийным комитетом Западной Грузии. Лечхумским, рачинским, зугдидским и сенакским повстанческими отрядами руководил один штаб, находившийся в селе Горди. (Кутаисский уезд), под начальством тов. Саши Гегечкори.

Столкновения были в сел. Салхино, Горди, Гачедила, Хабуме и Чхорочку. Этим отрядом

*) Материал и данные, касающиеся сачхерского восстания, сообщены тов. Талахадзе.

было взято в плен 92 офицера из офицерского отряда и громадное количество боевого оружия. Отовсюду отряд выходил победителем. Во всех четырех уездах общее количество вооруженных равнялось 8.000—11.000 человек. Но у отряда не хватало патронов. Отряд мог бы когда угодно занять Кутаис, но ему на это не давал разрешения партийный комитет Западной Грузии. По прошествии нескольких месяцев такой борьбы партия дала штабу следующую директиву: в Лечхумском уезде должны остаться нелегально вооруженные ячейки. Та часть действующего мингрельского отряда, нелегальное оставление которого было невозможно, должна перейти на Северный Кавказ для усиления тамошних сил, с одной стороны, и для оказания помощи повстанцам Восточной Грузии—с другой.

Обе эти директивы, насколько это было возможно, упомянутый отряд выполнил: он с большими трудностями перешел через Мамисонский перевал на Северный Кавказ, прибыл во Владикавказ, где и представился Краевому Комитету, после чего принял участие в душетском восстании, о чем уже выше была речь.

Что же касается Мингрели, Рачи и Лечхума, то нужно сказать, что в этих районах крестьянские волнения еще долго не прекращались. Но в конце августа и в сентябре крестьянские волнения, главным образом в Мингрелии (Горди, Хопи, Цаиши, Хета и др.); вновь усиливаются до таких размеров, что делается необходимым послать туда новый карательный отряд под начальством того же Джугели, Гедеванишвили и др. Вновь заставили работать против крестьян пулеметы и орудия, вслед за чем последовали

истребление, убийства и расстрелы крестьян, грабеж деревень и пожары.

Дальнейших сведений о выступлениях крестьян в Мингрелии и в других районах за 1918 г. мы не имеем.

Возможно, что где-нибудь крестьянсто еще волновалось, но об этом мы ничего не знаем. Но одно было несомненно, что после такого непрерывного ряда волнений, выступлений и тяжелых жертв, понесенных крестьянством, оно было совершенно надломлено. Оно вынесло сравнительно громадную борьбу, результаты которой были для него крайне печальны. Оно хорошо сознавало, что понесло поражение в борьбе против власти меньшевиков, поэтому оно прекратило выступления, не имевшие уже сейчас никакого смысла.

Меньшевики праздновали свою победу на „внутреннем фронте", победу над крестьянством. Это было для них некоторым удовлетворением, известной компенсацией за те поражения и тот позор, которые они терпели на внешнем фронте.

На внешнем фронте—постыднейшие поражения, сдача оружия, бегство с полей битв, и, в то же время блестящие победы на внутреннем фронте, победы над непокорными крестьянами при содействии царских генералов и дворянского офицерства, при помощи германских аэропланов и их же орудий!

Такова была действительность. Крестьяне замолкли, или, вернее, их заставили замолчать. И только ненормальный человек мог бы подумать, что крестьянство примирилось со своей участью.

Недовольство и ненависть к меньшевистскому правительству ощущались ими сейчас, среди наступившей могильной тишины, гораздо острее, чем раньше. И действительно, крестьянство безмолствовало, но это вовсе еще не говорило о его отчаянии. Наоборот, оно было убеждено в том, что грядущие неизбежные бои принесут ему несомненную победу.

Так завершился 1918 год, принесший Закавказью и, в часности, рабочим и крестьянам Грузии жестокие поражения. На пространстве всего Закавказья царила черная реакция, пламя революции было повсюду погашено и распоясанно действовала контр-революция.

Закавказье было уже поделено на три республики: Азербайджан, Армению и Грузию, которые друг с другом грызлись и поедали одна другую.

Эти республики существовали постольку, поскольку их существование было необходимо внешним империалистическим силам. Как Грузия, так и Азербайджан с Арменией были обязаны перед этими империалистическими силами подавлять у себя всякие революционные движения, т.-е. большевизм. И это обязательство они все свято выполняли.

Грузинские меньшевики оказывали помощь турецким войскам в подавлении советской власти в Баку, чем способствовали зверскому расстрелу в сентябре 1918 года 26 комиссаров.

Так-же действовали в Армении дашнаки. Что-же касается азербайджанских муссаватистов, то и они не отставали от меньшевиков и дашнаков в деле травли большевиков, насколько, конечно, это оказывалось в их силах.

И несмотря на наличие этой общей для всех трех партий задачи, они постоянно рыли одна другой могилу.

Трудовой народ, рабочие и крестьяне, относились к этим партиям с нескрываемой ненавистью. Но поддержать друг друга они не могли. Они были уверены в том, что существование их имеет под собой твердую почву. Но как жестоко они ошибались! Они кричали о том, что служат «демократии», на самом-же деле они служили одной лишь буржуазии. Так с осени 1918 года трудовой народ попадает в крайне тяжелое и невыносимое положение.

Что готовил ему грядущий 1919 год?

Предугадать это было нелегко.

VII.

ВОССТАНИЯ 1919 ГОДА.

После поражений 1918 года многим казалось, что крестьянство не скоро еще может оправиться.

Такого мнения был также и Краевой Комитет большевиков. Нужно сказать, что после поражений крестьянских восстаний 1918 года партийная работа как в городах, так, главным образом, в деревне не только ослабла, но почти совершенно прекратилась.

Мы не будем здесь выяснять причин этого явления. Мы лишь констатируем факт. Но приблизительно с весны 1919 года партийная работа вновь начинает оживать. Этому обстоятельству содействовало возвращение в Тифлис, как раз к этому времени, одного за другим членов Краевого Комитета.

Конечно, никому тогда и в голову не приходила мысль о восстании. Вопрос касался лишь возобновления и усиления партийной работы. В одно и то же время это могло быть некоторой разведкой или нащупыванием почвы для грядущих боев.

И вот мы видим, что возобновление партийной работы весной 1919 года вызывает почти всюду, где только работа эта была возможна, громадный интерес, в особенности, среди крестьян. Само собой разумеется, что в то время партийная работа происходила, по преимуществу, под лозунгами Советов и советской власти — с одной стороны и, с другой — против меньшевистского правительства.

Крестьянство встречало эти лозунги крайне сочувственно, при чем сочувствие это отнюдь не было платоническим или абстрактным. Наоборот—лозунги эти интересовали крестьян лишь постольку, поскольку они могли их осуществлять. Партийные агитаторы и пропагандисты зачастую бывали свидетелями таких фактов: когда крестьянские ячейки делали доклады о своей деятельности, содержанием большинства этих докладов бывали отчеты о том, сколько ружей и патронов приобретено ячейками и вообще какое именно оружие имеется в их распоряжении.

И это еще задолго до того, как партийный центр давал такие директивы. Это делалось само собой, совершенно естественно.

Таким образом, крестьянские партийные ячейки превращались в настоящие боевые организации. Летом 1919 года Краевой Комитет, по предложению Тифлисского

и Кутаисского губернских комитетов, дважды созывал—одно за другим—губернские совещания или конференции.

На этих партийных совещаниях рассматривался, можно сказать, один единственный вопрос — вопрос об организации борьбы за утверждение советской власти.

Прежде всего на этих конференциях выяснилось следующее: 1) поражения 1918 года не вызвали в крестьянстве ни растерянности, ни страха, ни, тем более, отчаяния. Наоборот, крестьянство само ставило вопрос об организации новых восстаний, конечно, в зависимости от условий и положения вещей.

2) Работа была уже переброшена в меньшевистские войска, в которых создалась очень подходящая почва для большевистских лозунгов. И действительно—условия, в которых существовала и жила меньшевистская армия, были во всех отношениях невыносимы, если, в особенности, принять во внимание те привиллегии, которыми меньшевистское правительство отличало «народную» гвардию. Громадное значение имело то обстоятельство, что армия в большинстве своем состояла из крестьян, тогда как гвардию составляли в большей части рабочие. Гвардейцам выдавалась хорошая одежда, обувь и пища, солдаты-же были неодеты, необуты и жили в проголодь. Кроме того, в армии по старому царили генералы и полковники, дворянские сынки, по старому обращавшиеся с солдатами. Словом—меньшевистская армия была точной копией царской армии. Помимо всего этого в армии имело место сильное недовольство правительством. Не-

обходимо было это обстоятельство использовать.

На этом совещании выяснилось, что большевистская пропаганда и агитация уже проникли в казармы меньшевистских войск и работа в них шла интенсивно. Тут, может быть, и было некоторое преувеличение, но в общем неоспоримо было одно: в армии меньшевиков лозунгам большевизма внимали с большим сочувствием.

3) Но наиболее достойным внимания обстоятельством было следующее: как большевизм, так и идея восстания находили достаточную почву даже среди крестьянства Гурии. Как нам известно, в течение 1918 года, когда не существовало почти ни одного угла, где бы не было крестьянских выступлений,—гурийское крестьянство одно не поднимало своего голоса.

Этим обстоятельством меньшевики пользовались в отношении рабочих, как демогогическим аргументом. Восстания против демократического правительства устраиваются, мол, исключительно наиболее отсталыми частями страны и наименее сознительным крестьянством. И в доказательство справедливости такого положения указывали на Гурию и гурийских крестьян:

— Взгляните на Гурию, как в ней относятся к демократическому правительству!

Нечего и говорить о том, что демагогия эта имела кое-какой упех. Но впоследствии положение намного изменилось. В особенности с лета 1919 г., кода в Гурии была проведена большевиками достаточно основательная кампания. Помимо закрытых собраний, в которых разби

рались организационные вопросы, втечение целого лета 1919 года гурийская организация в нескольких районах (Хидистави, Чохатаури, Ланчхути, Чибати и др.) провела открытые собрания и митинги, в которых выступали как большевики, так и меньшевики. Эти митинги посещались большим количеством слушателей, причем завязывались горячие прения, и тут выяснилось, что большинство посещавших собрания и митинги было на стороне большевиков, и это в то время, когда они были об'явлены вне закона и на них буквально охотились.

Это было очень характерным и знаменательным явлением. Оно говорило о том, что лед уже тронулся, что часть гурийского крестьянства, еще не отравленная меньшевизмом, уже сочувствовала большевизму и требовала власти Советов. На упомянутом выше совещание факт этот был уже удостоверен,

Таково было приблизительное положение к началу осени 1919 года. Помимо того, что крестьянство решительно требовало восстания, Краевой Комитет большевиков все-же избегал официально ставить этот вопрос. Но в конце-концов он должен был все-же поставить этот вопрос, который и был дважды рассмотрен на пленуме Краевого Комитета*).

Краевой Комитет при рассмотрении этого вопроса выказал крайнюю осторожность. Несмотря на приведенные в пользу восстания доказательства и основания, он подверг сомнению процесс подготовки восстаний в условиях того времени, когда восставших крестьян Грузии, даже в том случае, если первое время они шли

*) Т.-е. с участием бакинского Бюро Краевого Комитета.

победоносно, ждал по прошествии некоторого времени неизбежный крах из-за отсутствия у них вспомогательных сил.

Не нужно забывать, что это было в то время, когда российская Красная армия все больше и больше отступала и приближалась уже к Москве. С другой стороны, правительству грузинских меньшевиков несомненно оказали бы помощь внешние силы в лице империалистических государств. В Краевом Комитете были как сторонники восстания, так и его противники. Но большинство стояло за восстание, несмотря на это вопрос был отложен до следующего собрания. За это, время членам Краевого Комитета, находившимся в Тифлисе, было поручено всесторонне изучить и подготовить вопрос.

Второе заседание пленума Краевого Комитьта приняло во внимание следующие обстоятельства, сложившиеся в пользу восстания:

1) В это время как-раз английские войска покинули территорию как Грузии, так и Закавказья, почему они уже не смогут оказать поддержки меньшевикам.

2) Все внимание Деникина в это время было сосредоточено на Москве, и если за его спиной в это время где-нибудь, хотя бы и в Грузии, возникнет большевистсое восстание, это несомненно вызовет в его лагере беспорядок и панику; с другой стороны, если восстание даже и будет скоро подавлено, оно все-же будет иметь громадное влияние на Красную армию, морально поддержав ее и воодушевив в борьбе против Деникина.

К этим соображениям в пользу восстания присоединялось еще следующее: само кресть-

янство категорически ставило вопрос о необходимости восстания (тут, конечно, идет речь, главным образом, о крестьянах, об'единенных в партийных организациях); помимо этого, меньшевистские войсковые части сочувствовали идее восстания, и была полная гарантия в том, что стоящие в Тифлисе некоторые войсковые части активно выступят для свержения власти меньшевиков, когда большевистская партия этого от них потребует.

После принятия этого решения, приблизительно в конце сентября и начале октября, началась энергичная работа как по техничсекой, так и идейной подготовке восстания. Весь Краевой Комитет был вовлечен в эту работу. Всем его членам была дана, каждому в отдельности, какая нибудь особая функция. Само восстание должно было быть приурочено к годовщине Октябрьской революции, т.-е. к 25-му октября (ст. стиля). Согласно выработанному плану, восстание должен был начать гор. Тифлис, и провинция тотчас-же должна была откликнуться. Таким образом, с самого начала восстанию должен был быть придан всеобщий характер. Каждая деталь была заранее предусмотрена. В каждый уезд были отправлены ответственные товарищи для руководительства местными восстаниями и обязательного, в то же время, держания связи с цетром.

Был выделен военный штаб, на обязанности которого лежала техническая разработка восстания; он обязан был в назначенное время вывести воинские части для захвата и занятия учреждений. Вместе с войсковыми частями должны были выйти рабочие организации, у каждой из которых была своя назначенная ей роль.

План восстания долго и серьезно разрабатывался.

Нечего и говорить о том, что меньшевики знали о готовящемся выступлении большевиков, знали о существовании большой конспиративной организации, подготовлявшей это восстание. Время от времени им попадали в руки активные члены этой организации (Илико Мгеладзе, Л. Думбадзе и др.), но главной организации им не удавалось обнаружить.

До последнего момента все шло хорошо. В конце-концов был фиксирован день выступления. В Тифлисе выступление должно было состояться 23 октября ночью. Войсковые части, долженствовавшие принять участье в выступлении, были предупреждены, что о времени его они будут извещены за несколько часов, причем только их старшие.

22-го октября с этой целью собрались представители войсковых частей, в количестве 22 человек. Среди них оказался иуда-предатель, провокатор, выдавший все это собрание тут-же в распоряжение Особого отряда Кедия, который всех его участников задержал. Связь с армией оборвалась. Но этого мало: в этом-же заседании был задержан весь военно-революционный штаб.

После этого никаких разговоров уже быть не могло о выступлении в Тифлисе. Но как должен был поступить Краевой Комитет в отношении провинции, которой были уже даны соответствующие директивы? Провинциальные организации были обнадежены в том отношении, что 23 октября Тифлис будет уже в руках повстанцев. Единственным исходом из положения Краевой Комитет признал немедленно со-

общить в провинцию, чтобы 24-го октября никаких выступлений уже не было, и чтобы провинция ожидала получения новых директив.

По всем уездам были разосланы курьеры, которые, однако, не вовсе уезды успели проникнуть и предупредить, почему там, где организации не получили во-время распоряжения центра, выступления имели место согласно ранее полученной директиве.

Приводим обнародованные самим меньшевистским правительством сведения, касавшиеся этих выступлений, хотя сведения эти и были сильно извращены в пользу самих меньшевиков:

«Лагодехи. 24 октября, утром, в 4 часа толпа большевиков, приблизительно человек в 30, проникла в селение, заняла почту, телеграф и общественное управление и захватила в руки местную власть. При столкновении с пограничным отрядом был убит один из изменников и один солдат, охранявший оружейный склад, тяжело ранены офицер Гамкрелидзе и милиционер. Толпа захватила склад оружия, похитила 150 трехлинейных винтовок и несколько ящиков с патронами»...

«Г. Поти. 23 октября, в 8 часов вечера состоялось тайное собрание местных большевиков, на котором было решено на другой день рано утром устроить выступление и захватить в свои руки власть. В восстании главное участье должны были принять моряки и жители сел. Набада. Арестованы руководители восстания, среди них начальник военного судна Макалатия и один бывший офицер. Всех арестованных до 100 человек. В организации повстанцев большую роль играл про-

фессиональный Союз моряков, который уже, по распоряжению правительства, закрыт»....

«24 октября состоялись вооруженные выступления большевистских шаек в Самтреди, Кулаши и сел. Губи. В Самтреди виновные задержаны. В Кулаши толпа проникла из сел. Марани (Сенакского уезда) и заняла несколько учреждений. В сел. Губи повстанцы выступили с коммунистическим флагом, обезоружили милиционеров и нескольких граждан. В сел. Сачилао во время выступления большевиков был арестован комиссар»..

«В обществе Марани (Сенакский уезд) имело место выступление большевиков в числе 30 человек. Они ранили управдела администрации Кордзайа и заняли почту и телеграф»...

«Близ Душета 24 го октября, в 4 ч. утра было совершено нападение на комиссариат сел. Базалети. Было обезоружено 4 милиционера. Стрельба длилась 15 минут». (См. газ. «Борьба» 29/X 1919 г., № 246.)

Вот все, что писали меньшевики относительно выступлений 24-го октября. Они не обнародовали бы и этого, если бы не были к тому принуждены самим течением фактов.

Само собой разумеется, что в сообщениях все извращено, так как меньшевики желали скрыть правду. Но нельзя было отрицать того, что выступления эти, даже в том виде, в каком они описаны меньшевиками в своих газетах, свидетельствовали, прежде всего, о наличии серьезной работы и основательной подготовки.

Эти отрывочные сведения о выступлениях, совершенных в различных углах Грузии, в одно

и то же число месяца и почти в один и тот же час, говорили о том, что выступления эти совершались по программе, выработанной единым центром, и под руководством одной центральной организации.

Вызывало лишь удивление то обстоятельство, что не было выступлений в Гори, Душете, Телаве, Сигнахе и в Гурии (Озургетский уезд), т.-е. в тех именно местах, где было больше всего приготовлений и где, значит, восстания должны были непременно состояться.

Как мы уже отметили, это об'яснялось тем, что центр приказал провинциальным организациям воздержаться от выступлений; большинство провинциальных организаций получила вовремя этот приказ, остальные же получить его не сумели. Отсюда—несколько выступлений в двух-трех местах, к тому же второстепенных. Такие-же центры восстания, как Гори, Сигнах, Телав, Гурия и др., безмолвствовали.

Затем, самые сведения, опубликованные меньшевиками, свидетельствовали о том, что выступления, в своем большинстве, сошли с успехом, так как были достигнуты повстанцами те цели, которые были положены в основу выступлений—захват на местах власти. Исключение в этом случае составили Поти и Самтреди, где правительство успело за день до назначенного срока арестовать организацию по подготовке восстания.

В этом отношении интересны сведения, опубликованные правительством о событиях в Поти. Как выясняется из этих сообщений, в Поти была, оказывается, достаточно сильная организация. В то время играли существенную роль, с одной стороны, профессиональный со-

юз моряков, почти во всем своем составе и, с другой,—жители сел. Набада. Только число арестованных в г. Поти равнялось 100 человекам.

В заключение небезынтересно знать, какая судьба постигла все эти выступления. Меньшевики на этот счет хранили полное молчание. Дело в том, что главари выступлений узнали, что в центре—Тифлисе—23 го октября не было выступления, и что дан приказ о приостановлении выступлений вообще. Поэтому сами повстанцы приняли меры к ликвидации восстания без получения на то приказа, так как, при создавшихся условиях, борьба не имела уже никакого смысла.

Что-же касается самих повстанцев, то одна часть их была захвачена правительством, другая часть спаслась бегством.

Таков был финал выступлений 24-го октября. Один провал в серьезный момент повлек за собой полное расстройство широкого плана восстаний в масштабе всей Грузии.

Было ясно, что дело и на этот раз проиграно. Но центр все еще продолжал думать о продлении борьбы.

В этих целях был поспешно образован новый штаб и выработан на несколько месяцев план самого восстания. На этот раз восстание должна было начать провинция, вслед за которой должен был выступить и Тифлис.

Временем выступления были намечены 8-9 числа ноября. Это постановление было выполнено в меньшей еще степени — выступления имели место лишь в Гурии и Горийском

уезде, да и то местами: в Меджврисхеви и Ахалкалакском районе.

Это об'яснялось провалом военной организации 22 октября в Тифлисе и поражением выступлений тех дней в провинции, что вызвало в партийных организациях некоторую заминку. Вот что сообщали меньшевики о выступлении 9-го ноября:

„9-го ноября в сел. Ахалкалаки и Меджврисхеви (Горийский уезд) участники заговора арестовали местную администрацию и членов темского самоуправления, а в Меджврисхеви, кроме того—еще и начальника милиции. Арестовано 40 человек". И больше ни слова.

Что-же касается гурийских выступлений, газеты меньшевиков писали:

«В г. Ланчхути 9 го ноября большевики захватили в свои руки все местные общественные и правительственные учреждения, оборвали телеграфные провода и арестовали гласного городской думы Цилосани. Несколько часов спустя повстанцы, числом в 100 человек, были арестованы. В столкновениях убит один гвардеец. В тот-же день бальшевиками захвачено сел. Супса и местные учреждения. Тогда-же броневым поездом забрано 40 человек. В стычках убито три гвардейца.

9-го ноября толпа захватила у р о ч. Ч о х а т а у р и, провозгласив там советскую власть, и члена штаба народной гвардии Чигогидзе". (Газ. «Эртоба», 15 ноября 1919 г.).

Нечего и говорить о том, что сведений этих далеко недостаточно, чтобы иметь более или менее верное представление об этих и, в особенности, о гурийских выступлениях. Правда, во время выступлений в Гурии было допущено

много роковых ошибок*), но несмотря на это, выступления эти были достаточно серьезным и широко задуманным движением. В дело была втянута почти вся Гурия, но наиболее сильным движение оказалось в восточной Гурии (за исключением Сурεби) и в районе Ланчхут.

Чтобы сколько-нибудь представить себе то душевное настроение, которое переживали за это время гурийские товарищи, приведем отрывок из воспоминаний одного из активных участников этого восстания—тов. А. П. Имнайшвили: «Ланчхутский районный нелегальный комитет назначил последнее собрание Компартии в доме Нестора Квиркелия. Мы выслушали там доклад, касавшийся выступлений. Когда и в какой день будут выступления, решено еще не было. Все товарищи с большой радостью приветствовали это решение и с душевным трепетом ждали этого восстания и падения меньшевистско-буржуазного правительства. Не могу не отметить оптимистического выступления в этом собрании Иллариона Сарджвеладзе. Каждое слово, сказанное им, ударяло по нашим нервам, подобно электрическому току, и зажигало их. И если кто из нас до сих пор и обнаруживал хотя бы легкие признаки нерешительности, с этой минуты все мы были охвачены сильнейшей жаждой борьбы, и все мы дали друг другу клятву: или смерть, или победа.

День восстания наступил (8-ое ноября). Из всех деревень подходили наши отряды. Мы со-

*) В этом отношении у нас имеется интересная статья тов. Ф. Каландадзе, написанная им после выступлений и напечатанная в № 2 „Летописи Революции“ (Революции с Матиане“).

бирались у подножья горы, в глухой деревушке Джабели. Собралось более 500 человек, но беда наша была в недостатке оружия. Мы разделились на отряды для овладения различными учреждениями Ланчхутского района».*)

Тут речь идет лишь о группе, действовавшей в районе Ланчхути-Чибати. Еще более интересные сведения о гурийском восстании дает тов. Т. Мгалоблишвили в своих воспоминаниях. Приводим из них некоторые выдержки: «Наша работа выражалась в одной организации всеобщего восстания в Грузии. Уездные руководящие работники должны были вести по своим уездам также и военную подготовку.

Мы созвали гурийскую уездную конференцию. Сделали доклад. Хотя царила и сильная реакция, и много передовых товарищей сидело по уездным и губернским тюрьмам, но, несмотря на все это, нашу уездную конференцию в сел. Пичхисджвари мы провели очень хорошо. Конференцию посетил тов. Г. Стуруа. Главным вопросом, стоявшим перед конференцией, было определение времени всеобщего восстания. Решили: после сбора урожая. По окончании конференции, товарищи приняли каждый свой район, в которых должны были вести военную подготовку.

Если не ошибаюсь, Гурия в то время была поделена на 12 районов. Каждый район имел своего собственного районного военного руководителя с членами штаба, а также сотских и десятских. Эти последние были в деревнях прикреплены к ком'ячейкам, от которых получали директивы. С уездным штабом имели

*) См. „Летопись Революции" № 2 (15). Статья Имнайшвили—«Восстание в Гурии в 1919 г.", стр. 4.

связь руководители районных штабов. Уездному штабу оказывал идейное руководительство уездный партийный комитет, выделивший из числа своих членов одного члена-председателя уездного комитета, который то же время являлся председателем уездного военно-революционного штаба.

Каждый товарищ обязывался быть на своем месте и тотчас же, по получении извещения, должен был явиться в назначенное место с оружием. Уездный революционный штаб в каждом районе имел взятых на учет солдат с отметкой, какую военную подготовку имел он.

Для осуществления и проведения в жизнь постановлений конференции мы поспешили в районы. Но не дремал и наш враг. Большинство товарищей было схвачено по районам. Весь состав Хидиставского районного комитета был также пленен в одну из ночей в сел. Буknари. Так большинство членов гурийского комитета было арестовано*)». Мы видим отсюда, насколько серьезным и глубоким было гурийское движение, как и при каких условиях и, в то же время, с каким под'емом готовилось там крестьянское восстание 1919 года.

Конечно, против восстания меньшевистским правительством принимались всяческие меры, перед самым восстанием им был арестован весь почти состав гурийского комитета. Но меньшевикам все-же не удалось сломить в Гурии крестьянского восстания. В назначенное время почти во всех углах Гурии произошло восстание крестьян. И если оно не закончилось

*) См.—„Летопись Революций" № 2 (15), статья М. Мгалоблишвили „Восстание в Гурии 7-8 ноября 1919 года", стр. 12.

полной победой, на это имелось у него много оправдывающих понесенное поражение причин, как, напр., арест руководящей организации накануне дня выступления, стихийные обстоятельства: крупный проливной дождь и разлитие рек, главным образом реки Супса, вследствие чего отряд, который должен был занять Озургеты, не имел возможности во-время перейти реки, и т. д. Но главной причиной неудач было то, что общая ситуация во всей Грузии в то время мало способствовала успеху восстания. И в этом состоял весь трагизм его. Но вне всякого сомнения, что если где-нибудь в Грузии, в каком-нибудь из его уездов или районов крестьянское восстание против власти меньшевиков имело глубокое основание и твердую почву, так это именно в Гурии. Можно сказать, что такой интенсивной подготовки к восстанию и такого широкого приобщения к нему крестьянских масс, какое наблюдалось в Гурии, почти нигде не было. И после этого у меньшевиков не могло уже быть никаких оснований утверждать, что против „демократической республики" могут выступать и выступают лишь отсталые районы, каковыми являются, мол, Душетский уезд, Юго-Осетия, Рача, Лечхум и Мингрелия, а вот такой-де-просвещенный угол, как Озургетский уезд—всецело стоит за меньшевиков. Таким-то образом лучшая и наиболее сознательная часть гурийского крестьянства об'явила непримиримую войну, войну на жизнь и смерть, правительству меньшевиков.

Конечно, надо было ожидать, что меньшевики выкажут особенную бдительност в борьбе против гурийского восстания. И на самом деле, не было границ их мстительности и в то же

время циничным издевательствам в отношении, главным образом, руководителей восстания.

В первую очередь расстреляли Ир. Сарджвеладзе, Кимоте Кереселидзе и Калиста Каладзе.

Мосе Сирадзе и Симон Адеашвили, которых ждал расстрел в первой группе, успели бежать. Шестеро товарищей: Гогвадзе, Гогивадзе Цилосани, Гварджаладзе, Чхаидзе, и Ап. Имнайшвили отправили в Кутаис на расстрел, так как расстрелять их на месте меньшевики, считаясь с настроением населения, не решались. Впоследствии расстрел был заменен им каторгой.

Все эти товарищи были из Ланчхут-Чибатской группы. Что же касается Чохатаурской группы, там, после подавления восстания, было арестовано 48 человек. Из них восемь товарищей было около Озургет расстреляно. Вот их имена: 1) Филимон Гоголадзе, 2) Автандил Мамаладзе, 3) Михако Бердзенишвили, 4) Илья Цинцадзе, 5) Теофил Тедорадзе, 6) Бения Беридзе, 7) Пармен Мамаладзе и 8) Тарас Миндадзе.

Вслед за этим начался разгром и грабеж повстанческих селений, уничтожение повстанческих очагов. Громадное количество крестьян было арестовано, многих приговорили к каторге, а большинство было без суда упрятано в кутаисскую тюрьму. Таких было до 1000 человек, но туда входили и заключенные из разных мест Грузии. Только каторжан было до 60 чел. Кроме того—в тюрмах Тифлиса сидело множество народа за восстания 1918-1919 годов.

После подавления восстания в октябре-ноябре 1919 года меньшевики захватили в свои руки большинство как местнх организаций, так и Краевого Комитета центра.

Из состава Краевого Комитета только два товарища избежали ареста—Назаретян и Туманов (этот последний был кооптирован в Краевой Комитет).

Таким образом, большевисткое движение в Грузии, несмотря на то, что у него в широких массах народа были заложены глубокие корни, вновь потерпело поражение. Вместе с тем распались организации, и почти все активные работники были либо расстреляны, либо сидели по тюрьмам.

Надо было ожидать, что после всего этого воля народа сломится, и он смиренно преклонится перед насильниками.

Но дело было иначе.

Дикость и жестокость меньшевиков, с одной стороны, еше больше возмутили народ, но, с другой,—они его еще более закалили.

В народе жила и не умирала надежда на то, что в грядущих его выступлениях он обязательно победит.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1920 год

Мы знаем, что в период большевистских выступлений в октябре и ноябре 1919 года в Грузии Россия переживала величайшие потрясения: почти вся Украина, юг России и северный Кавказ были заняты белогвардейцами; в это же время Деникин постепенно продвигался к северу. Красная армия отступала.

Грузинские меньшевики возлагали большие надежды на победу белогвардейских монархистов и поражение в России советской власти, так как в этом случае они избавлялись от большевистских восстаний у себя, внутри страны — с одной стороны и, с другой, — обеспечивались от необходимости иметь с большевистской Россией непосредственную пограничную связь. Поэтому у них были установлены с белогвардейцами взаимные сношения.

Конечно, эти господа избегали связывать себя официальными договорами с Деникиным, так как опасались партийной массы, которая ни в коем случае не одобрила бы заключения договора с контр-революционным генералом, направленного против Советской России. Но между грузинскими меньшевиками и Деникиным существовали негласные сношения,

и у Деникина был в Грузии «неофициальный посол»—ген. Баратов.

Вот выдержки из дневника известного Джугели:

„3-ье августа. 1919 г. Тифлис.

Назревают крупные события. Итальянцы уже не едут в Закавказье, а англичане хотят 15-го уйти отсюда! Это совершенно оголяет нас и создает для нас величайшие опасности— главным образом с юга (так как с севера меньшевики опасности уже не предвидели, ибо в этом направлении в это время господствовал Деникин. Ф. М.). Поэтому 1 августа было заседание правительства и решено убедить англичан не покидать Закавказья. Ответа пока нет. Вчера Евгений (Гегечкори), Коция (Гварджаладзе) и я имели свидание с генералом Баратовым—неофициальным послом от Деникина. Я первый раз встретился с этим популярным генералом. Он слишком красноречив, слишком многоречив и слишком сладко поет. Производит впечатление искренности, но иногда сквозит большая хитрость. Он заявил: «Деникин признает вашу неприкосновенность, ваш нейтралитет, вашу самостоятельность и не просит у вас никаких сил. Он хочет одного: освободите его от вечной угрозы вашего наступления (тут автор говорил нелепость, ибо наступление меньшевиков на Деникина было бы просто смешным. Это было лишь фанфаронством и ничем иным. Ф. М.), не мешайте ему наступать на Москву». На это Евгений отвечал очень дельно и с большим достоинством. Ответ был таков: «Оставьте нас в покое и знайте, что мы предпочтем совершенно погибнуть, чем покориться вам» *)

*) „Тяжелый Крест“ В. Джугели, стр. 163.

Все это было кривлянием и фанфаронадой в целях произвести впечатление. Вся эта выписка по существу не заключала в себе правды ни на одну ноту. Кроме того, автор ни словом не обмолвился в своем дневнике — что же они ответили на заявление Деникина о наступлении на Москву? Но мы-то очень хорошо знаем, что могли они ответить неофициальному послу Деникина. Ведь не так себе был прислан к грузинским меньшевикам этот «популярный» и красноречивый генерал. Он приехал в Грузию по делу, и меньшевики хорошо ценили это,*) т.-е., насколько это было в их силах—они поддерживали всячески поход Деникина на Москву.

Словом, они сочувствовали Деникину, ведшему борьбу с Советской Россией и думавшему овладеть Москвой. Меньшевики были убеждены в том, что раз Деникин заставляет Красную армию отступать—значит большевизму пришел капут.

Вот почему Джугели в одном месте своего дневника писал: «Вчера большевики произвели неудачные вооруженные выступления во многих уголках республики Грузии: в Поти, Самтреди, Душете, Телаве, а в Лагодехах даже захватили власть. Несчастные! Они теряют Харьков, Киев, Курск, Царицин и завоевывают Лагодехи! Они теряют всю Россию, но стараются завоевать Туркестан и Грузию».**)

---

*) И это было главной причиной решения болшевистской организации убить Баратова, чтобы пресечь дальнейшие переговоры меньшевиков с Деникиным. Этот акт был возложен на тов. Аркадия Элбакидзе, который в сентябре 1919 г. произвел нападение на Баратова.

Тяжело раненый Баратов выздоровел.

**) „Тяжелый Крест“ В. Джугели, стр. 175.

Несчастными поистине были именно меньшевики и автор вышеприведеных строк из дневника, ничего не видевшие дальше своих носов. Большевики, делавшие в Грузии выступление против меньшевистской власти, оказывались в конце-то концов гораздо более предусмотрительными. Разве они не замечали, как Красная армия в то время все дальше и дальше уходила от Грузии и отступала? Они все это хорошо видели и, тем не менее, не прекращали вооруженных восстаний за установление советской власти... хотя бы Лагодехах, так как были убеждены что грядущее будет принадлежать все-же именно советской власти.

И, действительно, не прошло после этого восстания имесяца, как военный успех снова повернулся в сторону Красной армии. Начался усиленным темпом отход Деникина и оставление всех взятых им городов.

Вследствие этого победоносная Красная армия стала приближаться к Закавказью, в частности к границам Грузии. Нечего и говорить о том, что это обстоятельство должно было неизбежно вызвать колоссальный под'ем духа и энтузиазм среди тех, кто впродолжении двух последних лет организовывал систематические выступления в Грузии для установления здесь советской власти. Так оно и было на самом деле: крестьянские массы встрепенулись, и вновь ожила надежда на победу.

Краевой Комитет не мог не обратить на это обстоятельство должного внимания. Он полагал, что окончательная ликвидация деникинской контр-революции и продвижение Красной армии к границам Грузии не пройдут спокойно.

Но Красной армии во что бы то ни ста-

ло необходимо было иметь какую-нибудь предлог для оказания помощи крестьянам и рабочим Грузии в борьбе. Для этого нужно было вновь готовиться к вооруженным выступлениям ко времени приближения Красной армии к границам Грузии.

Краевой Комитет приступил к этим подготовительным работам. Первоочередной задачей его было—способствовать устройству восстаний на Северном Кавказе, в тылу у Деникина и ускорению, таким образом, нападения. . . .

. . . . . .

Дело это Комитет, по мере возможности, налаживал. Что-же касается Грузии, Краевой Комитет принимал меры к организации по уездам вооруженных отрядов, а также и в Юго-Осетии.

Надо сказать что за короткое время удалось создать такие отряды в Горийским уезде; для Юго-Осетии создан был достаточно сильный отряд на Северном Кавказе, именно во Владикавказе. Создавались отряды и по другим уездам. Остановка была лишь за вооружением, которое надо было приобрести. Краевой Комитет, кроме того, оказывал свое содействие как материально, так и предоставлением руководителей, также и так-называемой зеленой армии, действовавшей в Сочинском округе против Деникина.

Целью Краевого Комитета было подчинение этой зеленой армии своему влиянию, так как меньшевики думали использовать эту-же армию в своих собственных целях.

Можно утвердительно сказать, что стараниями Краевого Комитета в этой армии, в конце-концов, восторжествовало большевистское влияние.

VIII.

Таким образом, с началом 1920 года как в Грузии, так вообще и в целом Закавказьи создаются более подходящие условия для оживления и усиления работы. Первым делом усилилась она в самом Тифлисе; это об'яснялось тем, что жертвами репрессий во время выступлений 1918 и 1919 годов оказались, главным образом, уездные организации, тифлисская же пострадала сравнительно мало. Это одно. А кроме того—за последний год господства меньшевистской власти среди тифлисских рабочих произошел вообще большой перелом. Как нам известно, большая часть тифлисских рабочих и раньше, т.-е. еще до революции 1917 года, держала сторону меньшевиков. После революции они, в большинстве случаев безотчетно, инертно пошли вновь за меньшевиками.

Вожди меньшевиков (Жордания, Церетели, Чхеидзе, Гегечкори, Рамишвили и др.) гипнотизировали массы напыщенной революционной фразеологией. Эти господа рисовали себя в глазах масс, конечно, истинными революционерами и подлинными спасителями революции, апостолами демократизма и, в то же время, истинными друзьями рабочих и крестян.

Большевиков они клеймили именем дезорганизаторов, губителей революции, изменников Грузии, агентов Турции и пр. и пр. Масса очень долго не могла во всем этом разобраться и слепо доверяла вождям меньшевиков.

Но время шло, и рабочие постепенно, благодаря урокам и опыту жизни, все яснее и яснее усваивали себе действительное положение вещей.

Меньшевики заронили в сознание рабочих масс возмутительную ложь, состоявшую в том, что они об'явили все крестьянство врагом революции и уверили рабочих, что крестьяне хотят будто бы отнять у них все завоевания революции и возродить вновь монархию.

Этой во всех отношениях бесстыдной и отвратительной клеветой они будоражили рабочих и восстановляли их против восставащих крестьян Юго-Осетии, Душета, Рачи-Лечхума, Мингрелии, Гурии и других мест. И этим можно об'яснить, что тифлисские рабочие, главным образом в лице гвардейцев, проявляли такую жестокость и беспощадность по отношению к восставшим крестьянам. И действительно, если меньшевики были в своем обвинении правы — иначе с крестьянами и нельзя было бы поступить. Но действительность говорила, что это вовсе не было так, ибо крестьяне требовали отобрания от помещиков земель и передачи их крестьянству безвозмездно, они боролись за восстановление связи с Советской Россией.

Словом, крестьянство боролось против помещиков и господства буржуазии, сторону которой держали меньшевики. Отсюда ясно — были-ли крестьяне врагами революции и рабочего класса.

С другой стороны, для рабочих делалось все яснее и яснее, что именно меньшевики проводили политику, сводившую на-нет все завоевания революции, и что они об интересах рабочих вовсе не заботились. Вследствие всего этого среди тифлисских рабочих — как партийных, так и беспартийных—постепено зарождается оппозиционное настроение в отношении меньшевистской власти, с одной

стороны, и сочувствие большевикам — с другой.

Эту опасность прекрасно чувствовали и вожди меньшевиков. Недаром же в одной из своих речей Н. Жордания обмолвился такой фразой:—каждый рабочий у нас по своему положению является сторонником большевизма.

И эта опасность сейчас делалась все реальнее и реальнее. Вожди меньшевиков чувствовали уже, что и среди рабочих они теряют свой былой престиж, и что рабочие, пока-что, им безмолвно подчиняются. Меньшевистское правительство стало призадумываться, главным образом после окончательного разгрома армии Деникина и занятия Красной армией вновь всего Северного Кавказа.

Таким образом, Советская Россия внезапно очутилась рядом с двумя республиками: Азербайджаном и Грузией. Подходил судный день для этих двух республик за все грехи, которые были ими совершены в отношении рабочих и крестьян Советской России.

Это было, приблизительно, весной 1920 года. Почти все население Грузии, без различия партий, национальностей и возраста, чувствовало, что установление советской власти на Северном Кавказе не может для закавказских республик пройти безрезультатно, что это обстоятельство неизбежно повлечет за собой соответственные перемены и здесь. И громадное большинство населения с каким-то невольным нетерпением и, возможно даже, с радостью ожидало этих перемен. Это об'яснялось множеством причин, из которых главнейшими были две: 1) меньшевики в общем достаточно уже надоели народу—с одной стороны своим фан-

фаронством, хвастовством и наглостью, и с другой—никчемностью и бездарностью, 2) в Грузии обострялся постепенно продовольственный кризис. Главной бедой населения было отсутствие хлеба. Народ полагал, что провозглашение в Грузии советской власти, что само собой уже означало бы связь с Россией, если не совершенно ликвидирует этот кризис, то, по крайней мере, отчасти его смягчит. Во всяком случае, население рассуждало так: давай-ка попробуем большевистскую власть. Хуже той она ведь не будет, которою мы сейчас пользуемся.

Таковы были в общем думы населения.

Иначе, конечно, встречали появление Красной армии на границах Грузии революционные рабочие и крестьяне. Они были убеждены в том, что дни меньшевистской Грузии были уже сочтены, но для этого было необходимо принятие ими соответствующих мер, т.-е., как мы уже упоминали выше, необходимо было создание вооруженных отрядов и организация восстаний, дабы у Красной армии было основание оказать восставшим помощь.

Меньшевики все это заранее почувствовали. Они убедились в близости своего последнего часа—если ими не будут приняты какие-нибудь меры для устранения надвигающейся катастрофы. С этой целью они спешно и конфиденциально посылают в Москву своего уполномоченного (Уратадзе) для заключения мирного договора с Советской Россией.

Правительство Советской России, которое совершенно не знало, да и не могло знать, тогдашнего положения Грузии и душевного состояния грузинских рабочих и крестьян, с удо-

вольствием согласилось на предложение меньшевиков о заключении мира.

Поверенный меньшевиков был отправлен в Москву приблизительно во второй половине апреля, а самый мирный договор был подписан представителями обоих сторон 7-го мая. Но об этих переговорах ни одна организация большевиков на месте ничего не знала. Краевой Комитет и все остальные большевистские организации продолжали ту работу, которую они, по условиям того времени, считали нужной, т.-е. каждую минуту готовились к вооруженному восстанию.

Как раз в это время—27-го апреля—в Баку вошла без боя Красная армия и в Азербайджане была установлена советская власть.

Вслед за этим армия должна была подойти к Грузии или Армении, скорее к Грузии, хотя первомайские события в Ленинакане (Александрополе) и Эривани говорили как-бы о первоочередности установления власти советов в Армении. В Грузии же обстоятельства были в этом отношении слишком осложнены, несмотря на достаточно сильное в ней большевистское движение.

Не нужно забывать, что именно в это время большевики, главным образом крестьяне, тысячами сидели по меньшевистским тюрьмам.

Тифлисская большевистская организация, с разрешения Краевого Комитета, решила устроить 1-го мая свою собственную демонстрацию—в противовес меньшевистской.

После расстрела митинга 10 го февраля 1917 года в Тифлисе ни разу не было большевистской демонстрации. И первомайская демон-

страция должна была быть некоторой пробой, попыткой нащупать почву и выяснить настроение масс.

Надо сказать, что это была собственная инициатива большевиков-рабочих. Они были заранее предупреждены о том, что меньшевиками будут против них использованы меры физического воздействия, а возможно, что будет пущено в ход и оружие, чтобы разогнать большевистскую демонстрацию. Но, несмотря ни это, демонстрация состоялась и была прекрасно организована.

Группа большевиков-рабочих, числом до 100 человек, на двух грузовиках с красным коммунистическим знаменем и плакатами — под'ехала к Рабочему Дворцу. Плакаты были украшены надписями—«Да здравствует Советская власть!», «Готовьтесь к выборам в Советы Рабочих и Солдатских Депутатов» и др. Часть демонстрантов собралась вокруг двух своих грузовых автомобилей. Демонстрация произвела на всех большое впечатление. Тут-же рядом была демонстрация меньшевиков, но кому была она нужна! На нее никто и внимания не обращал.

Меньшевики силились разогнать большевистскую демонстрацию, но ничего у них не выходило. Они совершенно растерялись, что видно, между прочим, из статьи, напечатанной в меньшевистской „Эртоба". Приводим некоторые, наиболее характерные места этой статьи;

„Большевики — эти настоящие агенты российско-турецкого империализма — не только интригуют у нас, но даже устраивают вооруженные восстания с целью уничтожения и разрушения грузинской республики и подчинения тру-

дового народа иноземной силе. Сила противников не велика и немного у нее сторонников, но она все-же существует у нас благодаря всевозможным «комбинациям» и на деньги, ввозимые ею извне.

Эта сила показала свой истинно-хулиганский облик 1-го мая. Ведь не могли же хулиганы-большевики считаться с каким-то постановлением майской комиссии! Тайком, по-воровски без плакатов под'ехали они к Рабочему Дворцу на двух автомобилях в количестве, приблизительно, 40—50 человек (!) и лишь здесь вывесили свой плакат. И начались их выступления, выступления поистине провокационные.

Надо отметить, что впродолжении целой недели большевистские агенты распускали по Тифлису слухи о первомайском выступлении. Многие из доверчивых граждан думали, что случится нечто особенное. И в этом не было ничего удивительного. Ведь простой обыватель не может-же, в самом деле, знать—какой силой обладает демократия. Он не в состоянии этого уяснить себе, и потому вечно об'ят страхами. С первого же момента большевистского выступления обывателя стала трясти лихорадка страха, и достаточно было с большевистского автомобиля кому-то бросить возглас «да здравствует Советская Россия!», чтобы обыватель дрогнул и бросился на утек.

Это случилось перед Рабочим Дворцом, когда громадные толпы народа собрались тут—женщины, дети и пр. Весь проспект Руставели, от здания Учредительного Собрания до Государственного театра, был запружен народом. Только что прибыло из главных мастерских и

Депо несколько тысяч рабочих с флагами, музыкой и песнями.

В это самое время среди толпы шныряли большевистские агенты и старались вызвать панику своими разговорами о выступлении. Несколько напуганные граждане успокоились, и народ продолжал прибывать. ...Но гармонию нарушала все время большевистская группа с автомобилей. Стояли эти грузовики на Барятинской улице, и стоявшие в них продолжали шуметь. Вокруг автомобилей стояли несколько десятков граждан, апплодировали, кричали ура. Выбросили несколько знамен с надписями: «Готовьтесь к выборам в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов» и „Да здравствует правительство Советов", разбрасывали большевистские листовки. Несколько раз к ним подходили от имени майской комиссии с просьбой двинуться с места и не мешать процессиям, но те не обращали на просьбы ни малейшего внимания. Часть рабочих была того мнения, что их нужно оставить в покое; «накричатся, устанут и уйдут!» Другая часть окружила автомобили и кричала: «Долой агентов Кемаль-паши!», «Долой российско-турецкий империализм!», «Убирайтесь в Эрзерум!», «Подкупленные Энвер-пашой агенты!» и пр. В конце концов эти автомобили тронулись. Все думали, что они совершенно оставят улицу, но они остановились перед Храмом Славы и возобновили свой крики, что всех сильно возмутило. Насильников обступила группа рабочих и стала угрожать им кулаками и т. д.» („Эртоба", 1920 г. № 3).

Далее автор описывает самое побоище на кулаках, которое, под диктовку меньшевист-

ских вождей, возгорелось между двумя враждующими лагерями.

Но из самой статьи, принадлежавшей меньшевистскому автору и написанной под диктовку меньшевистских вождей для вящего очернения большевиков, все-же видно, что первомайская демонстрация большевиков представляла из себя достаточно внушительную силу. Было достойно внимания и то обстоятельство, что подпольная организация выступила такой подготовленной и выставила против правительства меньшевиков, не говоря уже обо всем прочем, целых два автомобиля, которые, очевидно, принадлежали тому же правительству. Но это было дело самих рабочих, это могли сделать только они, и против них было бессильно итти даже правительство меньшевиков.

Таким образом, демонстрация 1-го мая показала воочию всем, что среди тифлисских рабочих большевистская организация пользовалась достаточным сочувствием, а значит — среди рабочего класса была уже достаточно созревшая почва для советской власти.

Да и в другом отношении этот момент был крайне удачен для свержения меньшевистской власти. Все вокруг было охвачено волнениями и смутой. На севере и востоке стояла Красная армия, в Армении влияние дашнаков поколебалось, что и вызвало, наконец, их падение. В самой Грузии положение было слишком натянутым—в ожидании больших перемен и великих катастроф. При создавшихся условиях оставаться спокойным и инертным было трудно, в особенности было это трудно для организации, впродолжении нескольких лет бывшей в подполье, т.-е. для нашего Краевого Комитета.

Комитетом было получены точные сведения о том, что 3-го мая вечером весь состав правительства должен собраться в Народном Доме. При помощи двух воинских верных нам частей можно было очень легко арестовать все правительство, вслед за чем должно было последовать провозглашение советской власти и обращение к Красной армии за помощью. После условленного пушечного выстрела вся тифлисская организация должна была выступить и занять все главные учреждения.

Поэтому всю ночь 3-го мая вся тифлисская организация большевиков провела на ногах, готовая действовать. Большую помощь в этом деле оказывал Коммунистический Союз Молодежи—тогдашние спартаковцы. К сожалению, план этот не осуществился только из-за того, что артиллерийская часть не дала выстрела в назначенное время из орудия. Но главарь этого дела (тов. Ал. Махарадзе) все-же произвел нападение на Военную Школу с целью обезоружения ее, что окончилось неудачей.

Об этом нападении и о его участниках меньшевики в своей газете поместили следующее сведение с провокационными целями:

«Расстрел за нападение на военное училище.

Военный суд приговорил к смертной казни, за вооруженное нападение на Военное Училище в ночь 3-го мая сигнахского жителя Эргмианца, вызванного из Батума с этой целью, Мушегианца, вызванного из Карса, и Брдзианца, тоже для этой цели вызванного из Александрополя. Приговор вчера-же был приведен в исполнение" (газ. «Эртоба» 1920 г., № 99 от 5 мая).

Получалось так, что нападение это было организовано совершенно частными лицами, к тому-же еще армянами.

Этим господам хотелось во что бы то ни стало доказать широким слоям общества, что против грузинской «демократической» республики борются не грузинские рабочие и не грузинские крестьяне, а прибывшие из Карса и Александрополя, да еще нарочито посланные, армяне...

Это была обычная меньшевистская повадка с целью дискредитирования в глазах народа большевистского движения. Главарями большевизма в Грузии они называли то осетин, то армян, а то и евреев. Им всюду мерещились одни лишь осетины, евреи да армяне, хотя им прекрасно было известно, что в этом движении в Грузии главным образом вдохновителями являлись грузины. Но стоило-ли на это обращать внимание. Необходимо было, первым делом, ликвидировать последствия нападения 3-го мая.

Краевой Комитет еще не закончил этой работы, когда по Тифлису пошел слух о заключении меньшевистским правительством мирного договора с Советской Россией. Краевой Комитет к слухам этим отнесся с недоверием; однако, скоро они оправдались.

Этот акт должен был внести во всю работу и тактику большевиков коренные изменения. Так оно и вышло. Отныне у нас создались для Коммунистической Партии новые и, в то же время, крайне своеобразные условия. Но перед тем, как перейти к этой новой полосе, нам кажется неоходимым в возможно кратких чер-

тах обрисовать положение, создавшееся в Батуме.

Дело в том, что в это время Батум был занят оккупационными английскими войсками. Оккупанты в дело управления ставили российских белогвардейцев – деникинцев. Англичане, оставив Азербайджан и Грузию, основались. однако, в Батуме и почти впродолжении 16 месяцев хозяйничали здесь—совершенно как в покоренной стране.

Тут, в Батуме, собрались хищники почти всех стран, привозившие сюда из Европы и Америки громадное количество негодного и гнилого товара, который они и сбывали в Закавказье, Закаспийский Край, Персию, ибо фактически железные дороги Грузии и Азербайджана были в их руках.

Но в конце 1920 года Краевой Комитет получил сведение об оставлении англичанами Батума и о передаче ими его меньшевистскому правительству. Подтверждением правильности этого сведения являлось, между прочим, то обстоятельство, что за последнее время между Батумом и Кобулетами участилось движение броневого поезда.

Краевой Комитет нашей партии сделал распоряжение чтобы батумский комитет всячески препятствовал в'езду меньшевиков в Батум.

Экстренно был сорганизован боевой отряд. В распоряжении батумского комитета было военное бюро, которое, получив распоряжение Краевого Комитета, приступило к подготовке взрыва Кинтришского моста, что, конечно, помешало бы броневому поезду проникнуть в Батум. Все было уже готово к взрыву, и как только батумский комитет узнал о том, что по на-

правлению к Батуму идет бронепоезд,—в час ночи мост был взорван.

Следует отметить, что этот взрыв был произведен так искусно, что комиссия англичан и меньшевиков, организованная меньшевистским правительством, была поражена технической стороной этого взрыва. Движение поездов было на несколько дней приостановлено.

В меньшевистской прессе поднялся по поводу взрыва целый переполох, печатались провокационные статьи, в которых советовали англичанам строже разделаться с террористами-большевиками, которые, по мнению меньшевиков, приступили уже к подготовительным работам по захвату в Батуме власти, для чего организуют против англичан восстание. А в «Борьбе» печатались даже сведения о количестве в Батуме большевистских войск и о том еще, где у них спрятано оружие, и т. д.

Провокация меньшевиков вызвала большой шум и переполох среди оккупантов. Был издан экстренный приказ генерала Кук-Коллиса; английские войсковые части готовились вступить в борьбу; город заполнился усиленными патрулями. Несмотря на то, что английское командование прекрасно знало местных большевиков, оно все же не решилось на аресты их, так как ему было известно, что почти 100 проц. батумской рабочей массы стояло за большевиков и за их лозунги. Об этом англичане хорошо знали. Это понятно, если мы вспомним известное заседание в городском самоуправлении, где собрались как правления профсоюзов, так и представители заводов, а также крестьяне, главным образом Кобулетского района, и где, после больших прений, была приня-

та известная резолюция о том, что единственной приемлемой для крестьян и рабочих Батума и его округа властью является советская власть.

Как эта резолюция, так равно и майская демонстрация убедили англичан в том, что рабочие и крестьяне настроены большевистски, почему против них и не действовали репрессиями.

В Батум в это время прибыл генерал Томсон. Меньшевики установили с англичанами контакт в деле борьбы соединенными силами против большевиков. В батумском порту стоял большой флот государств Согласия, а в городе у англичан были большие и вооруженные с ног до головы воинские части.

И несмотря на трудность работы в этой атмосфере, батумскому комитету все-же удалось сорганизовать большую забастовку.

Но меньшевики и тут оказались изменниками и выпустили фальшивое постановление. якобы батумского комитета большевиков, в котором был призыв к забастовщикам вернуться к работам.

И они достигли своей цели, ибо наш комитет, работавший в подполье, не успел вовремя разрушить этого провокационного плана.

Батум постепенно заполнялся контр-революционными элементами. Тут сконцентрировались: белогвардейский штаб, Особый отряд меньшевиков, английская контр-разведка.

Работа белогвардейцев была до такой степени нагла, что они явно и открыто угрожали большевистским руководителям смертью. Но наш комитет встретил эту угрозу с открытой

грудью, и сам постановил взорвать белогвардейский пароход, направлявшийся с грузом динамита в царство Деникина.

Но взрыв парохода не состоялся, хотя мина и взорвалась уже на пароходе, убив двух офицеров английского генерального штаба.

Акт этот сильно напугал лагерь белогвардейцев, которые уже не осмеливались открыто угрожать нам. Несмотря на большевистское настроение батумских рабочих, они еще небыли вполне подготовлены к борьбе, почему захват власти не мог быть во-время осуществлен.

Вышеприведенные данные, переданные нам тов. Певцовым—активным участником батумских событий,—в достаточной мере характеризуют тогдашнее положение дел в Батуме. Но мы считаем необходимым прибавить к этим сведениям еще и следующее:

Когда окончательно выяснилось, что английские оккупационные силы должны покинуть Батум, купцы и спекулянты начали вывозить из Батума в Константинополь весь товар. Вывозили муку, сахар, мануфактуру.

Состоятельный класс городского населения мог еще покупать для себя эти продукты, но рабочие лишены были этой возможности. Вывоз за границу продуктов потребления мог вызвать продовольственный кризис.

Урегулировать этот вопрос взялся Совет рабочик профессиональных союзов, в своем заседании постановививший следующее: «Установить контроль вывозимым в Константинополь товарам. Вывоз товара в Грузию и за ее пределы остается свободным.»*) Была избрана

*) Статья тов. Тавберидзе в газ. „Заря Востока" № 1597

комиссия, без разрешения которой нельзя было провезти ни одного фунта в Константинополь.

Оккупационная власть, обладовшая громадной армией, сделалась бессильной принять какие-либо меры против Совета професс. союзов. Можно сказать, что за эти дни власть фактически была в руках рабочих союзов И этими союзами руководил местный комитет Коммунистической Партии.

Он, по поручению Краевого Комитета, совершил смелый террористический акт: в Батуме, на улице, среди бела дня был убит палач рабочих и крестьян—деникинский генерал Ляхов.

Под руководством батумского комитета была проведена 30-го апреля рабочая конференция, вынесшая известную резолюцию о введении в Батумском округе советской власти. Эта-же конференция устроила и образцово провела в Батуме первомайскую демонстрацию, в которой приняло участие до 20 тысяч народа: было бесчисленное количество красных флагов с коммунистическими лозунгами.

Главари демонстрации, желая использовать то обстоятельство, что демонстрация приняла такой грандиозный характер, решили освободить арестованного оккупационной властью тов. Губеля, одного из участников убийства Ляхова. Делегация явилась к представителю оккупационной власти и просила от имени участников митинга освободить Губеля на один день.

Ген. Куви, после долгих препирательств, дал на это согласие, и случай, таким образом,

избавил тов. Губеля от неминуемого расстрела.

Но английская оккупационная власть, несколько дней спустя, отомстила рабочим Батума арестом лучших руководителей, числом до 18 человек, высланных тотчас же в Константинополь*).

Этот арест чрезвычайно ослабил батумскую организацию и способствовал временному поражению коммунистического движения.

Нечего и говорить о том, что пока английская оккупационная власть находилась в Батуме, думать о водворении тут советской власти было невозможно. Тем труднее было это сделать, когда на смену англичанам в Батуме установилась меньшевистская власть. И это станет легко понятным, если мы ознакомимся с положением, которое явилось в результате заключения мирного договора с Советской Россией.

IX.

Выше мы уже говорили, что заключение мирного договора между меньшевистским правительством и Советской Россией коренным образом изменило положение коммунистических организаций как вообще в Закавказьи, так в частности и в Грузии.

Согласно этому договору—меньшевистское правительство Грузии обязывалось признать Грузинскую Коммунистическую Партию, как легальную организацию. Конечно, со

*] Через несколько месяцев эти товарищи вернулись из плена, чего никто уже не ожидал.

Ф. М.

стороны меньшевистского правительства это являлось достаточно большой уступкой.

В силу договора—большевистская организация Грузии, втечение почти 3-х лет работавшая в подполье, боровшаяся и систиматически устраивавшая восстания с целью свержения меньшевистского правительства, совершенно неожиданно д е л а л а с ь л е г а л ь н о й п а р т и е й.

Из меньшевистских тюрем выходило более 1.000 наших товарищей, а также возвращалось к легальной жизни несколько сот товарищей, бывших в бегах и скрывавшихся. Но самым существенным было, что отныне получалась возможность расширения работы Коммунистической Партии и постановки в более нормальные условия дела воспитания членов ее, так как отныне никто за партийную работу не может уже быть преследуем. Но рождался невольный вопрос: возможно-ли было или нет проведение легализации нашей партии при господстве меньшевиков? Ни для кого не составляло тайны, что работа Коммунистической Партии при тогдашних условиях Грузии сводилась только к подготовке вооруженного восстания против существующего строя. Ни о какой парламентской борьбе, которая существует в буржуазных странах между буржуазными или полубуржуазоыми партиями, не могло быть и речи между меньшевиками и большевиками.

Отказаться от борьбы—это было бы равносильно ликвидации Коммунистической Партии, а вести борьбу возможно было только методами восстаний. Значит—как могли меньшевики, в руках которых была вся полнота власти, допустить легальное существование и

легальную работу такой партии, которая вела с ними борьбу при помощи вооруженных восстаний?

Договор не давал никаких ответов на это. Этот вопрос должна была разрешить, прежде всего, сама Коммунистическая Партия, а затем —и действительность.

В этих целях, в первые-же дни легализации было созвано в Тифлисе узко-партийное совещание представителей всех городских и уездных организаций Грузии.

Совещание было сорганизовано, конечно, нелегально.

Единственным вопросом, подлежавшим обсуждению совещания, была предстоящая работа партии и разрешение задач, связанных с создавшимся положением.

Совещание ответило на этот вопрос так: подготовка к вооруженному восстанию должна быть снята с порядка дня, во всяком случае в отношении близкого будущего; партия должна принять всяческие меры и потребовать от меньшевистского правительства, чтоб партийной легальной работы, согласно заключенному договору, была обеспечена безопасность и свобода. Вместе с этим совещание высказало мысль, что не следует увлекаться легализацией и что наряду с легальным аппаратом должен быт сохранен также и аппарат нелегальный. Мысль эта, по различным соображениям, не была внесена в протокол.

Таким образом, согласно постановлению совещания—должны были быть немедленно распущены все отряды, созданные Краевым

Комитетом, технику-же (оружие, типографию и пр.) следовало скрыть.

В общем душевное настроение среди товарищей было скорее пессимистическим, так как никто не верил в возможность проведения легализации.

Немедленно приняты были меры к роспуску отрядов, что оказалось делом не таким уже легким.

Партия приступила, с своей стороны, к легальному оборудованию своего аппарата, подыскала помещения для Бюро Комитета и ячеек, приступила к изданию легального органа («Коммуниста») и пр.

Закипела горячая работа.

В партию шла запись ежедневно десятками и сотнями. Но в это-же время оживил свою «работу» и Особый отряд меньшевиков, т.-е. пошли снова репрессии против Коммунистической Партии, аресты, выселения и в иных случаях даже убийства (убийство тов. Калиашвили в Хашури). Эти репрессии начались на другой же день легализации партии.

У дверей редакции «Коммуниста», перед зданием Центрального Комитета, и вообще перед всеми партийными бюро и ячейками постоянно торчали агенты Рамишвили Кедия и их шпионы, которые всех, имевших дело в этих учреждениях, сначала обысковали, а затем затем забирали.

Но все эти репрессии были временно забыты, затененные тем ужасом, который разыгрался над и без того измученной Юго-Осетией.

Дело было вот в чем. Кавказский Краевой Комитет в ожидании занятия Красной армией

Северного Кавказа выработал план всеобщего восстания вообще в Закавказьи и, в частности, в Грузии. В этих целях, по директиве Краевого Комитета и с его материальной помощью был образован на Северном Кавказе, а именно—во Владикавказе – вооруженный отряд из осетин.

Состав отряда был почти в 1000 человек. Он должен был, когда в этом явится нужда, через Кавказский перевал пробраться в Юго-Осетию и тут оказывать помощь в деле установления советской власти.

В первых числах июня отряд перебрался с Северного Кавказа и занял Юго-Осетию. Об этом Краевой Комитет ничего решительно не знал. Он своевременно не догадался предупредить находившийся в то время во Владикавказе отряд осетин, чтобы тот не предпринимал никаких шагов после заключения договора между меньшевистским правительством и Советской Россией. Краевой Комитет думал, что вывод этот сделают сами товарищи, руководившие упомянутым отрядом. Но вышло не так, и мы сделались свидетелями нового восстания в Юго-Осетии. Весь трагизм этого восстания заключается именно в том, что оно и на этот раз оказалось совершенно изолированным, ибо ему не могли уже протянуть руку помощи ни Краевой Комитет (сейчас уже Центральный Комитет Компартии Грузии), ни Северный Кавказ — как часть Советской России — не имевший на это, в силу договора 7-го мая, никаких уже прав. Таким образом и это новое восстание с самого своего начала оказалось обреченным на гибель.

Для меньшевиков-же это был только повод мстить Осетии. И на несчастье — война меньшевиков с Азербайджаном была фактически окончена, почему меньшевики и имели полную возможность все свои военные силы бросить против Юго Осетии.

И для борьбы с небольшой горсточкой они посылают туда целый батальон, один конный полк и две горных батареи, не считая уже гвардии.

Наступление было начато 9-го июня и продлилось до конца месяца.

Мы не будем здесь останавливаться на описании тех ужасов и дикостей, которые были совершены меньшевистскими войсками и гвардией под начальством палача Джугели над населением Юго-Осетии.

Они не далали различия между старыми и молодыми, женщинами и мужчинами, вооруженными и безоружными. Меньшевистские палачи уподоблялись зверям и дикарям. Они убивали всех без разбора, разрушали, жгли все на своем пути.

Уже 12-го июня Джугели отмечает в своем дневнике:

«Осетины бежали в горы. Они понесли большое поражение. У нас почти нет потерь. Но среди гвардейцев страшное раздражение против неусыпных наших врагов, и потому уже сгорело несколько домов. Это горят дома повстанцев... Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно.*)

На следующий день, 13 июня, этот господин вновь заносит в свой дневник:

*) „Тяжелый Крест" В. Джугели—стр. 229.

«Но нет покоя! Ибо вокруг нас горят осетинские деревни. Ужасная расправа, но иного пути нет».... «Я со спокойнной душой и с чистой совестью смотрю на пепелища и клубы дыма.... И я совершенно спокоен».**)

Напрашивается невольно вопрос: где и как находил этот господин время для писания своих дневников среди этих разрушенных, сгоревших и растерзанных бревен, среди груд пепла и обгоревших деревень? Этот «рыцарь беспримерный» уверял, что в Юго-Осетии дома горели беспрерывно 14-го, 15-го, 16-го и 17 го июня.

«Горят огни... Дома горят.. А огни горят и горят!.. Горят всюду...» Далее автор поясняет:

«Деревни здесь расположены на больших высотах. Очевидно, осетины вообразили, что они вне пределов нашей досягаемости! Но теперь всюду огни... Горят и горят... Зловещие огни! Какая-то страшная, жестокая, феерическая красота... И озираясь на эти ночные, яркие огни, один старый товарищ печально сказал: «Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима».**)

И на самом деле—среди всего человеческого рода разве что только один, пожалуй, Нерон мог уподобиться этим выродкам!

Хорошо еще, что сами они разыскали в истории свой прототип. Но нет: эти господа в своих отвратительных действиях только приблизительно походили на Нерона, на самом-же деле были мелкими и скверными людишками.

*) Там-же стр. 230, 231.

**) Там-же стр. 233.

В результате почти трехнедельного истребления, убийств, разрушения и пожаро—вся Осетия опустела. Джугели в своем дневнике пишет: «25 июня. Роки. Деревня Роки совершенно пуста. И все деревни вокруг опустели. Большинство населения бежало за перевал, оставшиеся укрылись в лесах и горах».*)

Много еще уничтожающих человеческое достоинство и постыдных действий запечатлено этим автором на страницах дневника, но и приведенного нами вполне достаточно.

Грузинские меньшевики поставили себе целью совершенное уничтожение Юго-Осетии, и цели этой они почти достигли. Дальше этого итти было уже невозможно.

Осетия была разрушена и сравнена с землей. Оставшиеся в живых превращены в лесных обитателей. Домашний скарб, скотина, птица и все, что пощадил огонь, было расхищено «славными» гвардейцами.

Нажитое трудом и потом этих беднейших и несчастнейших из бедняков было сначала поглощено огнем, а все, что осталось, было джугелевскими героями взято в качестве военной добычи.

Нам думается, что в этой постыдной истории месть не играла единственной и исключительной роли. Вне всякого сомнения, что в данном случае имеют место также и националистические и шовинистические тенденции грузинских меньшевиков и та ненависть, которую эти господа обыкновенно проявляли по отношению ко всем национальным меньшинствам, живущим в пределах Грузии.

*) Тяжелый Крест, стр. 237.

А теперь поинтересуемся, о чем писали сами меньшевики в своих органах.

Еще не было известно о том, как меньшевистские войска жестоко расправляются с Юго-Осетией, когда орган Грузинской Компартии («Коммунист») обратил внимание читателей и меньшевистского правительства на ту страшную трагедию, которая если еще не разыгралась, то, во всяком случае, должна была с часу на час разыграться.

Орган нашей партии, зная страшное озлобление меньшевиков и их решение „проучить джавских осетин", с серьезными данными в руках доказывал, что Юго-Осетия вовсе и не думает нападать на правительство демократической Грузии, что она хочет лишь в своих границах устроить судьбу свою, что она никогда для Грузии не представляла и не представляет никакой опасности, что всякая народность, как бы она ни была мала, имеет право на самоопределение, что неоднократно утверждалось и самими меньшевиками, по крайней мере на словах, что Осетия имеет право в своих границах вводить такие формы управления, которые она пожелает, что социалисты не имеют права вмешиваться в их внутренние дела, если порядок их управления не противоречит истинно-демократическим принципам, и что власть Советов является высшим выражением принципов демократизма.

На это меньшевики ответили несколькими передовыми статьями в «Эртоба». Как образчик их увертливого и иезуитски-фарисейского ответа, приводим некоторые места из одной их статьи, напечатанной под заголовком «Еще об Осетии» (см „Эртоба" 15—VI—1920 г.);

«Большевики заговорили,—так начинается эта статья,—они высказали все, что было у них на сердце, но высказали сообразно сидящей в них идее.

Они против того, чтобы грузинская армия оружием ответила восставшему Джавскому ущелью. Но почему? Не потому-ли, что восстание это ими же сорганизовано и поставлено под защиту их лозунгов?..

Самоопределением народов—именем этой великой идеи—оправдывают большевики вероломное нападение Осетии.

Осетины напали на нас в тот момент, когда мы были заняты на пограничном фронте с Азербайджаном и в Батумском округе. Это на обыкновенном языке носит название измены, удара ножа в спину демократии, что джавские осетины—со своими большевистскими разбойничьими лидерами, сделали своей системой,—а если мы поднялись против этого и отбросили нападавшего, это является уже, оказывается, нарушением прав самоопределения»...

«Сейчас уже ясно всем, какой цели служит тифлисский „Коммунист", желая создать в Джавском ущельи советскую независимую республику, в то время как для главной Осетии считается контр-революционным даже пикнуть о самоопределении.

Да, ясно, что джавское самоопределение продиктовано недобрым желанием распада Грузии; что-же касается уверений газеты о том, что Джава, мол, вовсе не нужна Грузии, и подобные этому разглагольствования, то они являются сплошным фарисейством и прикрытием темных замыслов.

Но из под их полы виднеется хвост их двуличной политики притворства и обмана и выдает их мысли и действия*)...

Но, быть может, для нас, демократии, является обязательным самоопределение осетин Джавского ущелья? Ведь мы, на самом деле, являемся сторонниками самоопределения народов. Разберем и это. Всякая народность имеет право на самоопределение. Это неоспоримо. Но в этом случае надо ставить вопрос в отношении всего народа или его громадного большинства. У осетин право на самоопределение имеется. Это несомненно. Но этого права нет у каждой осетинской деревни и области.

Грузия сегодня независима, но в состав ее не входят грузины ни Сочинской области, ни Владикавказа, ни Минераловодского района, поскольку они являются там коренными местными жителями. Но пребывание их в этих районах разве может быть основанием создания из Владикавказа или Сочи грузинского государства? Конечно, нет. До этого не додумались даже большевики, а мы—тем более. В Горийском уезде есть несколько деревень и два «теми» из осетин. Но разве и их не следует рассматривать так же, как грузинские колонии Северного Кавказа?

Ясно, что они составляют лишь маленькую часть одной народности, которая попала в границы другой народности. Осетины имеются в Кахетии, по ту сторону Алазани, имеются в

*) Тут, в грузинском подлиннике, вновь повторяется чисто грузинский образ о петушьем хвосте, который выдает с головой вора, укравшего петуха.

Атенском ущельи, в ущельи Трусо, в Джава, в Раче, в Сачхерском районе, но все они составляют всего несколько деревень, входящих в состав территории Грузии. Поэтому об их национальном отделении речи не может быть. В данном случае можно говорить об обеспечении их культурного развития, ни больше, ни меньше. В противном случае мы должны были бы принять положение, в силу которого национальное большинство должно быть принесено в жертву национальным меньшинствам, вкрапленным в пределы первого и пестрящим его территорию.

Где-же слыхано, чтобы несколько миллионов жителей приносились в жертву нескольким тысячам? Независимость Джавского ущелья, осетин Кахетии и других мелких национальных „вкраплений" было бы равносильно распаду Грузии, расстройству ее границ и приведению ее в положение легкой уязвимости. Что большевики этого хотят, для нас вне всяких сомнений, но когда они этот тайный помысел окутывают идеей самоопределения народов, это уже является идейным шантажем и ничем больше.

Право на самоопределение, вплоть до независимости, имеют все народы, но не маленькие группки, поселившиеся в границах других народностей. И не было до сих пор ни одного социалиста, который бы говорил о самоопределении каждой деревни и каждого „теми". Они всегда вели речь о самоопределении каждой народности, как таквоой.

Самоопределене Осетии, согласно этому принципу, должно быть осуществлено именно в Северной Осетии, где 90% населения сос-

тавляют осетины, но не в Джава, где всего несколько осетинских деревень.

Вот это и есть социалистическая справедливость. а вовсе не то, о чем кричат большевики из изменнических побуждений. Этого принципа держимся мы, грузинские социал-демократы, вместе с великими учителями международного пролетариата. Но оправдание большевистских восстаний—называя это его собственным именем—является изменой международному социализму, изменой грузинской демократии и ее республике".

Эту большую выписку из меньшевистской газеты мы привели в целях дать читателю полное и ясное представление о фарисействе этих пройдох, оправдывавших все дикости и зверства, которые ими были совешены в отношении населения Юго-Осетии.... международным социализмом. Это было бесстыднейшим цинизмом! Право на самоопределение может, де, дано Северной Осетии, но не Юго-Осетии! Если мы это право дадим осетинам Джавского ущелья, значит мы должы будем признать такое-же право на самоопределение за всеми деревнями и всемы „теми", где живут национальные меньшинства! Меньшевики никак не могли примириться с мыслью, что Юго-Осетия, с точки зрения истинного и подлинного социализма, имела право на национальное самопределение и на создание отдельной тосударственной единицы.

Они совершенно попусту тратили свои слова, когда уподобляли Джавское ущелье или Юго-Осетию осетинским селам, в отдельности разбросанным по разным уездам Грузии. Никто никогда не выставлял требований для таких деревень и „теми" национального самоопределе-

ния в целях создания из них отдельных государственных единиц. Это были обычные для этих господ увертки. При чем тут были отдельные осетинские деревни в Горийском или Телавском уездах, или грузинские колонии на Северном Кавказе?

А теперь спросим: к какой „демократии" принадлежало то правительство, которое так расправлялось с народом, как мы это видели выше?

Какое право имели меньшевики, называвшие себя социалистами, уничтожить и сравнить с землей целый небольшой край только за то, что этот край для своего внутреннего управление требовал автономных прав?

Меньшевики окрестили Юго-Осетию именем Вандеи. Это было совершенно бессмысленным и в конец истрепанным сравнением. Наоборот—вандейцами являлись в данном случае сами меньшевистские „герои, которые вместе с помещичьими и буржуазными отпрысками грабили деревни осетинских крестьян и разрушали их дома и очаги. Какой-же социалистический принцип требовал этого? Тут, во всем этом, и тени не было социализма.

Меньшевики в отношении крестьян Юго-Осетии допустили такое преступление, подобного которому не совершало еще никогда ни одно реакционное правительство, даже российское.

X

Когда партия наша стала в Грузии на легальный путь, она прекрасно знала, какую ответственность берет на себя.

Самым главным было то, что наша партия при создавшихся условиях совершенно отказы-

валась, по крайней мере в ближайшем будущем, от организации вооруженных восстаний. Но наша партия не могла-же отказаться от идейной программы ленинского большевизма, от укрепления партийных организаций и их расширения. И за такую именно работу принялась партия после своей легализации.

Но, как и следовало ожидать, даже такая работа была сочтена меньшевиками неприемлемой. Конечно, эти господа хорошо знали, что означала для большевиков идейная и свободная пропаганда и агитация, которые в кратчайший срок могли бы совершенно расшатать почву под ногами „демократического" правительства. Какое-же буржуазно-демократическое правительство,—каким и было по существу меньшевистское правительство,—допустило бы у себя, в границах своего государства, свободную пропаганду большевизма? Это и тогда являлось и сейчас авляется делом недопустимым.

Мы заранее знали это. Но, несмотря на это, мы открыто выполняли взятые на себя обязательства.

Но меньшевики вовсе и не думали допускать нашу легальную работу. Правительство меньшевиков, как мы выше уже упоминали, почти на другой же день после обявления нашей легализации, принялось за аресты и высылки наших товарищей. Вот, между прочим, о чем мы читаем в нашей газ. „Коммунист" в № от 1-го июля:

„Первое время казалось, что меньшевики честно выполнят свое обещание...

„Согласно мирному договору, были выпущены на свободу почти все наши товарищи. Но прошло несколько дней, и снова, как из рога

изобилия, посыпались преследования и гонения на наши организации, а административный произвол перешел всякие границы: закрываются наши бюро, ответственные работники и рядовые члены партии буквально десятками и сотнями арестовываются и препровождаются в тюрьмы или высылаются за пределы Грузии. О пред'явлении каких бы то ни было обвинений говорить не приходится, если не считать обвинений причастности наших товарищей к коммунизму" („Коммунист", 1920 г. 1-VII).

Затем в газете приводятся сообщения из различных уездов о репресиях и преследованиях, к которым правительство меньшевиков прибегало в отношении коммунистов-большевиков за их чисто партийную легальную работу.

Вот эти сообщения, касавшиеся одного только месяца работы после акта легализации:

1. Душетский уезд. Крестьянская масса терроризирована. Массовые аресты. Вывешенное в Пасанаурах об'явление на дверях помещения партии было сорвано комиссаром Назгаидзе. Бюро опечатано. 27 июня арестованы ответственные организаторы Апциаури и Сихарулидзе, а с ними еще и следующие товарищи: 1) Лапанашвили Георгий, 2) Абрамашивли, 3) Бердзнаулишвили, 4) Карнадашвили, 5) Матиашвили, 5) Агашелашвили. Всех арестованных препроводили в Тифлис.

2. Телавский уезд. 20 июня. Комиссаром гор Телава был вызван один из активных работников тов. Самумягин (учитель гимназии), которому предложили оставить партию, в противном случае он будет арестован. Арестовано три товарища--Курцикашвили, Чтеладзе и Ордонадзе.

3. Горийский уезд. Зверски убит, якобы при попытке бежать, арестованный тов. Калиашвили. В Сураме за продажу газ. „Коммунист" был арестован один товарищ и особожден после 8-дневного заключения.

27-го июня получена телеграмма об аресте 26-ти товарищей, собравшихся по вопросу о регулировании работы и создании комитета гор. Гори, фамилии арестованных не установлены, за исключением Елисабедашвили и Шота.

4, Ахалцихский уезд. Командированный для работы тов. Казанджян 16-го июня был арестован без всякой причины, и по сей день сидит в тюрьме

28 июня арестован весь состав уездного комитета. Кроме того, арестован парикмахер только за то, что читал газ. „Коммунист"

5. Тионетский уезд. Арестован ответственный организатор Мегрелишвили. Никаких обвинений не пред'явлено. Он был арестован в Ахметах, откуда его заставили впроголодь и пешком пройти 60 верст до Тифлиса, угрожая по дороге расстрелом.

6. Тифлисский уезд. В Шулаверах пьяный комиссар с милиционерами ворвался ночью в бюро партии, выломал двери и окна помещения комитета, уничтожив и разбросав документы.

7. Сигнахский уезд. Арестованы два ответственных работника—М. Варамашвили и Л. Миротадзе. Забраны книги для протоколов и другие канцелярские книга, а также список членов партии. („Коммунист", 1920 г. 1-VII).

Невозможно, конечно, привести всех случаев преследований коммунистов. Приводим еще несколько любопытных сообщений, из ко-

торых читатель увидит, что для коммунистов легализация превратилась буквально в капкан, обнаруживавший, кто являлся коммунистом-большевиком, причем обнаруженного коммуниста меньшевики арестовывали.

И в этом отношении легализация партии сослужила хорошую службу меньшевикам. Пока партия была в подполье, физиономий членов ее не легко было выяснить, а сейчас это сделалось простым делом.

Меньшевистское правительство просто-напросто грубо игнорировало договор, заключенный им с Советской Россией, вообще, и, в частности, тот его пункт, который касался легализации коммунистической партии. Для характеристики этого приводим следующие факты:

1. 12 сентября 1920 г. в Сенакском уезде задержано было четыре коммуниста. В газ. «Новый Коммунист» они об этом писали: «14 сентября в камеру вошел начальник уездной милиции Чочия, который на наш запрос об'явил: «вы задержаны, как коммунисты... неужели-же вы до сих пор не убедились в том, что легализация фактически аннулирована? Она помогает нам легче узнавать вас и арестовывать».

2. 27-го июня в Тифлисе было задержано 6 коммунистов, которых сейчас-же отправили в Кутаисскую каторжную тюрьму и которым было пред'явлено обвинение в организации восстания. Нечего и говорить о том, что обвинение это было ложное.

3. В газ. «Нов. Коммунист» от 18 августа было помещено следующее известие из Гурии: «Последнее время репрессии в Гурии не только не ослабли, но еще даже увеличились... На

коммунистов охотятся в Супсе, Озургетах, Чохатаурах. В Ланчхутах на возвращавшихся с легального собрания товарищей на улице напали и арестовали их». Из Гурии этой-же газете сообщают в № от 24 августа: «В последнее время в Гурии усилились репрессии. Задержано и заключено в тюрьму 14 товарищей».

4. В № от 8 июля газ. «Сакартвелос Коммунисти» напечатано было письмо из Сенакской тюрьмы, в котором читаем: «1-го июля ахалсенакская администрация устроила охоту на коммунистов. Произвели обыск в помещении уездного комитета и арестовали весь состав его, а также всех ответственных организаторов, числом в 21 человек; забрали книги, протоколы, список членов организации и запечатали бюро Компартии. Начальник участковой милиции пред'явил товарищам следующее обвинение: приобретение оружия, составление отряда из дезертиров и недовольных элементов и призыв населения к организации вооруженных выступлений против существующего порядка... На это мы можем дать такой ответ: та масса, среди которой мы работаем, может подтвердить, что мы вели исключительно идейную работу... почему мы и заявляем, что легализация в Сенакском уезде фактически аннулирована».

Но где, по какому уезду она не была аннулирована?

5. 4-го июля в Тифлисе был арестован тов. Г. Стуруа, член ЦК Компартии, и выслан из пределов Грузии. В этот-же ден в Кутаисе был задержан тов. М. Окуджава, которому пред'явили обвинение в подготовке вооруженного восстания.

6. В Ахалцихе было расстреляно 26 коммунистов-солдат за принадлежность к коммунистической партии, а также за отказ выступить против восставших аджарцев. Кроме этого, оттуда-же сообщают, что арестовывают всех членов Компартии и запрещают ей открывать бюро.

7. Из Горийского уезда той-же газете сообщают: «Аресты участились. Всем задержанным пред'являют одно и то же обвинение: «приобретение оружия и подготовление вооруженного восстания. Если крестьянин входит в партийное бюро с целью записаться в члены партии, его тотчас-же хватают и запрятывают в тюрьму».

8. 25-го июля в Кутаисе состоялось заседание губернского комитета партии. Из докладов выяснилось, что в Мингрелии было, между прочим, 11 партийных бюро, но ни одного из них не осталось—все были закрыты по распоряжению администрация. Администрация от каждого задерженного крестьянина брала подписку, что в будущем он не будет принимать никакого участия в Коммунистической партии.

9. Ур. Шулаверы (Шаумян—Борчалинского уезда). 25-го июля местная милиция произвела обыск местного комитета Коммунистической партии. После обыска Бюро было опечатано, а пять его членов—арестовано. Милиция разыскивает остальных членов Бюро.

10. В дер. Екатериновке (Борч. уезд) гвардейцы убили коммуниста Кара-Вали-Оглы, которого уважал весь уезд.

Нужно-ли приводить еще другие факты? Думаем, что достаточно и приведенных.

Но мы отметим лишь следующее: репрессии в отношении коммунистов постепенно и все более и более усиливались.

Меньшевиков не удовлетворяли уже ни аресты большевиков, ни их выселения, ни их расстрел. Их бесстыдству и произволу не было предела.

Они совершенно уже не считались с полномочным представителем Советской России в Тифлисе, принужденным время от времени заявлять меньшевистскому правительству протесты по поводу явных нарушений им договора. Эти господа оставляли безо всякого внимания эти протесты.

Но, с другой стороны, несмотря на все эти репрессии, несмотря на то, что правительство арестовывало десятками и сотнями коммунистов, большую часть из которых высылало из пределов Грузии, все-же ему не удалось уничтожить Коммунистическую партию в Грузии и заглушить ее работу.

Рабочие массы Тифлиса, несмотря на принимаемые меньшевиками меры (вначале выговоры и запугивание, затем увольнение со службы и арест), постепенно переходили на сторону большевиков и усваивали программу коммунистической партии и ее лозунги.

Вот почему правительство „демократической республики" постановило принять решительные меры для опасения себя от коммунистической партии.

Оно выработало соответствующий план, и в первых числах декабря 1920 года приступило к массовым репрессиям, направленным против большевиков. Так, напр., 6-го декабря в Тифлисе имел место форменная облава на коммунистов. Было задержано более ста коммунистов. 11-го декабря в Кутаисскую каторжную

тюрьму было переслано еще 60 арестованных коммунистов.

Тогда-же, 11-го декабря вечером, в 6 часов, агенты особого отряда атаковали помещение Бюро первого района, взломали шкаф, взяли регистрационные списки членов, кассовые счета, список членов партии и деловую переписку. Из бывших в Бюро товарищей некоторых тогда-же забрали, остальным предписали явиться на другой день в Отряд.

Эти массовые аресты были произведены по всей Грузии. между прочим в Батуме и Кутатсе, вслед за чем последовало такое-же массовое выселение из пределов Грузии. Партийные организации были словно обезглавлены.

Руководители были почти всюду либо арестованы, либо высланы,—выпуск газет сделался невозможным, так как все сотрудники редакций, все секретари, корреспонденты, наборщики и корректора были рассажены по тюрьмам.

XI.

Таким, образом, правительство меньшевиков в конце 1920 и начале 1921 года чувствовало себя как будто бы хорошо и спокойно, так как полагало, что наконец-то справилось с коммунистами.

Но как оно ошиблось!

Было множество данных, доказывавших, что большевизм среди рабочих все-же растет и крепнет.

Хотя Н. Жордания, председатель „демократической республики", в последних числах октября 1920 года на С'езде народной гвардии и утверждал, что „с уверенностью можно сказать, что сейчас Грузия единственная

страна, в которой народ избавился от заразительной болезни — большевизма. Большевизм у нас потерпел крах как со стороны идейной, так и моральной, и грузинская демократия окончательно отмежевалась от большевистских идей и влияний*)".

После всех тех репрессий и террора, которые меньшевистское правительство обрушило на головы большевиков, разговоры о том, что „большевизм потерпел у нас поражение как идейное, так и моральное» — не только неудобны, но прямо таки лживы и фальшивы. Но дело-то обстояло сотершенно не так.

Правда, проводимый меньшевиками в отношении большевиков террор, непрерывные репрессии в виде арестов и выселений, а часто и физическое истребление коммунистов, затем разгром и опечатание помещений партийных организаций и пр. и пр.—все это страшно тормозило партийную работу и не давало ей никакого размаха, но все-же, несмотря на все это, и вопреки утверждению Н. Жордания, влияние большевистских идей на рабочие массы быстро выростало и ширилось. Об этом свидетельствовали профессиональные союзы. Так, напр., черносотенная газета «Грузия» (выходила на русском языке) в № от 30 ноября 1920 года писала:

„Нельзя не отметить того факта, что в наши профессиональные союзы прокрадывается российский большевизм, что угрожает нашей нации гибелью«. Другая газета—«Сакартвело» орган национал-демократов—вторила русской газете и писала;

*) Приводим по книге М. Амиа „Путь грузинской Жиронды"—1926 г. стр. 110.

«Совсем иной была сила коммунистов в Грузии несколько месяцев тому назад в сравнении с теперешним положением. Раньше были частные лица и не было организаций. Работа отдельных лиц оставалась безрезультатной и выступления их оканчивались постыдно. Теперь картина совершенно изменилась. Договор Уратадзе и легализация большевистской работы способствовали росту большевиков. Сегодня у них имеются в Грузии организации, кое-где среди рабочих у них есть большинство, как, напр., в союзе печатников, где на выборах явно проглядывало большевистское настроение. Вообще работа большевиков приняла у нас характер широкий» («Сакартвело», 1920 г. 7 декабря).

Конечно, газета жестоко ошибалась, говоря, что несколько месяцев тому назад были лишь отдельные лица (большевики) и не было организации (большевистской). Утверждение газеты, что частные лица, а не организации делали выступление, просто смешно. А с другой стороны, что представляла из себя легализация Коммунистической партии за время наглого господства в Грузии меньшевиков — характеристику этого в живых фактах мы дали уже выше. Из этих фактов мы видим, насколько «легализация» эта способствовала расширению большевистской работы.

Но факты оставались, тем не менее, фактами, т.-е. рост большевизма в профессиональных союзах был на-лицо. Еще в июле 1920 года в правление Союза Игли были проведены членами одни только коммунисты. Правление энергично взялось за работу. Это пришлось не по вкусу представителям желтых, т.-е. меньше-

вистских профсоюзов, и они, при помощи правительства, взялись за усиленное преследование правления. Были арестованы председатель правления, его товарищ, секретарь и все члены президиума в числе 11 человек («Коммунист», 1920 г. 26—VII).

После такого разгрома Союза Иглы очередь дошла и до других рабочих союзов, как то: металлистов. кожевников, фармацевтов, союза работников электропромышленности и других союзов, захваченных меньшевиками с помощью Особого отряда Кедия.

Но дело этих господ сильно осложнилось, когда очеред дошла до союза печатников. Дело было так.

14-го ноября 1920 г. на общем собрании союза печатников весь состав членов правления был избран из большевиков. Эти выборы были аннулированы и на 21 ноября были назначены новые выборы. Меньшевики приняли все меры, чтобы выборы прошли по их указке. Против большевиков на выборах соединились все остальные партии (меньшевики, дашнаки, соц.-федералисты и др.) Здание, в котором происходили выборы, было окружено отрядом Кедия. Результаты выборов было таковы: 261 голос получил список коммунистов и 262—все остальные партии.

В это время появляется один рабочий, опоздавший к выборам. Заявив председателю о своем желании подать свой голос за меньшевиков, он просит допустить его к голосованию. Его допускают, и он подает свой голос за... коммунистов, что вызывает новый скандал *).

*) М. Амия—„Путь грузинской Жиронды" стр. 115.

Такими методами подчиняли себе эти господа профессиональные союзы, «освобождая» их от большевистского влияния.

Очень было любопытно, как и чем об'ясняли сами меньшевики рост большевистского влияния. В этом отношении характерен брошенный ими лозунг: «предоставьте большевикам больше легальных возможностей!» Выходило, что рост большевистского влияния среди рабочих об'яснялся недостаточностью у них легальных возможностей для работы. Мы-же утверждаем, что этих возможностей у них совершенно не было, и в такие условия большевиков поставили сами меньшевики, и об этом они не только прекрасно знали, но спасение своего положения видели именно в том, чтобы не давать большевикам вазможности работать. И потому брошенный ими и приведенный нами выше лозунг являлся лживым и фарисейским. С другой стороны—слова газеты «Сакартвело» о том, что рост большевистского влияния в Грузии явился, будто бы, результатом легализации Коммунистической Партии, совершенно не соответствовали действительности, ибо фактически никакой легализации не было, а если кое-где, и то не надолго, наши товарищи старались своей работе придать легальный характер, это превращалось для членов партии в подлинную западню.

Возникает вопрос: чем-же об'яснить безостановочный рост большевистского влияния несмотря на всяческие репрессии и настоящий террор? Причину этого явления мы должны искать совершенно в другом.

Причина — в вырождении меньшевистской партии, на что в последнее время ука-

зывали не одни только «схивисты» *), но даже и сам Валико Джугели, который на страницах газ. «Эртоба» писал:

„Мы стромы государство в то время, когда партия наша распадаетя. И поскольку партия разваливается и партийная работа затихает, постольку разрушается и государство.... Пора положить конец этой ужасной инертности... Сегодня мы сплошь да рядом забываем об интересах рабочих; все мы портимся, пустеем, кричим о всеобщем экономическом кризисе, а не имеем и представления о том аде, в котором гибнет рабочий класс"... («Эртоба«, 1920 г., 2 декабря).

В этом случае автор был совершенно прав. Высшие слои партии были уже развращены. Что-же касается меньшевистского государства, банкротство его было для всех уже несомненным.

Производство постепенно и катастрофически падало, а вместе с этим постепенно ухудшалось и без того уже тяжелое положение рабочего класса,

«Демократическому правительству не помогли ни империалисты Европы, ни домашняя «демократия» (т.-е. буржуазия). Катастрофическое положение государства констатировал не кто-либо посторонний, а сам Н. Жордания.

В октябре меньшевики созвали так называемое Экономическое Совещание, в котором с докладом выступил председатель правительства—Жордания.

Вот, между прочим, о чем заявлял он в докладе.

*) „Схиви („Луч")—орган правых меньшевиков-социал-демократов.

«Недавно мы говорили о том, что экономически мы быстрыми шагами приближаемся к катастрофе. Впоследствии мы не раз это повторяли, так что к этим словам мы почти привыкли и уже не оцениваем их смысла и значения. А между тем сейчас это предсказание оправдалось. Сейчас каждый из нас чувствует всю тяжесть и остроту нависшей над его головой действительности: мы уже дошли до катастрофы!»...

И далее:

«Эмиссия не имела бы столь фатального влияния, если-бы наше производство не падало так низко. К сожалению, в этом отношении положение крайне печально. Производительность труда почти, можно сказать, систематически падает, и нет никаких признаков ее улучшения» *).

Нужны-ли были еще другие аргументы, доказывавшие всю беспочвенность и банкротство меньшевистского государства? Думается, что нет.

По прошествии целых трех лет меньшевистского господства государство пришло к банкротству, так как народное хозяйство стояло на пути вырождения.

Меньшевики забрались в тупик, откуда выхода не было.

Как оценивалось создавшееся положение другими партиями?

«Сакартвело»—орган национал-демократов—в № от 16 ноября 1920 г. писало:

*) Цитируем по книге тов. М. Амиа „Путь грузинской Жиронды"—стр. 24.

«Положение во всех областях государственной жизни вообще катастрофическое. Это не только экономический кризис, но и политический и моральный. Это—полное банкротство, Если не сегодня, завтра страна наша полетит в пропасть. С каждым днем положение все более и более ухудшается». В другом номере этой-же газеты утверждалось, что партия меньшевиков только политической смертью может искупить свои ошибки. А 14-го декабря, в заседании дышавшего уже на ладан Учредительного Собрания соц.-революционер Л. Шенгелая заявил; «Правительство, доведшее страну до катастрофы, должно уйти. Кто займет его место? Об этом будем говорить впоследствии. Но если вы хотите теперь-же узнать наше мнение, я вам скажу, что правительство должно быть составлено из подлинных социалистов, а не из спекулянтов и разбойников».

Обо всем этом писали и говорили открыто и громогласно в прессе, в заседаниях. Меньшевикам в лицо бросали обвинения в том, что правительство их состоит вовсе не из социалистов, о чем они кричали на всех перекрестках, а попросту из спекулянтов и разбойников, упрекали их в том, что они готовят стране гибель, что им нужно убраться во-свояси, и проч. и проч.

А господа эти глотали все эти пилюли, словно это относилось вовсе не к ним.

Дело дошло до того, что эсеровский орган «Шрома» обвинял меньшевиков в ликвидации революции совместно с буржуазией и феодальной аристократней.

В № от 2 января 1921 года газета эта напрямик писала.

«Борьба с самим собой—самое трудное дело. Вот почему соц-демократия (меньшевики) и не может бороться против реакции, ибо по своим взглядам и симпатиям она сама как-раз и является этой реакцией.

Наша буржуазия и феодальная аристократия были в первое время бессильны бороться против революции, почему они и усвоили тактику меньшевиков. «Враг нашего врага является нашим другом»—говорили старые меньшевики. Этой формулой они скрепляют свою коалицию с буржуазией... На этой почве состоялась коалиция меньшевиков с нашей буржуазией. Меньшевики свою миссию—ликвидацию революции—выполняют честно».

Об этом писали и говорили уже не большевики, а соц.-революционеры. Всею своею деятельностью меньшевики вооружили против себя почти все политические партии, не считая уже, конечно, коммунистов. Говорило это о силе меньшевиков, или, наоборот, об их бессилии?

По нашему мнению, совершенно был прав орган правых меньшевиков «Ахали Схиви», когда говорил: «Опасна вовсе не внешняя сила, а наше внутреннее бессилие» («Ахали Схиви» 1920 г. 12 декабря).

Но правительство меньшевиков не сдавалось. Его бытие тянулось по инерции, а последний час был уже близок.

Но эти джентльмены этого совершенно не замечали, опьяненные своим внешним положением.

ГЛАВА VII

ПАДЕНИЕ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ И УТВЕРЖДЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ

Каково было положение в начале 1921 г. в Закавказьи вообще и в частности в Грузии?

И каково, вместе с тем, международное положение «демократической» республики Грузии?

Почти с трех сторон—с севера, востока и юго-востока — с Грузией граничили советские республики: Россия, Азербайджан и Армения. Таким образом, меньшевистская Грузия являлась в Закавказьи изолированной.

Взаимоотношения между советскими республиками и меньшевистским правительством Грузии были уже испорчены. Они уже являлись двумя враждующими лагерями. Меньшевики были до такой степени уверены в своем могуществе, что не только не думали об улучшении взаимоотношений с советскими республиками, но даже прибегали к мерам, которые, при создавшемся положении вещей, еще более обостряли эти взаимоотношения.

Невольно рождается вопрос: что думали меньшевики относительно таких обострившихся

и, прямо таки, враждебных взаимоотношениях с соседними советскими республиками? На кого думали они опереться в случае возникновения какого-либо конфликта или войны с этими республиками? Конечно, единственным спасением и в этом случае являлась империалистическая Европа, опять-таки империалистически-хищнические государства—Англия, Франция и др.

В конце 1920 года меньшевики вновь подумывают о передаче Батума Англии на условиях долгосрочной аренды или как нибудь иначе*). Но проект этот оказался беспочвенным. Гораздо более надежным было как-будто бы заигрывание с империалистической Францией.

В это самое время в Тифлис прибыл верховный комиссар Франции Б. Шевалье, а в Батум — французский адмирал Дювениль. Это придало меньшевистскому правительству надежду безнаказанно нарушить заключеный с Советской Россией договор.

И под диктовку Дювениля российские суда, стоявшие в Батуме и принадлежавшие Советской России, без зазрения совести отправлялись во Францию. Что-же касается Шевалье, то он был прислан сюда, очевидно, с целью спасти меньшевистское правительство от беды, грозившей ему неизбежно — все равно снаружи или изнутри.

В средних числах декабря 1920 года газеты обнародовали наглое заявление этого господина, гласившее, что «Грузия нужна Европе, как громадный и естественный путь на Восток», почему, по его мнению,

*) М. Амия — „Путь грузинской Жиронды", стр. 29-30.

в случае чьего-либо вооруженного вмешательства в дела демократического правительства, безразлично — в виде ли внутренней революции или внешнего нажима, таковое, естественно, вызвало бы закрытие этого пути.

Этот господин говорил вполне понятным языком о том, что империалистическая Европа не допустит в Грузии ни внутренней большевистской революции, ни внешнего нажима, т.-е. наступления советских республик. Империалистическая Европа не допустит ни революции, ни наступления.

И этому на самом деле меньшевики поверили и, что называется, окрылились надеждами. Они уже перестали считаться с существующим положением вещей. Они думали уже, что Англия и Франция для того, чтобы спасти от гибели меньшевистскую власть, вновь об'явит войну Советской России. И в этих целях они возобновили вновь кампанию, направленную против Советской России.

Вот о чем писала, между прочим, газ. „Эртоба" в одной из своих передовиц:

.... «Можно сказать, что до прихода советских войск между республиками Закавказья было полное согласие. Была найдена та линия, при помощи которой получалась возможность урегулировать, путем соглашений, переговоров, арбитража и иными культурными путями, все спорные вопросы, неизбежно возникающие между соседями.

Но стоило только вступить в Закавказье советской армии, и все эти культурные достижения тотчас-же исчезли. Об'явление советского строя в Азербайджане и начало войны с

Грузией были событиями одновременными. Пошли на смарку и те соглашения, которые должны были быть положены в основание добрососедских отношений Азербайджана и Грузии и их культурного сотрудничества. С этой стороны приход большевизма в Закавказье нанес громадный вред делу взаимного мира и тишины»*).

Так бесстыдно врал орган меньшевиков, имея своей целью восстановление населения против советской власти. Меньшевики чувствовали, что власть эта, в конце концов, распространится и на Грузию, и вот они старались заранее эту власть дискредитировать в глазах народа; со стороны меньшевиков это было не первый уже раз.

До прихода в Закавказье советских войск, говорила газета, среди республик Закавказья царило полное и взаимное согласие. Автору статьи в газ. «Эртоба» решительно изменяет память. Как мог он забыть армяно-грузинскую войну в 1918 году и, по окончании ее, постоянные, крайне обостренные отношения между этими двумя республиками—вплоть до прихода в Закавказье советских войск?

Даже в самой Грузии постоянно имели место столкновения, доходившие до кровопролитий, столкновения между различными частями республики.

Ведь не по вине же советских войск происходили они! А разве между меньшевистской Грузией и муссаватистским Азербайджаном царили идиллически-добрые отношения до прихода сюда советских войск?

Словом, по мысли передовика «Эртоба»—до прихода советских войск в Закавказье тут

*) Газ. „Эртоба“ 1921 г. 5—I.

царили полная тишь да гладь, а во взаимоотношениях людей — чистая идиллия.

Тишина и мир царили, мол, между тремя республиками, во главе которых стояли националистические и шовинистические партии. Кого обманывали эти господа? Очевидно, только самих себя.

Было теперь вне всяких сомнений, что меньшевики, ведя кампанию против Советской России, в то же время подготовляли почву для оккупации Грузии империалистической державой — именно Францией.

Особенно была любопытна с этой стороны передовица «Эртоба», озаглавленная «Коммунистические инсинуации» и помещенная в номере газеты от 27 января 1921 года, всего за две какие-нибудь недели до событий, которые должны были положить конец господству меньшевиков в Грузии.

Автор статьи первым делом отрицает правдивость слухов, по которым правительство меньшевиков желает, будто бы, пустить на свою территорию войска государств Антанты и натравить их как на Советский Азербайджан, так и на Советскую Россию. „Эртоба“ отрицает приписываемые ей обвинения как будто меньшевики раньше ничего подобного не допускали. Но дальше автор соглашается уже с тем, что выше им отрицалось.

«Вообще,—говорится в статье,—в коммунистических кругах и коммунистической прессе в последнее время часто говорят о возможности такого союза. Коммунисты в сильном озлоблении пишут о «каких-то тайных целях», раздувающих непокорность Грузии к сильной России. Коммунистическую прессу раздражает даже то,

что Грузия может подумать только о помощи со стороны в момент, когда ей угрожает откуда-нибудь опасность. Но коммунистические деятели должны-же обладать хотя бы минимальным чувством справедливости: ведь сама Советская Россия прибегает-же в борьбе с империалистическими державами к такой реакционной силе, какой является турецкий империализм? Советская Россия в подобных вопросах всегда руководствуется соображениями выгоды и пользы; почему же коммунисты упрекают другого, когда он руководствуется совершенно такими-же соображениями?

Одна уже мысль, что в минуту опасности Грузия может попросить чьей-нибудь помощи, раздражает советские государства. Но они всею своей политикой толкают Грузию именно на этот путь. Нужно-ли доказывать, что всякое государство невольно начинает озираться по сторонам и искать помощи, когда для разгрома его приближается беспощадный враг, когда населению угрожает опасность истребления, когда жизнь целого народа, что называется, висит на волоске. «Иду с мечем на тебя, но ты не смей ни у кого просить помощи против меня!»

Пусть этой логики требуют коммунисты от кого-нибудь другого, но не от грузинского народа, в достаточной степени одаренного инстинктом жизни и с надеждой глядящего в будущее, и не от грузинской демократии, убежденной в своей правоте и в правильности своей политической линии.

Да, пока что Грузия не нуждается в посторонней помощи (?), она

справляется с врагами очень хорошо и своими собственными силами (?), но если коммунистические государства насядут на нее со всех сторон, если грубая сила коммунистов пожелает ее раздавить, то она, конечно, ни перед чем для своего спасения не остановится и прибегнет к помощи, как говорил Бебель, «и чертей и их бабушек» И если это случится, вина за это падет не только на самое Грузию, но и на того, кто пожелал ее погубить и уничтожить. Было бы злой, и непростительной виной перед народом не использовать всех мер для его спасения».

Не было-ли это признанием всех тех обвинений, которые пред'являли меньшевикам Грузии советские газеты Баку? Вместе с тем это было грубым вызовом советских республик на бой, бряцанием оружия по их адресу.

Меньшевики не сделали бы этого, не будь у них надежд на войска империалистов, не будь они убеждены в реальной помощи с их стороны. Их обычное бахвальство относительно того, что Грузии, мол, до сих пор не нужна была такая помощь, и что с врагом она прекрасно сумеет справиться и своими силами,—все это являлось, конечно, обыкновенной ложью и надувательством народа.

А по существу—это было настоящей изменой трудовым массам Грузии, так как они этой политикой и вызовами доказывали, что готовят стране новую авантюру. При создавшемся положении вещей у них было два выхода: либо нужно было признать власть Советов и установить с советскими республиками настоящие дружеские взаимоотношения, либо совместно с империалистическими державами Европы вы-

ступить с оружием в руках против советских республик и тем избавить Грузию от опасности быть побежденной советской властью.

Одно из двух. Третьего выбора не было.

Все факты говорили за то, что меньшевиками избран второй путь Вот почему они писали так смело и так грубо. Эти простофили, очевидно, и на самом деле верили в готовность Антанты во всякую минуту притти им на помощь.

Но если бы это и осуществилось, это было бы форменной оккупацией Грузии войсками Англии и Франции. Это одно: а в то же время это было бы нападением на Советский Азербайджан и Советскую Россию, ибо европейским империалистам Грузия нужна была, главным образом, как путь к азербайджанской нефти и к Востоку. И меньшевики так именно и понимали помощь империалистов и с решительностью шли уже на это, т.-е. добровольно бросались в бездну.

Затем уже с быстротой молнии идет развитие исторических событий.

Правительство меньшевиков проявляло все больше и больше бесстыдства в отношении советской власти. Оно не пожелало даже согласиться на предложение Советской Армении—улаживать все спорные вопросы в их взаимоотношениях путем переговоров. И в то-же время меньшевики совершенно лишили трудовой народ Армении, переживавший страшный голод, возможности провозить маршрутные поезда, груженые хлебом, через грузинскую территорию. На что это было похоже?!

Меньшевистское правительство умышленно ухудшало и без того достаточно обостренное и тяжелое положение. Было ясно, что когда об-

стоятельства благоприятствовали меньшевстскому правительству, оно этим не довольствовалось и лезло прямо в драку.

И вот, в такой именно острый момент, на какое-то счастье, в одном из районов Борчалинского уезда—в Шулаверах, где крестьянство переносило под властью меньшевиков особенно острую нужду и гнет, внезапно вспыхнуло крестьянское восстание против стществовавшего в Грузии порядка.

Это было 11-го февраля 1921 года. Очевидно—чаша терпение местного крестьянства переполнилась.

Восстание выразилось в разоружении крестьянами воинских частей меньшевитского правительства.

Правительство, конечно, не могло простить крестьянам этого и немедленно отправило для расправы с восставшими новые воинские части, которые предали там все огню и мечу. Не были пощашены ни женщины, ни дети, ни старики, ни совершенно безвинные.

Ясно, что при таких условиях крестьяне-повстанцы не могли не обратиться к советским войскам за помощью, тем более, что войска-то эти стояли тут-же близко, с двух сторон—со стороны Советского Азербайджана и Советской Армении.

Меньшевики впоследствии говорили, что шулаверское восстание было преднамеренно создано большевиками в целях вызвать вмешательство советских войск. И они видели в этом нарушение договора 7-го мая со стороны Советской России.

И эти господа осмеливались поднимать речь о нарушении Советской Россией догово-

ра! А когда сами меньшевики выполняли пункты этого договора? Разве с первого же дня его заключения они не грубо нарушали и игнорировали его? Во что они превратили легализацию Коммунистической партии, как не в предмет насмешек и оскорблений?

Как они действовали в вопросе соблюдения своего нейтралитета по отношению к Советской России? Были-ли они, в силу этого договора, обязаны соблюдать в отношении Советской России лойальность в смысле неоказания явной поддержки неусыпным врагам Советской России? А что они проделывали в действительности?

Они систематически оказывали содействие сначала Деникину, затем его преемнику—Врангелю, они оказывали поддержку оружием и живой силой всем контр-революционерам Северного Кавказа и, главным образом, дагестанским разбойничьим ханам и бекам, боровшимся против советской власти.

После всего этого какое право имели эти господа говорить о соблюдении договора 7 мая? Где был этот договор? Разве меньшевистское правительство считало для себя сколько-нибудь обязанным выполнение его? Ни в каком случае. Но эти господа, при всем этом, упускали из виду еще одно, более важное обстоятельство.

Меньшевики изо всех своих сил кричали о том, что советские войска ворвались на территорию Грузии „против нашей воли и тем нарушили принцип нашей независимости».

Но спросим-ка—где и когда существовала эта независимость? Не в то-ли время, когда меньшевики вводили в Грузию то турецкие вой-

ска, то силы германского кайзера, то, наконец, английские войска? Не тогда-ли, когда меньшевистская партия пользовалась этими иностранными империалистическими войсками в борьбе со своими домашними врагами—восстававшими крестьянами? Или уже одна только партия меньшевиков имела на это права?

Мы-же утверждаем, что прав этих рабочие и крестьяне Грузии никогда меньшевикам не переуступали. Доказательством справедливости этого служили непрекращавшиеся крестьянские восстания против правительства меньшевиков. Доказывал это и тот факт, что большинство тифлисских робочих за последнее время постепенно склонялось к большевизму. Поэтому приход советских войск в Грузию имел совершенно иной характер чем, например, приход сюда-же войск английских или, скажем, французских. Эти войска приходили к нам совершенно так, как покорители приходят в покоренную страну, и держали они себя у нас—как в своих колониях.

А приход советских войск был, по существу своему, вызван желанием большей части народа; вызван приход этот был теми жертвами, теми муками и страданиями, которые рабочие и крестьяне Грузии вынесли за время господства меньшевиков.

Кроме того, Красная армия пришла в пределы Грузии с согласия и при руководительстве грузинских большевиков.

Войска эти пришли к нам не в качестве мировых властителей, подобно войскам империалистов, а как друзья и товарищи грузинских рабочих и крестьян, пришли с протянутыми к этим последним руками помощи, чтобы спасти

их от империалистического гнета, который вновь готовили им меньшевики.

Такова была действительность. Но меньшевики не были бы меньшевиками, если бы не извращали в конец этой действительности! Они уже не останавливались ни перед какой клеветой, ложью и провокацией, лишь бы только очернить в глазах народа Советскую Россию, советскую власть и Красную армию, лишь бы представить их олицетворением таких ужасов и таких бедствий, подобных которым мир еще не знал.

Приводим, как образчик ни на что не похожей и отвратительной клеветы меньшевиков, их лжи и фальши—статью газ. «Эртоба».

Статьи, подобные этой, в то время печатались ежедневно как на страницах „Эртоба", так и «Борьбы»,

Статья была озаглавлена так: „С кем ведет борьбу наш народ". Мы приводим ее почти целиком: «Уже год, как по соседству с нашей страной водворился советский строй. Народ наш, имевший до сих пор о Советской России лишь туманные представления, сейчас уже прекрасно ознакомился с порядками, которые несет это государство.

Наш народ воочию увидел, прежде всего что порядки эти никогда не усланавливаются по желанию и воле народа. Порядки эти вносятся на штыках чуждых поработителей и опираются на насилие и рабство. Пассивное безмолвие народного большинства, лишение его прав, эксплоатация его чуждой, пришлой силой—явления, сопровождающие насаждение новой власти. Так было во время занятия советскими войсками Северного Кавказа; то же самое пов-

торилось, когда Красная армия вошла в Баку и об'явила Азербайджан советской республикой. Так случилось месяц тому назад и в Армении.

Вслед за порабощением местного населения, насильственным лишением его свободы слова и угашением в людях инстинкта жизни неизбежно следуют страшные репрессии, господство пришлых войск, насилия над населением. Это так и должно быть—кто-же добровольно подчинится рабству, добровольно подставит шею под ярмо пришлой армии! Этим и об'ясняются неистовства чрезвычаек в Баку и Эривани.

Этим и об'ясняется расстрел народа десятками и сотнями, благодаря чему Россия, Азербайджан и Армения превращены главарями советского строя в сплошную бойню.

Советская армия действует в тех же империалистических целях, в каких действуют армии всех империалистических стран мира, но у этой армии есть и свой, присущий ей характер, делающий ее гораздо более страшной, чем обыкновенную империалистскую армию.

«Красные» войска идут из Советской России, из страны, где свирепствует страшный голод, где рабочие, оставшиеся без работы и впавшие от голода в отчаяние, видят в зачислении в солдаты «Красной» армии единственное средство достать себе кусок хлеба. Втечение двух лет эта «Красная» армия с'ела у своих, жителей России все их достояние и все их запасы. И когда там истощились продукты питания, «Красная» армия направилась на юг, отняла все, что было только у богатой хлебом Кубани, у Терской области, после чего—подобно саранче, осела в Азербайджане, с'ела и вы-

везла весь его хлеб, рис. Из Азербайджана она тронулась к югу—на Персию и Армению. Все что только было в этих разоренных уже странах—«Красная» армия все взяла, не оставив населению ничего.

Среди бывших городов России Тифлис является единственным большим городом, спасшимся от разгрома и грабежа, единственным городом, в котором порядок и народное имущество остались нетронутыми. Большей части населения Грузии не коснулись расхищения и реквизиция продуктов питания, что отразилось с такой остротой на населении соседних с ней республик.

Совершившийся в порядке процесс передачи земель в руки нашего крестьянства укрепил его и придал ему силы. Никогда еще оно не было в такой силе, как сейчас, никогда положение его не было столь прочным, а в руках его еще никогда не было такого количества запасов и продуктов питания, как за время существования независимой Грузии. И делается вполне понятным, почему «Красная» армия так напирает на Грузию.

Сегодня эта армия подходит к нам с юга, ее стихийное устремление усиливается местными условиями, которые еще до прихода «Красных» войск в Армению вооружали против Грузии стоявших во главе Армении дашнаков. «Потерянный рай» Тифлиса—вот что влекло к себе эту партию, вот что вооружало ее против Грузии.

Сегодня эти-же дашнаки задрапировались в красную мантию и стали за спинами «Красной» армии, чтобы при помоши ее штыков осуществить то, чего не сумели сделать своими

силами. План «покрасневших» дашнаков не лишен некоторого основания.

Они прекрасно знают, что если налетевшим подобно саранче «красным» войскам удастся овладеть Грузией, она будет уже надломлена, ее инстинкт самосохранения будет ослаблен и в будущем, когда «красная» стихия, что неизбежно, затихнет и войдет в свои рамки, в Тифлисе останутся вошедшие сюда с «красными» дашнаки, которые и вернут город его старым хозяевам.

Две силы надвигаются сейчас со стороны Армении на Грузию: «коммунистическая» и дашнакская, стихийная и сознательная.

Первую гонит сюда желание захватить продовольственные запасы Грузии.

Вторую—жажда вернуть себе утраченное политическое господство.

Первая—с'ест все, что успеет, ослабит и физически надломит нашу демократию, опустошит нашу страну.

Вторая, на развалинах, оставленных первой, заново заложит основание господству армянской буржуазии, буржуазии Хатисовых и Аргутинских.

Вот что готовит Грузии и ее демократии враг, врывающийся со стороны Армении, вот почему спешит с таким водушевлением на фронт весь наш народ» («Эртоба», 1921 г. 16-II).

Действительно, трудно было представить себе больше лжи, чем во всем этом, клеветы и фальши.

И затем, какая провокаторская рука действовала здесь!

Между прочим, тут проступала та желчность, та национальная рознь и антагонизм,

которые существовали между Арменией и Грузией.

Значит—на Грузию шли голодные орды на пагубу и с'едение грузинского народа. Меньшевики старались при помощи отвратительной провокации запугать народ и вызвать в нем возмущение против Красной армии, направлявшейся сюда с исключительной целью: положить в Грузии предел страданиям, которые переносили рабочие и крестьяне от меньшевиков, этих изменников революции и рабочего класса.

Но, как и следовало этого ждать, предательство и проделки меньшевиков успеха не имели. Их провокаторские штуки им не удались Грузинский народ не поддался на брошенную ими удочку. Меньшевики полагали, что достаточно будет одного их слова, чтобы весь грузинский народ, как один человек, вскочил на ноги.

Но этого не случилось. Правда, провокация была подстроена весьма искусно и наилучшим образом Все ужасы, которые меньшевиками распространялись о красных войсках, были как будто бы похожи на правду. Кто же не знает, на самом деле, что Красная армия в это время испытывала громадную нужду, что она часто бывала и голодна, и необута? И многие могли, конечно, думать, что она борется чтобы достать себе пропитание и одежду.

Но это была во всех отношениях недостойная и гнусная клевета, эта являлось самым тяжким оскорблением для Красной армии. Мы утверждаем, что были поводы, дававшие народу некоторое основание верить всем сплетням, распускаемым меньшевиками и в печати и устно, о Советской России и Красной армии.

Но, как мы уже сказали выше, народ не пошел по стопам меньшевиков.

Правительство меньшевиков об'явило всеобщую мобилизацию и выкинуло лозунг спасения родины от «русских орд». И хотя эти господа хвастливо и с большой помпой заявляли в своих газетах о том, что народ, мол, с воодушевлением идет на фронт, но это были пустые лишь фразы, и лозунги меньшевиков оставались без отклика.

Словом—народ, в ответ на меньшевистские воззвания не пошевелил и пальцем.

Но у них имелась армия, была гвардия. И они должны были воевать. Однако, можно сказать что, за весьма малым исключением, меньшевистская армия не выказывала особенного воодушевления, энтузиазма и жажды самоотверженной борьбы.

Известно, что значительная часть этих войск—в количестве до 3-4 тысяч человек, при первом-же столкновении сложила оружие и перешла на сторону Красной армии. Через несколько дней все они были освобождены и распущены по домам.

Отсюда ясно, что войска меньшевистского правительства проявляли безграничное равнодушие в деле оказания отпора Красной армии. Это проявлялось в особенности у солдат-крестьян. За меньшевиков самоотверженно и преданно билось грузинское офицерство-дети буржуазии и помещиков; но в данном случае они отстаивали свои классовые интересы, почему и бились, действительно, отчаянно. Они чувствовали, что с победой большевиков они потеряют, если не все, то, во всяком случае—многое.

Меньшевистские войска, в общем, бились вплоть до взятия Тифлиса, после чего солдаты сотнями оставляли свои части и расходились по домам, хотя дезертирство в меньшевистской армии и до занятия Красной армией Тифлиса было явлением частым.

Кроме этого, было очень характерным и радостным фактом обнаружение как среди солдат, так и среди гвардейцев, настоящих большевиков, не убоявшихся воинской дисциплины и ведших в своих частях агитацию в пользу Красной армии.

Нечего и говорить о том, что меньшевики без пощады расстреливали таких. У нас имеется множество приказов и распоряжений меньшевистских чиновников о предании суду как обыкновенных дезертиров, так и солдат-большевиков.

Таков, напр., «приказ» тифлисского генерал-губернатора, в котором было сказано:

«Приказываю учрежденному в Тифлисе военному суду разобрать 22 февраля дело гвардейцев (перечислены фамилии), обвиняемых в том, что во время нахождения в районе военных действий они перешли в лагерь противников, выдали врагу места расположения войск Республики, после чего, согласившись с предложением врагов вести в наших войсках агитацию в пользу противника, возвратились в свои части, т. е.—в преступлении, предусмотренном 242 ст. т. 22 военных законов».

Прежде всего надо пояснить, что упоминаемый закон, в силу которого подлежали суду гвардейцы и солдаты, был издан еще при царизме, и им меньшевики пользовались в усло-

виях «демократической» республики. Недаром-же они боролись с советской властью, упразднившей давным-давно царское законодательство во всех областях управления. А эти господа прекрасно пользовались именно царскими законами. Отсюда, между прочим, тоже с ясностью обнаруживается пропасть, отделявшая власть меньшевиков от власти Советов.

Другой приказ, выпущенный уже в Батуме гласил:

«Об'явить всем солдатам и гвардейцам о том, что если они к 4-му марта не явятся в свои части, они будут преданы военно-полевому суду, которому будут преданы также родители дезертиров и их укрыватели».

Как видите—положение в меньшевистских войсках и в гвардии было во всех отношениях безнадежным: народ не желал вести борьбы с Красной армией, и никакими приказами меньшевики не могли-бы помочь делу. И это являлось уже знаком полной утраты меньшевиками народного доверия. И являлось вполне естественным, что как только возник вопрос о том, быть или не быть меньшевикам, весь народ—в лице солдат и гвардейцев,—повернулся к ним спиной.

Приводим тут два документа, касающиеся деятельности меньшевистских военно-полевых судов:

1) 28 февраля, по постановлению полевого суда, расстреляно на фронте 5 дезертиров (см. „Эртоба", 1921 г. 3—III);

2) 1-го марта утром по постановлению военного суда был расстрелян на фронте солдат Рафаил Кациашвили, который вел среди солдат агитацию против борьбы с большевистски-

ми бандами и призывал солдат к возвращению по домам („Эртоба, 1921 г. 6-III).

Это были официальные сообщения, очень характерные, между прочим, и по стилю изложения. Не менее интересны, с этой стороны, мысли Н. Рамишвили.

В интервью с сотрудником газеты „Эртоба" Н. Рамишвили сказал: „Войска сейчас укрепились на недосягаемых позициях. Вспомогательные силы со дня на день все прибывают. В некоторых частях имело место, во время отступления, замешательство. Некоторые воины, вместо новых позиций, уходили домой. Этому способствовало несколько изменников в лице большевиков. Правительство приняло строгие меры: по постановлению полевого суда несколько изменников было расстреляно, остальных ослушников ждет такая же кара.

Эти меры возымели воздействие. Большая часть дезертировавших возвратилась на фронт, против остальных администрации приказано принять соответствующие меры. В настоящее время фронт вполне непоколебим. Он в самом непродолжительном времени перейдет в наступление для возвращения Тифлиса. Приняты всяческие меры к укреплению фронта. В этих целях об'явлена мобилизация всех офицеров, всех военных специалистов и граждан гор. Кутаиса до 40-летнего возраста.

Наше внешнее положение со дня на день улучшается.

Грузия постепенно привлекает к себе внимание больших государств. Последние все более и более уясняют себе ту роль, которую игра-

ет Грузия на Ближнем Востоке. Между прочим этим об'ясняется помощь, оказываемая Французской республикой своим флотом".

Таким образом—Н. Рамишвили сам удостоверял развал и распущенность армии и гвардии. Но главное внимание читателя привлекается во всем этом тем, что Рамишвили без зазрения совести врал и надувал народ, утверждая об улучшении со дня на день нашего (т.-е. меньшевистского) внешнего положения, в доказательство чего приводил ту „помощь", которую оказывала, будто бы, им Франция своим флотом.

Все это было достойно только смеха.

Откуда заключал Рамишвили, что международное положение их со дня на день улучшается—этого никто не знал.

„Мы ведем переговоры с различными государствами—сообщал этот господин читателям „Эртоба", при чем высказывал надежду, что эти государства „дадут нам возможность освободить весь Кавказ от большевистского ярма".

Нам известно, что меньшевики давно были обуреваемы такими желаниями еще в то время, когда Красная армия заняла сначали Северный Кавказ, затем Азербайджан и Армению. Это желание осталось в них и до сих пор. Как видим—аппетиты у них пребольшие!

Но одного аппетита далеко еще недостаточно, если нечем его удовлетворить. У меньшевиков не раз уже развеивались по ветру эти надежды, да и в будущем, очевидно, не один еще раз случится то же самое.

Когда сейчас вы прочитываете хвастливые писания этого господина, вы удивляетесь тому, сколько легкомыслия проявлял он в столь

серьезном вопросе, как хотя бы вопрос об изгнании большевиков из целого Закавказья.

Как мы уже знаем, ликвидация меньшевистской власти в Грузии происходила очень быстрым темпом. И только перед самым занятием Тифлиса, что совершилось 25-го февраля, меньшевики оказали Красной армии некоторое сопротивление; после этого они уже бежали в неудержимом и паническом бегстве.

На несколько дней задержались в Кутаисе, затем перебрались в Батум.

Батум был последним пунктом их отступления с грузинской территории.

Они были в это время уже окончательно разбиты, но не хотели признать этой горькой истины, не хотели самим себе признаться в этом крахе. Они об'ективно не давали создавшемуся положению вещей даже приблизительной оценки. Они продолжали действовать по обычному своему методу и испытанными средствами, т.-е. провокацией и инсинуациями.

Приводим еще один пример отвратительной во всех отношениях и бессовестной провокации меньшевиков. Это—воззвание „к грузинскому народу".

„Грузия подверглась нашествию,—читаем мы,—российско-большевистского голодного и оборваннного войска. Оно уже заняло большую часть Восточной Грузии,а сейчас угрожает и Западной Грузии. Втечение многих веков наш край переживал не одно и не два бедствия. Грузинскую землю захватывали не один и не два неприятеля, но никогда еще на грузинский народ не обрушивалась такая опасность, как сейчас, никогда еще на Грузию не ополчался такой страшный враг, как насевшие

на нее российские большевики. Они оспаривают у нас не ту или дугую часть нашей территории, а всю Грузию, всю нашу землю. Но дело не ограничивается этим. Цель большевиков—расстроить и разрушить тот государственный грузинский строй, который мы с таким трудом, кровью и потом создали. Они хотят вырвать с корнем все грузинское в Грузии и насадить здесь чуждый нам язык, чуждые обычаи и нравы и дать нам чуждого господина. Посмотрите на столицу Грузии, мать грузинских городов—Тифлись—занятый большевиками всего только два дня тому назад. Тут уже не видно нашего населения: грузины оставили в Тифлисе свои дома, имущество и ушли из города. Сегодня в нашей столице не слышно голоса грузина. Тут царство и господство русских и армян. Но большевикам и этого мало. Они уничтожают, коварно убивают передовую часть населения, а всех граждан до 50-летнего возраста,—берут на военную службу и посылают в морозную Россию, в Красную армию.

...Ворвавшиеся к нам полуголые, голодные красноармейцы разрушают и опустошают занятые деревни, отнимают у крестьян весь их урожай, хлеб, скот, а с чем сами на месте не смогут справиться,—наскоро переправляют в Азербайджан и в Россию.

Посмотрите на Сигнахский уезд, занятый врагом: пришлыми войсками все уничтожено, ограблено местное крестьянство, и все их запасы и продовольствие вывозятся в Россию» (См. „Эртоба", 1921 г. I-III).

Бессовестная провокация и инсинуация!

За два дня своего пребывания в Тифлисе большевики уничтожили в нем все грузинское, все грузины бежали отсюда, а поле игры осталось в распоряжении русских и армян. Все население до 50-ти летнего возраста забирается на военную службу и отправляется в Россию. Да не перечислить всех выдумок!

И этой ложью и провокацией эти господа думали взять свое. Но все было напрасно. Их, обреченных и приговоренных историей к смерти, ничего уже не могло спасти.

Но у них был еще один выход. Это—предложение Революционного Комитета Грузии, посланное 7-го марта и требовавшее признания в Грузии советской власти. Вопрос о составе правительства должен был быть рассмотрен совместно с представителями меньшевиков.

Но меньшевики втечение целой недели не пожелали дать на это своего согласия. Но когда они окончательно убедились в том, что французские войска к ним на помощь уже не придут, они дали согласие на переговоры, однако, с таким расчетом, чтобы и тут выиграть время, которым они воспользовались, чтобы вызвать между Красной армией и Турцией войну.

В этих целях меньшевики передали туркам Ардаганский, Артвинский и Батумский округи с городом Батумом, куда и дали войти турецким войскам до прихода туда красных войск.

Этот план меньшевиков был действительно коварным.

И в то время, когда состоялось соглашение между делегацией меньшевиков и представителями грузинского Революционного Комитета, меньшевики уже сидели на судах (18-го мар-

та) и с богатствами, похищенными в Грузии и оцениваемыми в несколько десятков миллионов рублей, направлялись в Европу. Так закончило свои дни меньшевистское правительство.

Оно вызвало к себе ненависть даже среди тех, кто до последнего момента держал их сторону. Мы имеем в виду грузинское воинство, которое никак не ожидало от правительства меньшевиков такой измены и предательства. Воинские части меньшевиков, стоявшие тогда в Батуме, никак не могли себе представить, чтобы правительство, которое они защищали с оружием в руках, само спасется бегством, бросив их на произвол неприятеля. Порядочные люди так не поступили бы. Но особенно непонятной и недопустимой для частей меньшевистских войск была вероломная передача правительством меньшевиков Турции всего Аджаристана с Батумом. Турецкие войска с согласия меньшевиков заняли батумские форты, и это случилось в то время, когда грузинские воинские части находились в Батуме. И грузинское воинство этого не могло простить меньшевикам. И как только оно узнало о том, что Революционный Комитет Грузии, т.-е. советская власть Грузии, считает недопустимой передачу Батума Турции, оно решило вернуть Батум Советской Грузии и решение свое привело в исполнение.

Это обошлось грузинскому воинству очень дорого, оно потеряло в бою 80 солдат, но зато оно кровью своей доказало преданность Советской Грузии. И как-раз эти воинские части стали основанием для создания Красной Грузинской армии. Этот факт знаменателен: воинские части, обманутые и предательски брошенные меньше-

шевистским правительством, безмолвно делаются частями Красной армии.

Так бесславно кончило свои дни правительство «демократической» Грузии, ни в одном действии которого не было и следов демократизма.

За время своего бегства из Грузии меньшевики совершили массу гадостей и дикостей, которых мы полностью здесь перечислять не будем из всех беспримерных по постыдности своей действий их, кроме тех, о которых мы уже упоминали выше, укажем на несколько лишь фактов.

Прежде всего—увоз из Грузии драгоценнейших исторических сокровищ, на что у меньшевиков никаких прав не было.

Сокровища эти составляли историческую собственность грузинского народа, втечение многих веков накоплялись они и, понятное дело, ни по какому праву не могли быть вывезены из Грузии.

Как нам известно, меньшевики кричали в один голос всюду—в прессе, в своих обращениях, в заседаниях—о том, что русские большевики ограбили нашу страну, отняли у народа все, чем он обладал, и поднесли все это в подарок ненасытной Москве. Но вся страна наша знала и знает, что отсюда ничего почти в Москву не отправлялось; напритив—как раз из России приходили сюда маршрутные поезда, груженые необходимыми товарами. Если кто Грузию и ограбил, то именно только грузинские меньшевики. И этого постыдного обвинения им не удастся опровергнуть. Грузинский народ ни в коем случае не может извинить им этого позорного проступка, и настанет день, когда он потребует этих господ к ответу.

Затем, во время своего позорного бегства из Тифлиса, меньшевики переслали в Кутаис и Батум большое количество арестованных по обвинению в большевизме. За это, конечно, никто меньшевиков не обвинит, так как в такое время это являлось обычной мерой.

Но никто, ни один более или менее порядочный человек не простит меньшевикам их исключительного по бесстыдству поступка, совершенного ими в отношении трех наших товарищей. Мы имеем в виду тов. Табукашвили, которого меньшевики совершенно беспричинно расстреляли в Зестапони, и тов. тов. Иванова и Мардалейшвили, которых эти господа сначала пытали, а затем облили керосином и сожгли—в Сагорийском лесу близ Кутаиса. Много дикостей и жестокостей было совершено меньшевиками за время их господства, но эти три убийства, в особенности два последних, явились рекордными в негодяйстве и жестокости меньшевиков.

Эти три убийства останутся несмываемым пятном на их лице.

Так закончилась борьба рабочих и крестьян Грузии за установление у нас советской власти.

Борьба эта длилась почти четыре года (1917—1921 г.г.).

Для многих борьба эта является совершенно неизвестной. Думают, будто советская власть ворвалась в Грузию силой штыков. И в особенности так думают за-границей. Нечего и говорить о том, что это большое заблуждение. Одни впадают в него умышленно, другие повторяют эту неправду по несознательности и незнакомству с действительностью.

В этом труде—в котором, конечно, много дефектов,—мы сделали попытку снять завесу с той лжи, которою меньшевики всех стран окутывают историю советской власти в Грузии.

Краткий обзор этой истории показал нам, что борьба у нас за власть Советов, начатая в 1918 году, не прекращалась вплоть до водворения этой власти у нас, что рабочие и крестьяне Грузии в борьбе этой понесли бесчисленные жертвы.

Если они втечение сравнительно долгого времени не могли достигнуть своих целей, в этом они своершенно не были виноваты. Это было скорее их несчастьем, так как они попали в крайне тяжелые условия: с одной стороны—в когти империалистов и хищников Европы, и с другой—в лапы грузинских меньшевиков,—этих предателей и изменников рабочего класса. И обстоятельства сложились так, что без помощи Красных войск Советской России рабочим и крестьянам Грузии было бы очень трудно достигнуть своих целей.

И кто мог бы и кто был бы вправе упрекнуть ту или другую сторону за братскую помощь! И лишь близорукие и озлобленные люди не могут никак примириться с этим фактом.

Пусть бьются головой об стену! Мы будем продолжать итти нашим путем, путем. указанным Лениным,—к социализму.

Что касается близоруких—история их обойдет стороной. Тем хуже для них!

История уже вынесла оправдательный вердикт тем, кто втечение целых годов беспрерывно вел борьбу за установление у нас советской власти. Всестороннее улучшение народной жизни идет безостановочно вперед как раз

с момента установления у нас власти Советов. Даже те, кто раньше являлись противниками советской власти, сегодня принуждены уже всенародно признать, что такой продуктивной работы в народном хозяйстве и в области культуры, которая развивается при советском строе, никогда у нас не бывало, да и не могло быть.

Таким образом, спор меньшевиков с большевиками разрешен самой жизнью.

А кто, не взирая на это, будет все-же упрямиться и откажется усвоить уроки жизни, он будет для нее совершенно потерян.

Цена 2 руб.